

Е. Н. Данилова

АБАЗИНЫ

Молму
группы *м*
23.01.88

«АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ»

Е. Н. Данилова

АБАЗИНЫ

(историко-этнографическое
исследование хозяйства
и общинной организации.
XIX век)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1984

Данилова Е. Н. Абазины. Историко-этнографическое исследование хозяйства и общинной организации. XIX век. — М., Издательство Московского университета, 1984 г. 144 с.

В монографии освещаются исторические судьбы одного из малых народов Северного Кавказа — абазин, составляющих ныне совместно с другими социалистическими нациями и народами СССР исторически новую социальную и интернациональную общность людей — советский народ.

В центре внимания автора малоразработанная историками и этнографами проблема северокавказской сельской общины. В работе содержатся исторические сведения об абазинском народе, его расселении, хозяйственной деятельности; анализируются земельные отношения, сословно-классовая структура, органы управления общины; дана характеристика семьи и патронимии. Автор выявляет основные черты и особенности общины, ее роль в жизни абазин в дореформенный период, в условиях раннефеодальных отношений, и в пореформенный период, характеризующийся быстрым становлением капиталистического уклада.

Для этнографов, историков и всех интересующихся историей и этнографией народов СССР.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Рецензенты:

кандидат исторических наук
Я. С. Смирнова

кандидат исторических наук

Я. А. Федоров

Елена Николаевна Данилова

АБАЗИНЫ

(историко-этнографическое
исследование хозяйства и общинной
организации. XIX век)

Зав. редакцией *Н. М. Сидорова*. Редактор *М. Л. Будниченко*. Художник *И. С. Клейнард*. Художественный редактор *М. Ф. Евстафиева*. Технический редактор *К. С. Чистякова*. Корректоры *Л. А. Айдарбекова*, *Т. С. Милякова*.

КБ № 11—2—84. ИБ № 1738.

Сдано в набор 26.12.83. Подписано к печати 20.06.84. Л-78959 Формат 70×90/16. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 10,53 Уч.-изд. л. 11,25 Тираж 2800 экз. Заказ 292. Цена 1 р. 10 к. Изд. № 2057.

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета. 103009, Москва, ул. Герцена, 5/7. Типография Ордена «Знак Почета» изд-ва МГУ. Москва, Ленинские горы

Д 0508000000—070 КБ № 11—2—84
077(02)—84

© Издательство
Московского университета, 1984 г.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях зрелого социализма в СССР окончательно сложилась и получает свое дальнейшее поступательное развитие новая социальная и интернациональная общность людей — советский народ. Вместе с тем это многонациональная общность, ее образуют социалистические нации и народности Союза Советских республик.

Укрепление интернационального единства новой исторической общности людей, дальнейшее развитие интернациональной культуры советского народа происходит на основе совершенствования, расцвета и сближения национальных культур.

«Идеологическая работа в условиях нашей страны, объединяющей свыше 100 наций и народностей, — подчеркивается в материалах июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС, — немыслима без *внимательного изучения их специфических интересов, особенностей национальной психологии и культуры*»¹. Постоянное и пристальное внимание Коммунистической партии и Советского правительства к судьбам наций и народностей СССР, их насущным нуждам, бережное отношение к их историческому прошлому — это последовательное осуществление ленинских принципов научно обоснованной национальной политики нашего государства.

В этой книге рассказывается об исторических судьбах абазинского народа, составляющего наравне с другими нациями и народностями СССР неотъемлемую часть новой исторической общности людей. Монография посвящена изучению хозяйства и соседской общины (в исторических исследованиях ее называют также сельской, территориальной) абазин.

Своеобразные общественные отношения народов Северного Кавказа в феодальную эпоху и на ранних этапах развития капитализма постоянно находятся в центре внимания ученых-кавказоведов. В июне 1980 г. в Махачкале региональная научная конференция по проблемам феодализма на Северном Кавказе наряду с теоретическим осмыслением накопленного эмпирического материала выявила еще не решенные вопросы и наметила дальнейшую программу исследований в этом направлении.

К числу недостаточно изученных вопросов общественного устройства народов Северного Кавказа относится история северокавказской общинной организации. Между тем всестороннее и глубокое исследование этой основной социальной структурной единицы докапиталисти-

---

¹ Коммунист, 1983, № 9, с. 34.

ческих и раннекапиталистических обществ может оказать существенную помощь в успешном решении проблемы генезиса и путей развития феодализма на Северном Кавказе.

В XIX в. общинная организация на Северном Кавказе существовала повсеместно, имея исключительное значение в жизни его народов, находившихся на разных уровнях социально-экономического развития. Общественно-политический строй большинства народов Северного Кавказа (в том числе абазин, адыгских народов, балкарцев, ингушей, карачаевцев, чечен) до окончательного включения их в систему Российского государства еще не достиг уровня централизованного государственного объединения. Подобные общественно-политические структуры, характерные для раннего этапа развития феодализма, были построены на автономизации их составных частей; у северокавказских народов это прежде всего сельские соседские общины и их союзы².

Соседская община — явление сложное и многообразное. Сменив родовую, основанную на кровно-родственных связях, сельская соседская община, где постепенно господствующими становятся соседско-территориальные отношения, существовала в течение длительного времени. У отдельных народов Советского Союза, в том числе и на Северном Кавказе, она бытовала вплоть до завершения сплошной коллективизации³. В наши дни община как одна из главных форм социально-экономической организации людей еще широко распространена во многих развивающихся афро-азиатских странах. Вот почему изучение общины составляет для историков актуальную задачу.

Общинные структуры имели и имеют свои региональные особенности, формировавшиеся под воздействием определенных естественно-географических и социально-экономических факторов в определенной этнокультурной среде. Выявление этих особенностей — необходимая часть исторических исследований соседско-общинной организации.

В некоторых исследованиях соседскую общину называют пережиточной формой первобытнообщинных отношений. Это, пожалуй, правильно лишь в том случае, если имеют в виду время и генетические истоки ее происхождения. Существовая в различных общественно-экономических формациях (первобытнообщинной, феодальной, капиталистической, в переходный период от капитализма к социализму), община качественно не оставалась неизменной. Она развивалась, трансформировалась, принимала «превращенные формы». Поэтому рассматривать ее просто как рудимент первобытнообщинного строя было бы упрощением и искажением сложных исторических процессов, поскольку функционирование общины в разных формациях часто в качестве основной формы общественно-экономической жизни того или иного народа обуславливалось объективными историческими условиями.

---

² Для характеристики таких общественно-политических структур Л. П. Лашук предложил ввести понятие «ацентрическая феодальная система». Теоретическую разработку вопроса об ацентрических феодальных системах, их основных чертах и сущности см.: Лашук Л. П. Введение в историческую социологию, вып. 2. Конкретные проблемы исторической социологии. М., 1977, с. 120—133.

³ См.: Данилов В. П. Об исторических судьбах крестьянской общины в России. — В сб.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, вып. 6. Вологда, 1976.

Методологической основой данной книги послужили труды классиков марксизма-ленинизма, освещающие разные стороны происхождения и деятельности общины. Община, в частности соседская, глубоко интересовала К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. В работах К. Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству», «Наброски ответа на письмо В. И. Засулич», «Британское владение в Индии», Ф. Энгельса «Марка», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Франкский период», В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «К характеристике экономического романтизма», «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» и других специально или попутно рассмотрены вопросы, связанные с общиной⁴. Используя новейшие историко-экономические достижения своего времени, основоположники марксизма дали классическую материалистическую характеристику общинной организации на разных этапах ее существования. В советской исторической литературе имеются многочисленные специальные исследования, анализирующие взгляды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина на общину⁵.

Общественное устройство горцев Кавказа «с их иногда довольно высокими политическими формами, с особыми формами примитивного народовластия, и их особой «вольностью» и вместе с тем вполне устойчивым общественным порядком»⁶ уже на раннем этапе этнографического изучения Кавказа вызывало большой интерес исследователей. М. О. Косвен считал, что в начале 40-х годов XIX в. русская наука вплотную подошла на Кавказе к проблеме родового строя и со-

---

⁴ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I; т. 19; т. 9; т. 21; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3; т. 1; т. 2; т. 17.

⁵ См.: Тер-Акопян Н. Б. Развитие взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на азиатский способ производства и земледельческую общину. — Народы Азии и Африки, 1965, № 2; он же. К. Маркс и Ф. Энгельс о характере первичной общественной формации. — В сб.: Проблемы истории докапиталистических обществ, кн. 1. М., 1968; Алексеев Ю. Г. В. И. Ленин о некоторых чертах русской общины конца XIX в. — В сб.: В. И. Ленин и проблемы истории. Л., 1970; Александров В. А. В. И. Ленин о сельской общине в крепостнической России. — СЭ, 1970, № 1; он же. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М., 1976, с. 25—38; Лаптин П. Ф. Община в русской историографии. Киев, 1971; Данилов В. П. В. И. Ленин о крестьянской общине в России. — В сб.: Тезисы докладов и сообщений 13-й сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1971; Зак С. Д. К. Маркс и Ф. Энгельс о сельской общине в России. — Там же; он же. Сравнительная характеристика германской и русской крестьянской общины в трудах Маркса и Энгельса. — В сб.: Тезисы докладов и сообщений 14-й сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1972; Андреев И. Л. К. Маркс о месте общины во всемирной истории в набросках ответа на письмо В. И. Засулич. — СЭ, 1979, № 5.

⁶ Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961, с. 209.

седской общины⁷. Однако темой специального исследования соседская община на Кавказе стала значительно позже — в 70—80-е годы XIX в. Хотя во второй половине XIX в. соседская община на Кавказе существовала и функционировала в полной мере, она была изучена недостаточно и крайне неравномерно. Больше внимания уделялось закавказской сельской общине.

Исследований о соседской общине северокавказских народов в до-революционной литературе почти нет. Пожалуй, очерк Ф. Щербины — единственная работа обобщающего характера об общинной организации горцев Северного Кавказа.

Ф. Щербина, как и большая часть исследователей Северного Кавказа его времени, архаизировал общественные отношения северокавказских народов. Так, соседскую, территориальную общину на Кавказе он определял как «родовую», которая могла состоять из одного или нескольких «родов». При исследовании порядка землепользования внутри общины Ф. Щербина отрицал существование феодальной земельной собственности, хотя правильно отмечал широкое и длительное сохранение в северокавказской общине вольной заимки земли и отсутствие у многих северокавказских народов земельных переделов. Формы взаимопомощи в кавказской общине Ф. Щербина рассматривал как результат «неопределенной, бессистемной (?) деятельности общинника»⁸. В целом же очерк Ф. Щербины ценен тем, что в нем обобщены сведения об общине, разбросанные в разных изданиях, статьях, книгах.

Отдельные сведения о сельской общине коренного населения Северного Кавказа находим в работах К. Ф. Сталя, Н. Карлгофа, адыгского историка и этнографа Хан-Гирея, Л. Я. Люлье, Б. Миллера, В. Б. Пфафа и некоторых других авторов⁹. Дворянские и буржуазные ученые довольно много внимания уделяли выяснению запутанных земельных отношений северокавказских горцев. Повышенный интерес к формам землевладения в значительной степени был связан с подготовительными работами царской администрации по проведению земельных преобразований на Северном Кавказе в 60—70-е годы XIX в. В статьях и очерках В. Белобородова, Е. Б-ова, П. Гаврилова, Н. С. Иваненкова, А. Есиева, Г. Малявкина, М. В. Орлова, И. Пантюхова довольно полно отражены земельные отношения (в том числе частично и общинное землевладение) у горских народов¹⁰.

⁷ См.: Косвен М. О. Указ. соч., с. 216.

⁸ Щербина Ф. Общинный быт и землепользование у кавказских горцев. — Северный вестник, 1886, № 1, с. 145.

⁹ См.: Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа. — Кавказский сборник, т. 21. Тифлис, 1900; Карлгоф Н. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря. — РВ, 1860, т. 28; Хан-Гирей. Записки о Черкессии. Нальчик, 1978; Люлье Л. Я. О натухажцах, шапсугах и абадзехах. — ЗКОРГО, т. IV. СПб., 1857; Миллер Б. Из области обычного права карачаевцев. — ЭО, 1902, № 1; он же. В Карачае. — ЭО, 1899, № 1; Пфаф В. Б. Народное право осетин. — ССКГ, т. I. Тифлис, 1871.

¹⁰ Гаврилов П. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа. — ССКГ, вып. 2. Тифлис, 1869; Пантюхов И. Землевладение у чеченцев. — Сборник сведений о Терской области, вып. I. Владикавказ, 1878; Малявкин Г. Очерк общинного землевладения в Кабарде. — ТВ, 1891, № 86, 94; Б-ов Е. По вопросу о формах землевладения у кабардинцев. — ТВ, 1891, № 67; он же. По

Известный русский ученый М. М. Ковалевский в нескольких краткосрочных этнографических экспедициях на Кавказ собрал уникальный историко-этнографический материал, который лег в основу его широко известных кавказоведческих трудов¹¹.

Обстоятельно изучая общественный строй и быт северокавказских горцев, М. М. Ковалевский первым выдвинул тезис о своеобразии развития феодализма на Кавказе. Особенности феодальных отношений горцев он именовал кавказским «горским» феодализмом. Но несмотря на свой постоянный интерес к исследованию соседской общины (изученной им преимущественно по западноевропейским источникам) в работах, посвященных Кавказу, М. М. Ковалевский этот вопрос почти не затрагивал, за исключением, пожалуй, Дагестана¹². Таким образом, соседская общинная организация населения Северного Кавказа осталась вне поля зрения ученого.

В целом до Октябрьской революции соседская община северокавказских народов даже не была всесторонне описана.

В годы Советской власти начался качественно новый этап в изучении своеобразных общественных отношений народов Северного Кавказа. Опираясь на марксистско-ленинскую методологию, советские кавказоведы исследуют различные периоды исторического прошлого горцев. В работах А. В. Фадеева, Ш. Д. Инал-Ипа, Г. А. Дзидзария, М. В. Покровского, В. К. Гарданова, Г. Х. Мамбетова, Л. И. Лаврова, Б. М. Джимова, Р. К. Чанба и других историков освещаются экономические и общественно-политические особенности развития близко родственных абазинам абхазов и адыгских народов¹³.

поводу эксплуатации кабардинцами частновладельческих земель. — ТВ, 1899, № 99; Белобородов В. Землевладение в Терской области. — ТВ, 1895, № 107—111; Есиев А. Обычное земельное право и право землевладения горных осетин Терской области. Владикавказ, 1901; Орлов М. В. Возможна ли частная земельная собственность в Карачае? — ИОЛИКО, вып. 3. Екатеринодар, 1902; Иваненков Н. С. Землевладельцы Кубанской области и разделы земель. — Там же; он же. Горные чеченцы. Культурно-экономическое исследование Чеченского района нагорной полосы Терской области. — Терский сборник, вып. 9. Владикавказ, 1910; и др.

¹¹ См.: Ковалевский М. М. Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа. — Русская мысль, 1883, № 12; он же. В горских обществах Кабарды. Из путешествия В. Миллера и М. Ковалевского. — Вестник Европы, 1884, кн. 4; он же. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении, т. 1—2. М., 1886; он же. Закон и обычай на Кавказе, т. 1—2. М., 1890; он же. Поклонение предкам у кавказских народов. — Вестник всемирной истории, 1902, № 3; и др.

¹² Подробнее о кавказоведческих трудах М. М. Ковалевского, его исследованиях теоретических проблем кавказоведения см.: Калоев Б. А. М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М., 1979.

¹³ См.: Фадеев А. В. Хозяйство и двор абхазского помещика накануне реформы 1870 г. — В кн.: Материалы по истории Абхазии, сб. 1. Сухуми, 1939; он же. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957; он же. К вопросу об уровне экономического развития кавказских горцев к середине XIX в. — Научные доклады высшей школы, серия «Исторические науки», вып. 1. М., 1959; он же. О социальном положении незакрепощенных крестьян у кавказских горцев в дореформенный период. — В кн.: Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961 и др.; Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми, 1965; он же. Страницы истории этнографии абхазов. Сухуми, 1971; Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в. Сухуми, 1958; Покровский М. В. Адыгейские племена в XVIII—

В 70-е годы XX в. многое достигнуто и в области теоретической разработки процессов становления и развития феодального строя на Северном Кавказе¹⁴, хотя относительно периодизации основных этапов феодальной формации, генезиса и существования феодальной собственности на землю, уровня развития феодализма северокавказских народов, формирования основных классов феодального общества и некоторых других вопросов истории Северного Кавказа среди специалистов существуют различные, порой противоречивые мнения.

Решая в целом проблемы общественного устройства северокавказских народов в феодальный период, кавказоведы не могут обойти общинную организацию, но в таких работах, как правило, просто упоминается существование общины, или дается весьма сжатая и общая характеристика общины, или рассматриваются отдельные стороны ее деятельности¹⁵.

До последнего времени публикации, особо и комплексно исследующие сельскую соседскую общину горцев Северного Кавказа, ее исторические пути, характерные черты, локальные модели, исчисляются буквально единицами¹⁶. Отсутствие трудов моноэтнического и локаль-

---

первой половине XIX в. — КЭС, т. 2. М., 1958; Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1967; Мамбетов Г. Х. Общественный строй и семейный быт кабардинцев и балкарцев в XVI — первой половине XIX в. — В кн.: История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1967; Лавров Л. И. Из поездки в Черноморскую Шапсугию летом 1930 г. — СЭ, 1936, № 4—5; он же. Адыги в раннем средневековье. — Сборник статей по истории Кабарды, вып. 4. Нальчик, 1955; он же. К истории бжедугов и жанеевцев. — УЗ АНИИ, т. 4. Краснодар, 1965; Аутлев М. Г., Лавров Л. И. Прошлое и настоящее Шовгеновского аула. — В кн.: Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области. М.—Л., 1964; Джимов Б. М. Общественный строй дореформенной Адыгеи. — УЗ АНИИ, т. 11. Майкоп, 1970; Чанба Р. К. Земледелие и земельные отношения в дореволюционной Абхазии. Тбилиси, 1977; и др.

¹⁴ См.: Анчабадзе З. В., Робакидзе А. И. К вопросу о природе кавказского горского феодализма. — В кн.: Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвященной итогам исследований в 1970 г. Тбилиси, 1970; Меликишвили Г. А. К вопросу о характере древних закавказских и средневековых горских северокавказских классовых обществ. — История СССР, 1975, № 6; Гриценко Н. П. К вопросу о феодальных отношениях в Чечено-Ингушетии (историографический очерк). — ИСКНЦВШ, 1976, № 4; Марковин В. И. К изучению средневековой истории народов Северного Кавказа. — Там же; Исаева Т. А. Феодальные владения на территории Чечено-Ингушетии в XVIII в. — В кн.: Вопросы истории Чечено-Ингушетии, вып. 9. Грозный, 1977; Робакидзе А. И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе. — СЭ, 1978, № 2; Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978; Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа. Региональная научная конференция. 11—12 июня 1980 г. Тезисы докладов. Махачкала, 1980; Виноградов В. Б. Генезис феодализма на Центральном Кавказе. — ВИ, 1981, № 1.

¹⁵ См.: Покровский М. В. Указ. соч.; Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы; Гарданов В. К. Указ. соч.; Мамбетов Г. Х. Указ. соч.; Джимов Б. М. Указ. соч.; Скитский Б. В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972; Магомедов А. Х. Общественный строй и быт осетин (XVII—XIX вв.). Орджоникидзе, 1974; Очерки истории Карачаево-Черкессии, т. 1. Ставрополь, 1967; и др.

¹⁶ См.: Харадзе Р. Л. Сельская община в Балкарии (на грузинском языке). — В кн.: Материалы по этнографии Грузии, вып. 2. Тбилиси, 1960; она же. Некоторые стороны сельско-общинного быта горных ингушей. — КЭС, вып. 2. Тбилиси, 1968; Магомедов А. Х. Сельская община у осетин. — УЗ СОГПИ, т. 28, вып. 2. Орджоникидзе, 1968; он же. Общественный строй и быт осетин (XVII—XIX вв.), раз-

ного характера, как и обобщающих монографий по истории общинной организации всего Северного Кавказа, в значительной степени объясняется слабой историко-этнографической разработкой этой проблемы по отдельным народам. Лишь община карачаевского народа подверглась глубокому и всестороннему изучению в докторской диссертации В. П. Невской¹⁷.

Пожалуй, впервые в 1978 г. А. Х. Магомедов при характеристике общих и особенных черт политического устройства горцев в дореформенный период отвел должное место их соседской общинной организации. Акцентируя внимание на том, что соседская община — низшее элементарное звено любой политической структуры народов Северного Кавказа (А. Х. Магомедов выделяет две основные формы политического устройства горцев — феодальное владение и территориальные союзы типа «вольных» обществ), он охарактеризовал общие черты северокавказской соседской общины¹⁸. В 1980 г. на конференции в Махачкале В. П. Невская в своем докладе наметила основные типы соседской общины северокавказских народов, показала специфику и общие закономерности развития общины в феодализирующихся горских обществах Северного Кавказа¹⁹.

Разумеется, наблюдения А. Х. Магомедова и В. П. Невской нельзя считать окончательными и бесспорными. В частности, А. Х. Магомедов, так же, впрочем, как и В. К. Гарданов, Ш. Д. Инал-Ипа, Э. Л. Коджесау, затрагивая проблему соседской общины, на наш взгляд, несколько преувеличивает ее «пережиточность». Сельская соседская община феодального периода — новый этап ее развития, и в XIX в. она сохранялась не как пережиток или прикрытие формировавшихся феодальных отношений, а в качестве основного структурного звена общественного устройства многих северокавказских народов. Преувеличение пережиточности соседской общинной организации приводит к недооценке ее воздействия на формирование особенностей общественно-политического устройства различных народов Северного Кавказа. Между тем

дел об общине; Коджесау Э. Л. К вопросу о сельской общине у адыгов в XIX — начале XX в. — УЗ АНИИ, вып. 11. Майкоп, 1970; Данилова Е. Н. Семья и патронимия в системе сельской общины абазин во второй половине XIX в. — СЭ, 1973, № 5; она же. Земельные отношения в абазинской сельской общине в предреформенный период. — ВМУ, серия 8, «история», 1973, № 3; Невская В. П., Невская Т. А. Сельская община у карачаевцев в XIX в. — В кн.: Социальные отношения народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1978; Мусукеев А. И. Балкарский «тукъум». Патронимическая организация и фамилия в системе сельской общины. Нальчик, 1978; Хасбулатова З. И. Структура сельской общины и патронимии у чеченцев во второй половине XIX в. — ВМУ, серия 8, «история», 1981, № 1; Кажаров В. Х. О системе регулирования землепользования в кабардинской сельской общине (первая половина XIX в.). — В кн.: Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980; он же. Сельская община у адыгов в первой половине XIX века (поземельные отношения). Автореф. канд. дисс. М., 1982.

¹⁷ См.: Невская В. П. Эволюция аграрного строя и сельская община у карачаевцев в XIX в. Автореф. докт. дисс. Черкесск, 1966.

¹⁸ Магомедов А. Х. Политическое устройство у горских народов в первой половине XIX в. — В кн.: Социальные отношения народов Северного Кавказа.

¹⁹ См.: Невская В. П. Сельская община и феодализация горских обществ Северного Кавказа. — В кн.: Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа, с. 12—13.

конкретный материал позволяет проследить судьбы общины, постепенные процессы ее закрепощения, превращение свободной общины в феодальнозависимую. Сравнительно-историческое исследование общинных структур народов Северного Кавказа и других районов нашей страны даст возможность понять закономерности развития этого сложного социального института, познать пути становления и развития феодальных и капиталистических отношений на Северном Кавказе.

Не случайно советский историк и этнограф В. А. Александров закономерно ставит в прямую зависимость разрешение дискуссионных проблем генезиса феодализма и капитализма в России от степени изученности истории общины²⁰.

Источники, послужившие основой данной монографии, весьма разнообразны. Это архивные документы и полевые наблюдения автора, сведения, содержащиеся в периодических изданиях XIX в., воспоминания русских офицеров — участников Кавказской войны, сборники официальных документов.

В книге в большой мере привлечены документы Центрального государственного военно-исторического архива, Государственного архива Краснодарского края, Государственного архива Северо-Осетинской АССР, Центрального государственного исторического архива Грузинской ССР, Государственного архива Кабардино-Балкарской АССР.

Анализ разнообразных архивных документов позволил исследовать вопросы землевладения в общине абазин в дореформенный и пореформенный периоды, ее сословно-классовую структуру, отдельные стороны сложных внутриобщинных отношений, взаимоотношения князей со своими подвластными, князей между собой и с царской администрацией.

Официальные документы ярко отражают колонизаторскую политику царского правительства, направленную прежде всего на скорейшее усмирение местного населения, на окончательное политическое и экономическое подчинение Северного Кавказа царской России.

Богатые фактические сведения собраны в «Актах Кавказской археографической комиссии». Эта комиссия, учрежденная в 1864 г., просуществовала до 1917 г. На нее возлагались разработка главных архивов Кавказа и публикация важнейших документов. За время существования комиссии было издано 12 томов документов, причем последний том содержал главным образом документы северокавказских архивов. Комиссия подготовила и 13-й том, оставшийся неопубликованным. Его материалы хранятся в ЦГИА Гр. ССР (ф. 416).

В пореформенный период, когда интерес к истории и жизни населения Кавказа значительно усилился, Кавказское горское управление начало издавать специальные сборники, из которых можно было извлечь сведения о социально-бытовых особенностях народов Кавказа. С 1868 по 1881 г. это управление печатало отдельными выпусками «Сборник сведений о кавказских горцах». С 1867 г. в Тифлисе выхо-

---

²⁰ См.: Александров В. А. Сельская община в России..., с. 43.

дил «Кавказский сборник», а с 1881 г. там же Управление Кавказского учебного округа издавало серию книг под названием «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». В этих трудах помещены исторические, этнографические описания и исследования отдельных народов, записи их фольклора. Хотя об абазинах в сборниках содержится немного материала, в них есть весьма ценные документы, служащие незаменимым источником по истории абазин и их общины: например, сведения, собранные Е. Д. Фелицыным, или «Проект положения об устройстве аульных обществ в Кубанской области», «Положение дела освобождения зависимых сословий в горских округах Кубанской области» и др.²¹ Различные материалы историко-этнографического характера публиковались в газетах «Кавказ» и «Кубанские областные ведомости».

Важным источником при изучении прошлого северокавказских народов служат труды местных просветителей. Один из первых абазинских общественных деятелей и литераторов Адиль-Гирей Кешев (1840—1872 гг., его литературный псевдоним Каламбий) в обобщенной и художественной манере ярко запечатлел жизнь горского аула в последнее предреформенное десятилетие и первые пореформенные годы²². В его рассказах и очерках масса ценного этнографического материала. Отдавая дань своему времени и рассчитывая прежде всего на русского читателя, Адиль-Гирей Кешев, повествуя о жизни горцев, обычно употребляет собирательный термин «черкесы». Это обстоятельство дало повод отдельным исследователям считать Кешева бытописателем преимущественно адыгских народов²³. На наш взгляд, это не совсем правомерно. Абазин по национальности, уроженец Кечевского аула Зеленчукского округа Верхне-Кубанского приставства, Адиль-Гирей Кешев не мог не использовать знания быта абазинского аула, хорошо знакомого ему с детства²⁴. С полным правом можно и нужно обращаться к произведениям этого писателя в историко-этнографических исследованиях абазинского народа.

В нашей монографии широко использованы полевые этнографические материалы, собранные абазинским отрядом Северо-Кавказской этнографической экспедиции МГУ в 1970—1971, 1975 гг. в аулах Карачаево-Черкесской автономной области. Участники экспедиций — аспиранты и студенты кафедры этнографии — практически обследовали

---

²¹ См.: Фелицын Е. Д. Численность горцев и других мусульманских народов Кубанской области с распределением их по месту жительства и с показанием племенного состава жителей каждого аула. — ССКГ, вып. 9. Тифлис, 1885; Памятная книжка Кубанской области. Екатеринодар, 1882; ССКГ, вып. I. Тифлис, 1868.

²² См.: Каламбий. Записки черкеса. — Библиотека для чтения. СПб., 1860, т. 159; он же. На холме. — РВ, 1861, т. 36; он же. Абреки. — РВ, 1860, т. 30.

²³ См., напр.: Голубева Л. Г. Каламбий (Кешев А. Г.). Биографический очерк. — ТКЧНИИ, вып. 4 (серия филологическая). Черкесск, 1964; Гарданов В. К. Указ. соч., с. 11; Китов Ф. И. Художественные традиции русского романтизма 20—30-х годов XIX в. в творчестве адыгских писателей. — В кн.: Вопросы абазинской и адыгской филологии, вып. 2. Ставрополь, 1974, с. 62—63.

²⁴ Подробнее о литературной деятельности А. Г. Кешева, его жизненном пути см.: Тугов В. Б. Очерки истории абазинской литературы. Черкесск, 1970, с. 9—15; Голубева Л. Г. Указ. соч.

все аулы абазин-тапантинцев и шкаровцев, изучая различные стороны хозяйственной, общественной и духовной жизни народа в прошлом.

Следует отметить определенные трудности, встречавшиеся при сборе этих материалов. Выяснение многих общественно-бытовых понятий осложнялось не только особенностями абхазского и абазинского языков, в которых конкретные определения часто выражаются не одним каким-либо словом, а словосочетанием, но и тем, что для некоторых явлений хозяйственно-культурной жизни абазин характерны либо утрата многих специфических терминов, либо замена их другими, чаще общеадыгскими. Однако продолжать терминологические поиски необходимо: чем интенсивнее будет проводиться всестороннее этнографическое изучение абазин, тем большая вероятность зафиксировать еще уцелевшие в народной памяти исторические события, обряды, обычаи и другие стороны прошлой жизни.

В связи с тем что в течение длительного времени не велось последовательного сбора этнографического материала об абазинах, многое из интересующего этнографа, специфического, характерного только для этого народа, в настоящее время утрачено. Сложная историческая судьба абазин, частые переселения, нарушение относительной географической изоляции, смешанное расселение не способствовали сохранению ярко выраженных особенных черт их хозяйственной, бытовой и социальной жизни. В этнографическом отношении абазины имеют много общего с родственными им абхазами. В то же время длительное соседство с народами Северо-Западного Кавказа, особенно адыгскими, наложило свой отпечаток: абазины близки к ним и обнаруживают много общего с ними в быту, культуре, образе жизни.

Все это не означает, конечно, что этнографического изучения абхазов и адыгских народов достаточно, чтобы изучить и абазин. Всестороннее историко-этнографическое исследование абазин необходимо не только, чтобы познать конкретную историю абазинского народа, но и для решения многих вопросов, связанных с широкой проблемой этнокультурного единства населения верховьев Кубани и Причерноморья. Некогда эта территория представляла собой в этнокультурном отношении единое целое, и абазины составляли часть этого целого.

Наше исследование преследует двойную цель: во-первых, пополнить историко-этнографические научные знания о мало исследованном народе Северо-Западного Кавказа — абазинах и, во-вторых, на примере соседско-общинной организации абазинского народа показать роль, место, значение общины в раннефеодальных системах, не достигших централизации, проследить ее судьбы в условиях развивающихся капиталистических отношений, выяснить причины устойчивого бытования. Небольшой объем книги вынудил автора ограничиться характеристикой преимущественно внутренней жизнедеятельности общины абазин, оставив в стороне ее внешнеполитические связи, требующие специального рассмотрения. Особое внимание уделено исследованию форм земельной собственности, организации производственной деятельности общинников, взаимоотношениям различных групп населения.

Хронологически тема монографии охватывает 30—90-е годы XIX в. Такое ограничение обусловлено главным образом состоянием источ-

ников. Ранее 30-х годов XIX в. сведения об абазинах весьма скудны, эпизодичны и не позволяют создать достоверной и ясной картины хозяйственной жизни народа, внутриобщинных и межобщинных отношений. Сравнительно небольшой, но исторически сложный период в судьбах населения Северо-Западного Кавказа, избранный для изучения, — это, по существу, два этапа в социально-исторических условиях существования абазинской общины: дореформенный, когда она развивалась самобытно в системе феодальных отношений, и пореформенный, характеризующийся резкой ломкой прежних экономических и бытовых отношений в результате развития нового капиталистического уклада.

Появление этой книги стало возможно в значительной степени благодаря помощи моего учителя, известного исследователя Северного Кавказа, удивительного, редкого человека, безвременно ушедшего от нас в феврале 1981 г. — старшего научного сотрудника кафедры этнографии исторического факультета МГУ Я. А. Федорова. На протяжении всех лет совместной работы я постоянно ощущала его поддержку, чуткое отношение, заинтересованность в результатах исследования. Пусть этот труд послужит скромной данью памяти Я. А. Федорова.

Глубокую благодарность приношу старшим научным сотрудникам Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института экономики, истории, языка и литературы Л. З. Кунижевой и В. Б. Тугову, аспиранту Института истории СССР АН СССР Ш. Ш. Хуранову за консультации и помощь в переводе на русский язык абазинских историко-бытовых терминов и понятий. Искренне признателен автор жителям абазинских аулов Карачаево-Черкесской автономной области, где кафедра этнографии исторического факультета МГУ неоднократно проводила полевые историко-этнографические исследования, за активную помощь и доброе отношение к участникам экспедиций.

**ОБЩИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ
СВЕДЕНИЯ ОБ АБАЗИНСКОМ
НАРОДЕ И ЕГО РАССЕЛЕНИЕ
В XIX В.**

Современные абазины принадлежат к числу малых народов мира, в конце 1978 г. их насчитывалось 39 000 человек¹. В СССР, по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г., проживает 29 000 абазин, основная их часть — 24 245 человек сосредоточена на Северо-Западном Кавказе в Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края РСФСР². 10 000 абазин живут в Турции³; это потомки той части абазинского народа, которая во второй половине XIX в. выселилась с Северного Кавказа.

Численность абазинского населения, оказавшегося вдали от Родины, резко сократилась и постоянно уменьшается. В Турции абазины живут довольно обособленно.

Великая Октябрьская социалистическая революция возродила к жизни небольшой северокавказский народ, обеспечив ему равенство и свободное развитие в семье братских народов Советского Союза. Численность абазин в СССР по сравнению с началом XX в. возросла почти в 3 раза. При Советской власти абазинский народ достиг полного социального возрождения и расцвета своей национальной культуры.

В 1955 г. Л. И. Лавров писал: «Абазинский народ принадлежит к числу тех народов, этнография и история которых еще не написаны»⁴. По сей день абазины — наименее изученный в историко-этнографическом отношении народ Северо-Западного Кавказа.

В дореволюционной кавказоведческой литературе сведения об абазинах скудны, отрывочны, подчас поверхностны. В этих описаниях указаны численность, расселение, деление на локальные подразделения абазин, иногда высказаны предположения об их происхождении. Характеристику социально-экономического и общественного устройства эти авторы обычно не дают, они подменяют их указаниями на боль-

¹ Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1981, с. 868.

² Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1980, с. 26.

³ Брук С. И. Указ. соч., с. 526.

⁴ Лавров Л. И. Абазины (историко-этнографический очерк). — КЭС, т. I. М., 1955, с. 5.

шое сходство жизни абазин либо с адыгскими, либо с абхазским народами⁵.

Лишь в советское время началось подлинно научное изучение языка, фольклора, истории и этнографии абазин. В трудах советских лингвистов А. Н. Генко, Г. П. Сердюченко, К. Ломтатидзе, филолога В. Б. Тугова наряду с детальным исследованием языка, фольклора и литературы абазин кратко освещаются вопросы происхождения абазинского народа и его исторические судьбы⁶.

В 1955 г. вышла первая историко-этнографическая работа об абазинах Л. И. Лаврова⁷. Она и по сей день остается, можно сказать, настольной книгой для тех, кто интересуется историей и этнографией этого народа. Л. И. Лавров использовал в своем труде главным образом опубликованные источники, меньше обращаясь к архивным и полевым материалам. Естественно, что в историко-этнографическом очерке Л. И. Лаврова не все вопросы нашли достаточно полное отражение, а иные и вовсе не были затронуты, в том числе проблемы соседской общины, патронимии и семьи.

Большее внимание историки и этнографы уделяют этногенезу абазин. Этой проблеме посвящены специальные исследования Е. П. Алексеевой, Л. И. Лаврова, а также наблюдения Ш. Д. Инал-Ипа, З. В. Анчабадзе, попутно с абхазским этногенезом затрагивающих в своих трудах происхождение абазин⁸.

---

⁵ См., напр.: Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. I. М., 1823; Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске или вообще замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию и о соседственных горских народах. СПб., 1829; Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М., 1846; Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. 2. СПб., 1871; Вейденбаум Е. Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888; Берже А. П. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Тифлис, 1858; А.-Д. Г. Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии. — Военный сборник, вып. XI. СПб., 1860; Торнау Ф. Воспоминания кавказского офицера. — РВ, 1864, № 9—11; Фелицын Е. Черкесы — адыги и западнокавказские горцы. Екатеринодар, 1884; Невский П. Закубанский край в 1864 году. — Кавказ, 1868, № 97—101; Абрамов Я. В. Кавказские горцы. — Дело, 1884, № 1; Щукин М. Из поездок по верхней Кубани. — Землеведение, 1914, № 21; Пейсонель И. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря. Краснодар, 1927; Народы Западного Кавказа. — Кавказский сборник, т. 30. Тифлис, 1910; Македонов Л. В. В горах Кубанского края. Быт и хозяйство жителей нагорной полосы Кубанской области. Воронеж, 1908; Динник Н. Горы и ущелья Кубанской области. — ЗКОРГО, 1884, т. 13, вып. 1.

⁶ Генко А. Н. Абазинский язык. М., 1955; Сердюченко Г. П. Язык абазин. — Известия Академии педагогических наук, вып. 7. М., 1955; Ломтатидзе К. Тапантский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1944; она же. Ашхарский диалект и его место среди других абхазо-абазинских диалектов. Тбилиси, 1954; Тугов В. Б. Очерки истории абазинской литературы. Черкесск, 1970.

⁷ Лавров Л. И. Указ. соч., с. 5—47.

⁸ Лавров Л. И. Обезы русских летописей. — СЭ, 1946, № 4; он же. Абазинь, с. 8—9; он же. Проблемы этногенеза кавказских горцев. — В кн.: Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978, с. 42—47; он же. О происхождении абазин. — В сб.: Археология и этнография Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1979, с. 73—78; Алексеева Е. П. К вопросу о происхождении абазин по данным археологии. — ТКЧНИИ, вып. 6. Ставрополь, 1970; она же. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии, с. 186—197; она же. О происхождении и расселении абазин в средние века. — В кн.: Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкессии.

Рис. 1. Старик Муса Табулов (первый справа) с односельчанами. Бибердовский аул. Фотография Д. И. Ермакова (конец XIX в.)

Отдельные сведения о расселении, хозяйстве, быте, общественном устройстве абазин содержатся в работах С. Басария, Ц. Н. Бжания, Е. Н. Кушевой, В. П. Невской, Н. Г. Волковой, Я. С. Смирновой, Б. А. Калоева, а также в трудах общего, сводного характера о народах Северо-Западного Кавказа⁹.

Черкесск, 1980, с. 14—59; Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми, 1965, с. 357, 360—369; Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI—XVII вв.). Сухуми, 1959.

⁹ Басария С. Абазинский аул в Мало-Карачаевском округе. Сухуми, 1929; Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства абхазов. Сухуми, 1962; Кушева Е. Н. Из истории сношений западных адыге и северокавказских абазин с Русским государст-

Рис. 2. Абазинки. Бибердовский аул. Фотография Д. И. Ермакова (конец XIX в.)

В 70-е — начале 80-х годов опубликованы статьи этнографов и историков Т. Ф. Агеевой, Ю. И. Зверевсой, Л. З. Кунижевой, Ш. Ш. Хуранова, в которых исследованы некоторые стороны хозяйства и материальной культуры, общественной и духовной жизни абазин в прош-

вом в XVI—XVII вв.— ТКЧНИИ, вып. 4. Черкесск, 1965; она же. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI — 30-е гг. XVII в.). М., 1963; Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973; она же. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века. М., 1974; Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981; Народы Карачаево-Черкессии (историко-этнографические очерки). Ставрополь, 1957; Народы Кавказа, т. 1 (из серии «Народы мира»). М., 1960; Невская В. П. Земельная реформа и отмена крепостного права в Черкессии. — ТКЧНИИ, вып. 3. Черкесск, 1959; Очерки по истории Карачаево-Черкессии, т. I—II. Ставрополь, 1967, 1972;

лом и настоящим¹⁰. Однако с сожалением приходится отмечать, что по сравнению с другими народами Северного Кавказа историко-этнографическое изучение абазин все еще отстает. Это обстоятельство в значительной степени определило выбор данного народа в качестве объекта настоящего исследования.

Самоназвание абазин — «абаза». В средние века этот этноним применялся не только для обозначения собственно абазин, но и других родственных им абхазо-абазинских племен¹¹.

Северокавказские абазины, о которых пойдет речь в данной книге, делятся на этнические группы — тапанта (тапанта) и шкарауа (ашхъарауа), каждая из которых имеет свой диалект абазинского языка. Эти диалекты относятся к абхазо-адыгской группе кавказских языков. Термин «тапанта» иранского происхождения, означает «равнинный житель». Ту часть абазин, которая жила в горах, абазины-тапантинцы именовали «ашхарцами», то есть горцами¹².

Л. И. Лавров и Н. Г. Волкова выделяют еще южную группу абазин (по источникам XVII—XVIII вв. — Южная Абаза). Н. Г. Волкова впервые попыталась определить этнический состав этой группы абазинского народа. Она причисляет к южным абазинам приморских сазов и горные общества Хамыш, Артокуадж, Хишха, Цандрипш, Геч, Аредба, Багрипш, Псху, Саше и некоторые другие¹³. З. В. Анчабадзе и Ц. Н. Бжания все эти горные общества, а Ш. Д. Инал-Ипа еще и

Смирнова Я. С. Национально-смешанные браки у народов Карачаево-Черкессии. — СЭ, 1967, № 4; она же. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX—XX в. М., 1983; Федоров Я. А. Историческая этнография Северного Кавказа. М., 1983.

¹⁰ Агеева Т. Ф. Современное городское абазинское население. — В кн.: История горских и кочевых народов Северного Кавказа, вып. 1. Ставрополь, 1975, с. 67—81; она же. Национально-смешанные браки у абазин Карачаево-Черкесской автономной области. — Там же, с. 82—99; Зверева Ю. И. К истории поселения абазин-шкарауа (первая половина XIX в.). — В кн.: История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Межвузовский сборник статей. Орджоникидзе, 1981, с. 111—118; она же. К вопросу об изучении материальной культуры абазин. — В кн.: Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкессии (материальная и духовная культура). Черкесск, 1982, с. 134—154; она же. Из истории формирования поселений северокавказских абазин в Кубанской области (60—90-е гг. XIX в.). — ВМУ, серия 8, «история», 1983, № 1, с. 69—80; Кунижева Л. З. Кожевенное дело у абазин. — КЭС, т. 5. М., 1972; она же. Из истории обработки металла у абазин (XIX в.). — В кн.: Из истории Карачаево-Черкессии. — ТКЧНИИ, вып. 7, серия историческая. Ставрополь, 1974, с. 245—262; она же. Некоторые вопросы из истории скотоводства абазин (XIX — начало XX в.). — В кн.: Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1980, с. 60—71; она же. Из народной медицины абазин. — В кн.: Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкессии..., с. 180—190; Хуранов Ш. Ш. Об абазинских тамгах. — В кн.: Археология и этнография Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1979, с. 163—188.

¹¹ Генко А. Н. Указ. соч., с. 7; Инал-Ипа Ш. Д. Указ. соч., с. 360; Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа..., с. 65.

¹² Лавров Л. И. Абазины, с. 9; Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа..., с. 75—79.

¹³ Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа..., с. 75—79.

приморские общества считают абхазскими, а не абазинскими¹⁴. Вопрос о южной группе абазин, ее составе, локализации отдельных подразделений, связях с северокавказскими абазинами пока разработан недостаточно.

Рассмотрение проблемы происхождения абазин, ранних этапов их этнической истории не входит в задачи данной работы. Этим сложным, дискуссионным, не до конца решенным вопросам посвящены статьи советских кавказоведов Л. И. Лаврова и Е. П. Алексеевой.

До конца XIII в. абазинские этнические подразделения обитали на восточном побережье Черного моря, северо-западнее нынешней Абхазии (от р. Бзыбь до Туапсе). В пределы Северного Кавказа абазины начали переселяться с конца XIII в. Исследователи относят массовое переселение тапантинцев к XIV в., шкаровцев — к XVI — началу XVII в.¹⁵ В XVIII в. все группы абазин — тапантинцев и шкаровцев — источники локализуют на землях Северного Кавказа.

В XVII—XVIII вв. северокавказские абазины находились в политической зависимости от усилившихся кабардинских и бесленеевских феодалов. Освободились они от этой зависимости лишь в конце XVIII в., воспользовавшись активизацией внешней политики царского самодержавия на Кавказе.

В первой половине XIX в. Россия испытывала нарастание кризиса феодально-крепостнической системы, который привел к интенсивному развитию капиталистических отношений и к отмене в 1861 г. крепостного права. С усилением внутреннего кризиса в России все более активной становилась внешняя политика царизма. Присоединение к России национальных окраин, диктовавшееся экономическими, политическими и стратегическими интересами царского самодержавия, на Северном Кавказе протекало в условиях антиколониальной и антифеодальной борьбы северокавказских народов.

Судьбы горских народов Северо-Западного Кавказа в первой половине XIX в. тесным образом связаны с военно-политическими событиями на Кавказе в это время. В начале XIX в. абазины подобно другим горцам Северо-Западного Кавказа оказались втянутыми в Кавказскую войну.

Укреплению позиций царского правительства на Северном Кавказе, присоединению к России новых земель, в частности закубанских, особенно противодействовала султанская Турция. Часть горского населения, поддавшись усиленной антирусской пропаганде, выступила против России. Периоды обострения политической обстановки на Северном Кавказе сменялись периодами ее временного смягчения. Со второй четверти XIX в. борьба горцев протекала под флагом мюридизма и приняла форму религиозной борьбы с «неверными».

¹⁴ Инал-Ипа Ш. Д. Страницы истории и этнографии абхазов. Сухуми, 1959, с. 256; Бжания Ц. Н. Указ. соч., с. 9, 20, 28 и др.; Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI—XVII вв.). Сухуми, 1959, с. 256.

¹⁵ Лавров Л. И. Абазины, с. 9; Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии, с. 196.

Хотя по вероисповеданию абазин мусульмане, реакционные религиозные идеи мюридизма не нашли среди них, как и среди остальных горцев Северо-Западного Кавказа, столь же безоговорочной и фанатичной поддержки, как в Дагестане и Чечне. Это отчасти можно объяснить тем, что ислам суннитского толка начал проникать к абазинам довольно поздно, с начала XVII в., от крымских татар и ногайцев, и еще в середине XIX в., особенно у абазин шкаровских подразделений, весьма сильными оставались пережитки христианства и языческих верований¹⁶. С. А. Чекменев, рассматривая взаимоотношения горцев Северо-Западного Кавказа и агентов имамата Шамиля, подчеркивает, что народы центральных районов Северного Кавказа, в частности жившие на землях нынешней Карачаево-Черкессии, во время Кавказской войны часто выступали против проповедников и последователей мюридизма¹⁷.

Однако колонизаторские методы подчинения местного населения, используемые царским самодержавием (вплоть до карательных экспедиций в горы, разорения аулов, принудительного выселения), при одновременной активной антирусской агитации турецких агентов спровоцировали массовое выселение горцев в Турцию. Большая часть абазинского народа также поддалась провокациям.

Напряженная и сложная военно-политическая обстановка на Северо-Западном Кавказе обнажала и обостряла внутренние социальные противоречия среди горцев, усиливала существовавшую феодальную раздробленность. Царизм умело использовал феодальную междоусобицу в своих интересах. Например, главнокомандующий на Кавказе барон Розен прямо указывал в письме военному министру графу Чернышеву в 1833 г.: «Я полагал бы полезнейшим для нас благоприятствовать существующим между горскими племенами несогласиям и, помогая слабейшим, обессиливать сильнейших»¹⁸.

Общественно-политическая структура абазинского народа до окончательного присоединения Северо-Западного Кавказа к России не имела централизации. Основные этнические группы абазин — тапанта и шкарауа — делились на мелкие подразделения, которые в XIX в. выступали локальными группами абазин. К тапантинцам принадлежали лоовцы (лэу), бибердовцы (бибард), дударуковцы (дударыкъва), клычевцы (кълыч), кячевцы (кIачь), джантемировцы (джэнтымыр); к шкаровцам относились башилбаевцы (бысылбай, мысылбай), кизилбековцы (къызылбэк), шахгиреевцы (чэгъарэй), тамовцы (там), баракаевцы (баракъай), баговцы (багъ).

Отдельные этнические подразделения абазин были недостаточно связаны между собой и экономически и политически. Между некоторыми из них подчас возникали несогласия, раздоры, доходившие до вооруженных столкновений. Каждое этническое подразделение состояло из большего или меньшего числа автономных и независимых соседских сельских общин, возглавляемых, как правило, феодалами.

---

¹⁶ Лавров Л. И. Абазинцы, с. 32.

¹⁷ Очерки истории Карачаево-Черкессии, т. 1, с. 293.

¹⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6228, л. 51.

Общая численность абазин в начале прошлого века точному определению не поддается. «История абазинского народа до XX в., — пишет Л. И. Лавров, — представляет собой повесть о непрерывном уменьшении некогда большого и сильного кавказского народа»¹⁹. По предположению этого автора, до 60-х годов XIX в. абазин было не менее 60 000 человек²⁰.

Политическая обстановка на Северном Кавказе в первой половине XIX в. — Кавказская война, феодальные междоусобицы — заставляла абазин, как и некоторые другие горские народы Северо-Западного Кавказа, не раз менять места своего жительства. Поэтому выяснение вопроса о расселении и численности абазин в этот период чрезвычайно сложно. Сведения, встречающиеся в источниках, неполны, подчас противоречивы и не дают ясного и полного представления о территориальных границах расселения и численности этого народа, о перемещении отдельных абазинских подразделений и аулов.

К началу 40-х годов XIX в. еще не все группы абазинского народа считались окончательно «покорными», особенно среди шкаровцев, живших в горных труднодоступных районах. Но большая часть тапантинцев к этому времени была расселена в пределах российских владений.

Мы не останавливаемся на характеристике расселения абазин до середины XIX в. В трудах Л. И. Лаврова и Н. Г. Волковой подробно, насколько позволили источники, рассмотрено передвижение абазинских подразделений и отдельных аулов, начиная с XVII в. Менее детально освещены ими 40—50-е годы XIX в.²¹. Опираясь главным образом на неопубликованные источники, дополним данные указанных авторов о размещении и численности абазинского народа в середине XIX в. и в пореформенный период.

Источники свидетельствуют, что в конце 40-х — 50-е годы XIX в. абазинский народ по-прежнему не имел целостной и четкой этнической территории. Аулы абазин-тапантинцев локализовались преимущественно по рекам: Кубани, Куме и ее притоку Подкумку, Малке в пределах Кабарды, а также по Большому и Малому Зеленчукам.

Согласно сведениям К. Ф. Сталя, в начале 40-х годов XIX в. «покорных» абазин-тапантинцев (кумских, кубанских и зеленчукских) насчитывалось приблизительно 8000—8500 человек²². Сходная цифра (8500 человек) приводится для 50-х годов XIX в. в «Географо-статистическом словаре Российской империи». Автор словаря П. П. Семенов-Тян-Шанский, очевидно, использовал аналогичные данные А. П. Берже²³. Приведенные статистические сведения неполны. Мы не имеем данных о численности абазин-тапантинцев, проживавших в аулах на

¹⁹ Лавров Л. И. Абазины, с. 35.

²⁰ Лавров Л. И. Абазины, с. 5, 6.

²¹ Лавров Л. И. Абазины, с. 13—15; Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа..., с. 65—80.

²² Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа. — Кавказский сборник, т. 21. Тифлис, 1900, с. 80 (подсчеты мои. — Е. Д.).

²³ Семенов-Тян-Шанский П. П. Географо-статистический словарь Российской империи, т. I. СПб., 1863, с. 2; Берже А. П. Краткий обзор горских племен на Кавказе. — В кн.: Кавказский календарь на 1858 г. Тифлис, 1858, с. 269.

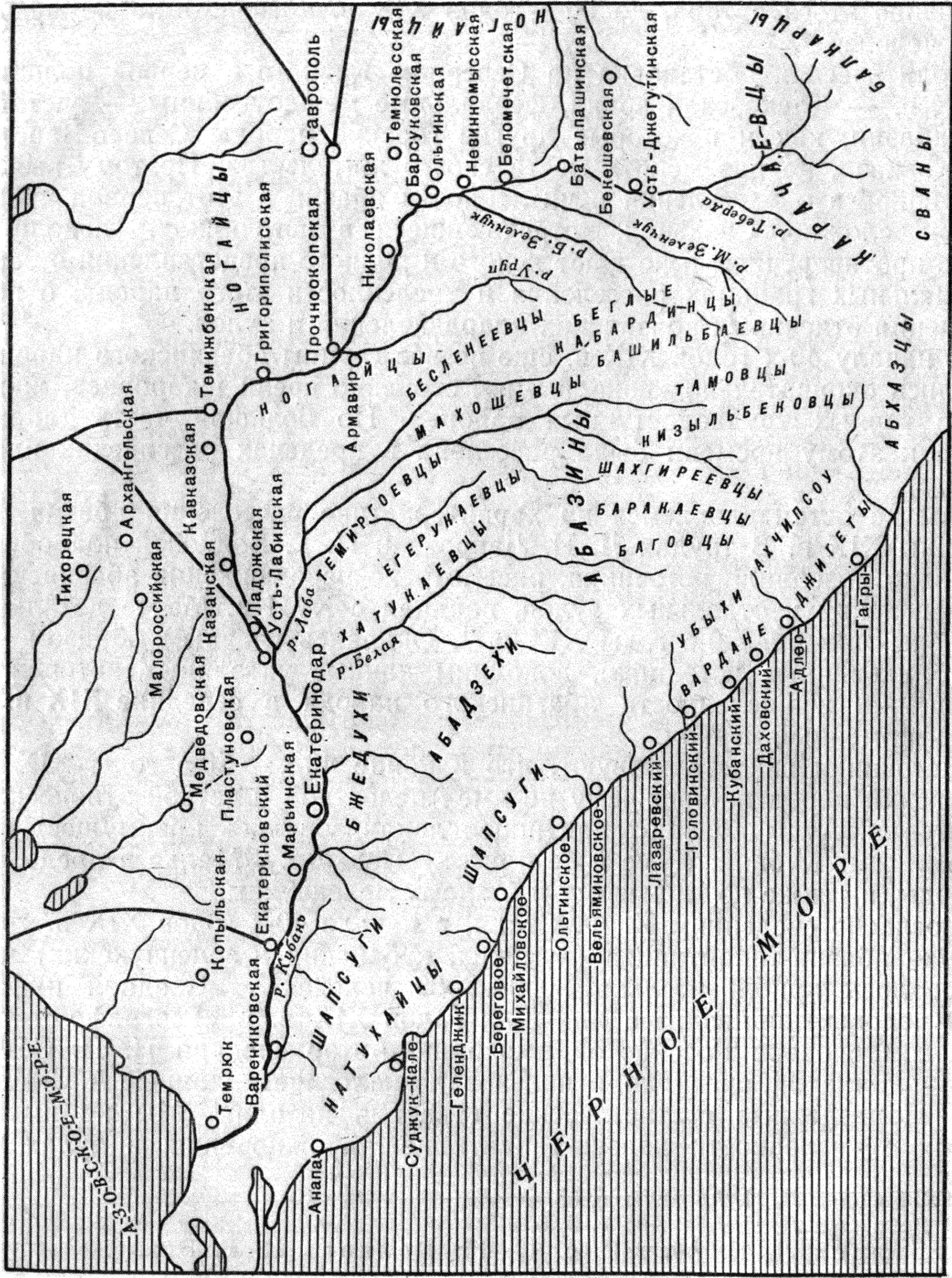

Рис. 3. Схема расселения горских народов Западного Кавказа в первой половине XIX в. Из кн.: Очерки истории Карачаево-Черкессии, т. I. Ставрополь, 1967, вклейка между сс. 310—311.

Малке. В 1846—1847 гг., согласно «Списку аулов Большой Кабарды», здесь находились аулы Трамова, Лафишева, Джантемирова, Кармова, Бабукина, Аджиева²⁴. Отсутствуют сведения и о числе абазин, оставшихся в 40-х годах XIX в. в районе Пятигорья, где они жили в конце XVIII — начале XIX в. В архивных документах упоминается только аул Песчаный, расположенный в 30—60-х годах XIX в. (до 1863 г.) близ ногайского Султановского аула, на землях бывшей крепости Песчаной, по которой он и получил свое наименование²⁵. Очевидно, жители этого аула принадлежали к джантемировцам. Л. И. Лавров сообщает, что в 1794 г. вблизи нынешнего Пятигорска обитали 4300 джантемировцев²⁶. Нет сведений о «непокорных» тапантинцах и о тех, которые проживали в аулах других народов.

Наиболее крупные поселения абазин в 30-х годах XIX в. — аул Дударуковский, с 1834 г. осевший на левой стороне Кубани против станицы Баталпашинской, и аул князей Лоовых на Куме, поселенный здесь в 1825 или в 1828 гг. Эти аулы насчитывали каждый более 1500 жителей²⁷.

В конце 30-х — начале 40-х годов XIX в. произошло расселение кумских абазин. Причиной расселения послужили междоусобицы среди князей Лоовых, а также земельные тяжбы между абазинами и казаками вновь образованных на Куме Бекешевской и Суворовской станиц казачьего Хоперского полка. В 1839 г. часть лоовцев с разрешения генерала Граббе переселилась с Кумы на правую сторону Кубани. Эдык, Ногай и Саралып Лоовы, каждый со своими подвластными, поселились небольшими аулами при Учкул-горе, между Учкул-горою и Усть-Джегутинской балкой и при Усть-Джегутинской балке. Одновременно с ними с Кумы ушли 4 брата Джегутановых и 2 брата Айсановых — агмиста-ду Лоовых. Они поселились отдельным аулом с подвластными им людьми на Джеганасе, близ аула поручика Балты Ахлова²⁸. Вероятно, именно этот аул при переселении части лоовцев на Малый Зеленчук в 60-х годах XIX в. образовал отдельный квартал в Лоовско-Зеленчукском ауле.

В конце 30-х годов XIX в. на Куме проживала небольшая часть кячевцев. Об ауле кячевцев в 1840 г. сообщал генерал-майор Менд²⁹. Из «Переписки о переселении князей Лоовых с подвластными крестьянами на Кубань» узнаем, что вместе с лоовцами с Кумы выселились князь Кучук Кечев и с ним 180 кячевцев и князь Девлет-Гирей Бибердов и с ним 105 бибердовцев. Кячевцы поселились на р. Кубани ниже аула Береслана Туганова; бибердовцы стали жить в Тохтамышевском ауле.

²⁴ ЦГА КБ АССР, ф. 16, оп. 1, д. 520, л. 2. В «Очерках истории Карачаево-Черкессии» (см. т. I, с. 311) при характеристике расселения абазин в первой половине XIX в. абазинские аулы на Малке почему-то совсем не упоминаются.

²⁵ ЦГИА Гр.ССР, ф. 416, оп. 3, д. 25, л. 1, 3 об.

²⁶ Лавров Л. И. Абазины, с. 26.

²⁷ ЦГВИА, ф. 13 454, оп. 2, д. 284, л. 262, ф. 14 257, оп. 3, д. 437, л. 8 об., оп. 5, д. 802, л. 1 об.

²⁸ ЦГВИА, ф. 13 454, оп. 2, д. 284, л. 266, 271 об., 300, 301.

²⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6382, л. 3 об., 4.

Всего же с Кумы на Кубань в конце 30-х — начале 40-х годов XIX в. выселилось более 1000 абазин-тапантинцев. На Куме в ауле Калагирея Лоова осталось 563 жителя³⁰.

В начале 40-х годов XIX в. наблюдалось и обратное переселение лоовцев на Куму. «Избранные для жительства князьями Эдыком, Саралыпом и Ногаем места, — сообщалось в «Переписке о переселении князей Лоовых», — лишены всех выгод хозяйственных, ибо пространство в 20 верст от Учкул-горы до Хумаринского укрепления заключает гористую и каменистую почву земли и хотя имеются обширные балки, но они вообще изобилуют лесом»³¹. Поэтому уже спустя короткое время многие самовольно возвращались на Куму. Так, только в 1840 г. возвратились 136 человек³². Лишь вмешательство царской администрации прекратило переселение лоовцев с Кубани на прежнее место.

В начале 40-х годов XIX в. еще один лоовский аул (Якуба Лоова) упоминается на Малом Зеленчуке. Отсюда в 1842 г. он переселился на Теберду. В 1851 г. аул Якуба Лоова числился в Тохтамышевском приставстве и насчитывал 497 жителей³³.

В конце 40-х годов XIX в. произошло расселение трамовцев, живших на Малке. В 1848 г. бóльшая их часть (в том числе Калмык, Шолох, Харпыс и Умар Трамовы с подвластными) перешли на Куму. На Малке остался аул Бек Мурзы Трамова (20 дворов); он находился там и в 1857 г. Еще один трамовский аул в том же 1857 г. располагался на Малой Лабе близ Шахгиреевского ущелья, но когда и при каких обстоятельствах он здесь поселился, неизвестно³⁴.

Сведения за 1856—1857 гг. показывают, что в эти годы в пределах Кавказской кордонной линии на Кубани располагались 7 аулов абазин-тапантинцев (в том числе Дударуковский, Лоова, Бибердова, остальные не названы); по Куме и Подкумку находились аулы Трамова, Джантемирова, Цымпова, Лоова и Абукова. В кумских аулах насчитывалось 276 дворов и 4000 жителей. Число дворов и численность жителей кубанских аулов на 1856 г. не указаны, но в 1858 г. в аулах Лоова, Дударукова и Бибердова, а также в ауле Клычева и Сидова, расположенном на Малом Зеленчуке, насчитывалось 377 дворов и 4400 жителей³⁵. Значительно увеличился Лоовско-Кубанский аул: сюда в 1854 г. были водворены абазины-лоовцы, жившие вместе с кабардинцами на Теберде. Этот аул стал самым крупным из абазинских поселений; он насчитывал 172 двора и 1601 жителя³⁶. Однако какая-то часть лоовцев оставалась на Теберде и в 60-х годах XIX в. Л. И. Лавров указывает лоовское селение в низовьях Теберды в 1867 г.³⁷

³⁰ ЦГВИА, ф. 13 454, оп. 2, д. 284, л. 302 об., 45.

³¹ Там же, л. 270 об.

³² Там же, л. 300.

³³ ЦГА СО АССР, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 32; ЦГВИА, ф. 13 454, оп. 2, д. 564, л. 25.

³⁴ ЦГВИА, ф. 14 257, оп. 3, д. 406, л. 5, 14, 35.

³⁵ ЦГВИА, ф. 14 257, оп. 3, д. 437. «Ведомость о народонаселении покоренных азиатцев в 20 аулах Тохтамышевского приставства» 1858 г. (число дворов и жителей подсчитано мною. — Е. Д.).

³⁶ ЦГА КБ АССР, ф. 16, оп. 1, д. 1391, л. 40.

³⁷ Лавров Л. И. Абазины, с. 24.

Данные, извлеченные из официальных неопубликованных документов 1856—1858 гг., наглядно показывают разбросанность поселений абазин-тапантинцев, неполноту статистических сведений о них (таблица 1).

Таблица 1

Число и расположение аулов
абазин-тапантинцев в 1856—1858 гг.*

Река, где расположен аул	Аул	Число дворов	Всего жителей	Число жителей	
				мужчины	женщины
Кума	Лоова	78	1019	530	489
	Трамова	58	709	388	321
	{ Абукова	140	2272	—	—
	Цымпова				
	Джантемирова				
Всего	276	4000	—	—	
Кубань	Лоова	172	1601	861	770
	Дударукова	112	1424	754	670
	Бибердова**	37	754	379	375
	Джегутановых		сведений нет		
	Всего	321	3779	1994	1815
Малка	Трамова	20	—	—	—
	{ Лафишева				
	Кармова				
	Бабукова				
	Аджиева				
сведений нет					
Большой Зеленчук	{ Клычевых	56	661	353	308
	Сидовых				
Аулы в других местах	Трамова	25	—	—	—
	Песчаный		сведений нет		

* ЦГВИА, ф. 14 257, оп. 3, д. 390, л. 20 об., д. 437, л. 24, 24 об.; ЦГА КБ АССР, ф. 16, оп. 1, д. 1391, л. 40.

** Из 7 аулов тапантинцев, расположенных в эти годы на Кубани, названы только 4. Аул Бибердова находился здесь с 1854 г.; в конце 1858 г. он упоминается на Малом Зеленчуке.

Описания и документы 40-х — начала 60-х годов XIX в. локализируют абазин-шкаровцев в тех же местах, что и источники первой четверти XIX в.³⁸ Их аулы размещались в верховьях Урупа — левого

³⁸ Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа..., с. 73.

притока Кубани, Большой и Малой Лабы, Большого Зеленчука и их притоков — Андрюка, Ходза, Губса, Кяфара. Временами отдельные аулы из-за военных действий перемещались в пределах своей территории, уходя в неприступные места, или поселялись среди соседних народов. Многочисленные факты таких передвижений приводит Л. И. Лавров. Большая часть шкаровских подразделений оставалась, по выражению официальных документов, «полупокорными»³⁹.

О численности этой группы абазин сохранилось еще меньше сведений, чем о тапантинцах, к тому же все сведения о шкаровцах и более противоречивые. Число аулов и численность их жителей в разных источниках указаны по-разному. Один из авторов XIX в. Д. Г. Анучин (А.-Д. Г.) полагал, что в 50-е годы насчитывалось до 10 000 шкаровцев⁴⁰. Согласно «Военно-статистическому обозрению Кубанской области» (1851 г.) на Северном Кавказе было около 22 000 шкаровцев, в том числе по 3000 кизилбековцев и шахгиреевцев, а также по 3500 баговцев и баракаевцев⁴¹. Л. И. Лавров неоднократно подчеркивал, что правдоподобнее более высокие цифры, так как известно, что в Турцию выселилось большое число абазин, причем преимущественно шкаровцы⁴².

Самое многочисленное и сильное подразделение шкаровцев — башилбаевцы. По данным 1851 г., они проживали в 14 аулах (722 двора) в верховьях Урупа, Кяфара, Большого Зеленчука и насчитывали 4873 человека. Несколько более ранние сведения (1846 г.) дают приблизительно такую же цифру — 4000 башилбаевцев⁴³. В «Географо-статистическом словаре Российской империи» численность башилбаевцев определяется в 8000 человек⁴⁴. Характеризуя расселение шкаровских подразделений в первой четверти XIX в., Н. Г. Волкова констатирует уход башилбаевцев с верховий Большого Зеленчука к началу 30-х годов XIX в.⁴⁵ В документах начала 50-х годов мы встречаем прошение части башилбаевцев разрешить им вновь поселиться на Зеленчуке (из-за междоусобиц с шахгиреевцами). Таким образом, уход башилбаевцев с Зеленчука, отмеченный Н. Г. Волковой, был явлением временным. Архивные документы подтверждают вывод Л. И. Лаврова о переселении в конце 50-х годов большей части башилбаевцев на Большую и Малую Лабу⁴⁶.

Места расселения кизилбековцев — верховья долины Андрюк, притока Лабы. А. П. Берже знает лишь один аул кизилбековцев — Кизилбеков аул в 600 душ за горою Ахмет⁴⁷. На карте разоренных аулов, составленной в 1855 г., по донесениям генерала Евдокимова — коман-

³⁹ Лавров Л. И. Абазины, с. 28—30; Очерк положения военных дел на Кавказе с начала 1838 по конец 1842 г. Рига, 1847, с. 103; ЦГВИА, ф. 14 257, оп. 3, д. 126, ф. 38, оп. 7, д. 68, л. 7 и др.

⁴⁰ А.-Д. Г. Указ. соч., с. 309.

⁴¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19 051, ч. 2, л. 158.

⁴² ЦГИА Гр.ССР, ф. 416, оп. 3, д. 146, л. 6 об.; Лавров Л. И. Абазины, с. 16.

⁴³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19 051, ч. 2, л. 157, 158, д. 6599, л. 2.

⁴⁴ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Указ. соч., с. 250.

⁴⁵ Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа..., с. 73.

⁴⁶ Лавров Л. И. Абазины, с. 28; ЦГВИА, ф. 14 257, оп. 3, д. 126.

⁴⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6652, л. 16; Берже А. П. Указ. соч., с. 269, 276.

дира отряда, совершившего поход в земли кизилбековцев, указаны кизилбековские аулы: Мистиркой, Кодг, Чкагильда, Докшуко Дагужиева, Сашалык, Безхачук, Эфенди⁴⁸. Но это, очевидно, не все аулы, так как в литературе встречаются названия и других кизилбековских аулов (например Шалухой, Кумнилало, Сагат-Гирея, Султана Аканча, Самалка).

Очень неполны сведения об остальных шкаровских подразделениях — тамовцах, шахгиреевцах, баракаевцах и баговцах. Тамовцы занимали верховья Большой Лабы; известны только тамовские аулы Солимана и Джантемира Заурумовых в Тамовском ущелье. Л. И. Лавров упоминает аулы Большой Там (Тамдыв) и Малый Там (ТамткI-вып). Максимальная численность тамовцев (690 человек) указана на 1858 г.⁴⁹ Она явно занижена, поскольку известно, что большинство тамовцев выселились в Турцию, 460 человек переселились в Кувинский аул и какая-то часть тамовцев перешла в другие аулы⁵⁰.

Шахгиреевские аулы располагались в Шахгиреевском ущелье по обрывистым и крутым берегам Малой Лабы. В упоминаемых в источниках аулах Магомета Кубатова, Эфенди Шаторова, Кель Мурзиева и Цекмисова насчитывалось приблизительно 110 дворов⁵¹. В архивных материалах встречаются упоминания о трех небольших баговских аулах на р. Ходзь (один из этих аулов в начале 50-х годов XIX в. насчитывал 60 дворов) и о трех баракаевских селениях по р. Губс (Бароко Лахова — Нижний и Верхний аулы, Бзекезова)⁵². М. Венюков, приводя данные полковника Лихутина о шкаровцах, также сообщает о трех баракаевских аулах и прибавляет, что «число баракаевцев было на самом деле значительнее»⁵³.

Одним из последствий Кавказской войны можно считать значительное численное уменьшение горцев Северо-Западного Кавказа вследствие их переселения в Турцию. Массовые переселения начались стихийно еще во время войны с конца 50-х годов XIX в. Царское правительство не только не препятствовало выселению, а, напротив, провоцировало население покидать родные места. Из 500 000 жителей Кубанской области к началу 80-х годов XIX в. осталось лишь около 90 000 человек⁵⁴.

Одними из первых начали переселяться абазины. По неполным официальным данным, с 1859 по 1866 г. в Турцию, по одним источникам, ушли примерно 30 000 абазин (4350 семей), по другим — 45 000. Сведений о переселившихся абазинах за период с 1867 по 1871 г. пока разыскать не удалось, с 1871 по 1884 г. выехали еще около 2000 че-

⁴⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6652, л. 16.

⁴⁹ Лавров Л. И. Абазины, с. 29.

⁵⁰ ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 111, л. 3.

⁵¹ АКАК, т. 12. Тифлис, 1893, с. 792; Лавров Л. И. Абазины, с. 30.

⁵² ЦГВИА, ф. 14 257, оп. 3, д. 390, л. 19; ЦГА СО АССР, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 7, 8 об.

⁵³ Венюков М. Очерк пространства между Кубанью и Белой. — ЗРГО, кн. 2. СПб., 1863, с. 47, примечание.

⁵⁴ ЦГА СО АССР, ф. 262, оп. 1, д. 51, л. 21.

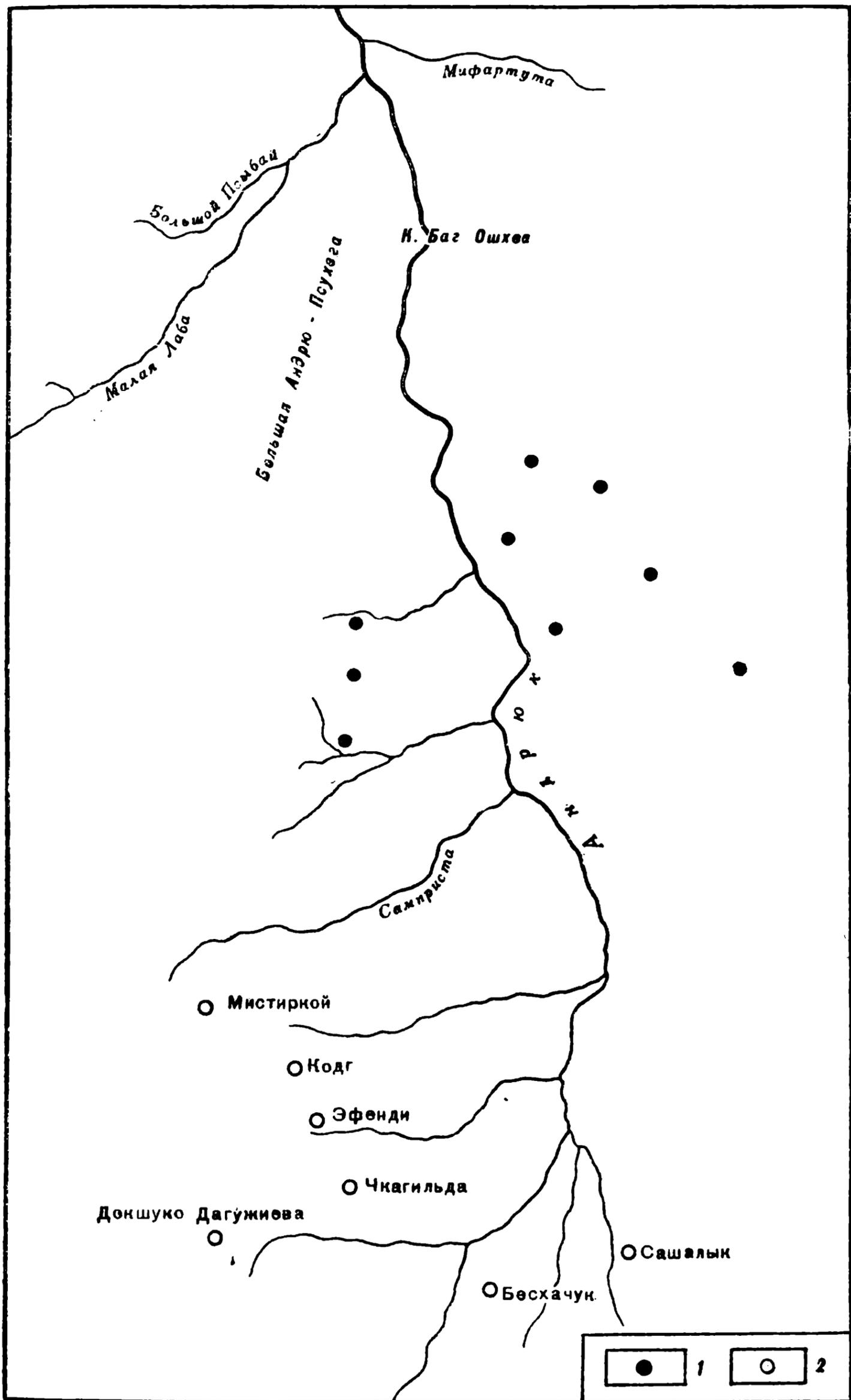

Рис. 4. Схема расселения абазин-кизилбековцев в верховьях р. Анд-
рюк (1855 г.): 1 — кош, 2 — аул

ловек. В пределах Кубанской области к 1883 г. оставалось всего 9921 абазин⁵⁵.

В 60-х годах XIX в. было завершено выселение оставшихся горцев Северо-Западного Кавказа из горных районов в предгорные и равнинные. В расселении горцев произошли значительные изменения, которые затронули и абазин.

В 60-х годах XIX в. в результате переселений абазин перестали существовать высокогорные шкаровские аулы. В предгорьях были созданы аулы шкаровских подразделений: Кувинский (ныне Старо- и Ново-Кувинские аулы), Шахгиреевский (ныне Апсуа), расположенные на Большом Зеленчуке, Егибоковский поселок и аул Сидова (ныне Псаучье Дахе) на Малом Зеленчуке. Кувинский аул, первоначально (в 1864 г.) поселенный в Кувинском ущелье, в 1866 г. был переведен на Большой Зеленчук. Его жители (122 семьи свободных общинников и 35 семей зависимых крестьян) принадлежали главным образом к подразделениям тамовцев (461 человек), псхувцев (300 человек) и шахгиреевцев (70 человек)⁵⁶. Многие семьи абазин-шкаровцев оказались разбросанными по адыгским аулам. Так, в Ульском ауле проживали 27 семей кизилбековцев, 21 семья баракаевцев, 11 семей шахгиреевцев, 7 семей башилбаевцев. В аулах Майкопского уезда в 1883 г. насчитывалось 119 семей абазин-шкаровцев⁵⁷.

Переселение из горных районов царские чиновники проводили принудительно: устанавливали жесткие сроки переселения, забирали заложников (аманаты), применяли угрозы, разоряли и сжигали места поселений. В «Переписке о выдаче аманатов баракаевского племени» говорилось, например: «...Объявить баговцам и баракаевцам, что если они к 25 числу (25 июня 1862 г. — Е. Д.) не очистят занимаемых ими мест, то аулы их будут разорены, а аманаты сосланы в Сибирь...»⁵⁸. Эти угрозы царская администрация приводила в действие в случаях невыполнения горцами ее требований.

Осуществляя выселение горцев, царское правительство считало, что это один из лучших способов усмирения края. В горах труднее было поддерживать контроль за населением. Кроме того, до 60-х годов XIX в. многие благонадежные аулы переселяли для укрепления кордонных линий. Например, когда в 40-х годах части ловцев было разрешено переселиться с Кумы на Кубань, на р. Учкурка, то одним из условий переселения, поставленных администрацией, было «принять на себя обязанность удерживать от вторжения в наши пределы (речь идет о покоренной царскими властями части Северо-Западного Кавказа. — Е. Д.) неприятельские партии»⁵⁹. В 1854 г. предполагалось «аул Дударуковский с присоединением к нему Клычевского собрать в одно

⁵⁵ Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975, с. 211, примечание 319; Фелицын Е. Д. Численность горцев и других мусульманских народов Кубанской области. — ССКГ, т. 9. Тифлис, 1885, с. 94, 96—98.

⁵⁶ ЦГИА Гр.ССР, ф. 545, оп. 1, д. 65, л. 6, 24; ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 111, л. 3.

⁵⁷ Фелицын Е. Д. Указ. соч., с. 55, 56.

⁵⁸ ЦГВИА, ф. 14 257, оп. 3, д. 126, л. 244.

⁵⁹ ЦГВИА, ф. 13 454, оп. 2, д. 377, л. 11.

место и составить общую оборонительную ограду со рвом, который будет обстреливаться станичными батареями Баталпашинска»⁶⁰.

При переселении жителей гор на равнину искусственно создавались укрупненные аулы — сельские общества. «Эта мера (расселение большими аулами. — *Е. Д.*), — отмечалось в одном из циркуляров царских чиновников, — принесет нам большую пользу в смысле установления постоянного и правильного надзора за покорными племенами и удержания их покорности»⁶¹.

Не избежали укрупнения и аулы тапантинцев. Так же, как и шкаровские аулы, они были довольно разбросаны. До 1867 г. на Куме и Подкумке существовали тапантинские аулы Трамова, Жантемирова, Лоова и Абукова. В 1867 г. аулы Трамова и Лоова (левый берег Кумы) были соединены в один — Кумско-Абазинский. В 1888 г. по просьбе жителей этот аул получил прежнее наименование (Кумско-Лоовский). Большая часть жантемировцев переселилась в Кабарду, а аул Абукова и еще 10 дворов абазин и кабардинцев составили Хумаринский аул, называемый иногда Абу-кыт⁶². На левом берегу Кубани находились аул Лоова, переселенный с правого берега Кубани в 1863 г., и аул Дударукова, разместившийся здесь с 1834 г.

В 1861—1863 гг. часть лоовцев с Кубани переселилась на Малый Зеленчук, и с этого времени существуют 3 лоовских аула: на Куме, Кубани и Малом Зеленчуке. На Малом Зеленчуке располагались еще тапантинские аулы — Бибердовский и Клычевский.

По сведениям 1865—1872 гг., часть абазин по-прежнему проживала в Кабардинском округе в аулах Кармова, Лафишева и Агиабова. Аул Агиабова слился с аулами Трамова, Аджиева, и так образовался один аул. В эти аулы в 1864 г. были расселены жители абазинского Песчаного аула Пятигорского уезда, по 5 семей в каждый, несмотря на желание и просьбы абазин поселить их в кумские или кубанские абазинские аулы⁶³. В. П. Пожидаев сообщает, что в 60-х годах XIX в. в Большую Кабарду в аулы Нижнее и Верхнее Коново (ныне Куркужин) переселилось одно селение абазин, жившее возле станицы Незлобной на положении казаков⁶⁴.

Одновременно с процессом массового выселения горцев с территории Северного Кавказа и переселения их из горных районов усилилась миграция населения из внутренних губерний России в этот регион. На освобожденных горцами землях создавались казачьи станицы. А. В. Фадеев приводит интересные данные, свидетельствующие о масштабах колонизации: за 25 лет в дореформенные годы (с 1825 по 1850 г.) в Кубанскую область переселились до 26 000 человек, в то время как за 30 пореформенных лет (с 1867 по 1897 г.) сюда прибыли

⁶⁰ ЦГА КБ АССР, ф. 16, оп. 1, д. 1391, л. 40.

⁶¹ ЦГВИА, ф. 14 257, оп. 3, д. 447, л. 3 об.

⁶² ЦГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 1283, л. 1—3; ГАКК, ф. 774, оп. 2, д. 116, л. 22.

⁶³ ЦГИА Гр.ССР, ф. 416, оп. 3, д. 119, л. 1, 2, д. 251, л. 1—4, ф. 545, оп. 1, д. 107, л. 86.

⁶⁴ Пожидаев В. П. Население и землепользование Кабарды. Воронеж, 1928, с. 13.

Рис. 5. Ущелье на Кубани близ слияния ее с Архызом. Фотография конца XIX в.
Из коллекции Д. И. Ермакова

946 000 человек, то есть в 36 раз больше⁶⁵. По сведениям Первой Всероссийской переписи населения 1897 г., в Баталпашинском отделе Кубанской области, где проживали и абазинцы, русские составляли уже 69,3%⁶⁶.

После 1865 г. при проведении царским правительством территориально-административной реформы Кубанская область была разделена на 5 военно-народных округов, и абазинский народ оказался в ведомстве трех разных округов. В пределах Зеленчукского округа находились абазинские аулы: Лоовско-Кубанский, Лоовско-Зеленчукский, Бибердовский, Дударуковский, Клычевский, Шахгиреевский, Егибоковский и Кувинский; в Эльборусском округе, где проживали главным образом карачаевцы, имелись Лоовско-Кумский и Хумаринский аулы абазин. В Лабинском округе абазинцы проживали совместно с бесленеевцами, кабардинцами и другими народами.

В 1869 г. военно-народные округа были преобразованы в уезды, а в 1888 г. Кубанскую область разделили на отделы: Екатеринодар-

⁶⁵ Фадеев А. В. Вовлечение Северного Кавказа в экономическую систему пореформенной России. — ВИ, 1959, № 6, с. 45.

⁶⁶ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., т. 65. Кубанская область. СПб., 1905, с. 2—3 (процент выведен мной. — Е. Д.).

ский, Таманский, Ейский, Кавказский, Майкопский, Лабинский и Баталпашинский. Основная часть абазин вошла в состав Баталпашинского отдела.

Таким образом, в результате колонизаторской политики царизма во второй половине XIX в. в пределах Северо-Западного Кавказа осталась небольшая часть абазинского народа, преимущественно тапантинских подразделений, и перестали существовать горные аулы абазин. В предгорных районах возникли новые укрупненные абазинские аулы, рассеянные в пределах Кубанской области чересполосно с поселениями других народов — русских, карачаевцев, ногайцев, адыгов. Во второй половине XIX в. происходили процессы ассимиляции той части абазинского народа, которая была расселена по несколько семей в различные инонациональные аулы — кабардинские, адыгейские и др.

Завершение в 1864 г. Кавказской войны, продолжавшейся около 50 лет, означало политическое подчинение Северного Кавказа царской России. Окончательное присоединение этого края к России ознаменовало новый этап в жизни его народов. Несмотря на военно-колонизаторские методы, которыми царское самодержавие осуществило подчинение Северного Кавказа, несмотря на трагические последствия переселения части горского населения в Турцию, объективно присоединение северокавказских народов к России имело прогрессивное значение. Оно положило конец рабству и работорговле, феодальным междоусобицам, оградило население от возможной экспансии Турции, ускорило развитие капитализма на Кавказе. Приобщение к более высоким формам экономической, общественно-политической и культурной жизни России, укрепление разносторонних связей кавказских народов с русским народом способствовали дальнейшему социально-экономическому и культурному прогрессу горцев, стоявших до этого, по выражению В. И. Ленина, «в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории...»⁶⁷.

После окончания Кавказской войны Россия начинает экономическое завоевание Кавказа. Развивающийся капитализм нуждался в новых рынках сбыта и в источниках сырья для промышленности. В. И. Ленин назвал Северный Кавказ своеобразной «колонией» России⁶⁸. Но успешное развитие капитализма вширь не могло осуществляться при прежнем поземельном устройстве горцев и при сохранении крепостнических отношений. В 60—70-е годы XIX в. царское правительство провело на Северном Кавказе ряд буржуазных реформ: отмену крепостного права, земельную реформу, административно-судебные преобразования, стимулировавшие рост производительных сил края, вовлечение коренного населения, в том числе и абазин, в русло капиталистического развития России.

---

⁶⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 594—595.

⁶⁸ Там же, с. 593—594.

ХОЗЯЙСТВО И ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОСЕДСКОЙ ОБЩИНЕ АБАЗИН

Общепринято начинать исследование общины с анализа экономических условий ее существования, с характеристики уровня развития производительных сил изучаемого общества. И это оправданно, ибо, по словам К. Маркса, «люди, развивая свои производительные силы, то есть живя, развивают определенные отношения друг к другу, ...характер этих отношений неизбежно меняется вместе с преобразованием и ростом этих производительных сил»¹.

Устойчивость и живучесть абазинской соседской сельской общины (кыт, джъамагIат) в значительной степени определялись и объяснялись особенностями традиционного хозяйственного уклада и производственных отношений.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ ОБЩИННИКОВ

Скотоводческое хозяйство

Известно, что от географической среды, в которой находится этнос, в значительной степени зависят специфика его хозяйственной деятельности и типы отдельных отраслей хозяйства. Абазины до середины 60-х годов XIX в. занимали предгорные и горные районы. Наличие обширных пастбищ, высокогорных альпийских лугов, обилие водных ресурсов определили главную отрасль их хозяйства — скотоводство и его систему (отгонную).

Некоторые дворянские исследователи (С. Броневский, Н. Ф. Дубровин) считали абазин кочевниками². Это неверно, при отгонном типе скотоводства лишь небольшая часть населения аулов, главным образом пастухи, перемещалась вместе со скотом с одних сезонных паст-

¹ К. Маркс — Павлу Васильевичу Анненкову, 28 декабря 1846 г. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 406.

² См.: Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823, ч. 1, с. 333; Дубровин Н. Ф. История войны и владычества Русских на Кавказе, т. 1, кн. 2. СПб., 1871, с. 3.

бищ на другие, в то время как основная часть жителей оставалась в аулах. Довольно частые в первой половине XIX в. переселения абазинских аулов вызывались не особенностями скотоводческого хозяйства абазин, а военно-политической обстановкой того времени, характерными для раннефеодальных отношений феодальными распрями, набегами, междоусобицами³.

Абазины занимались разведением лошадей, мелкого рогатого скота — овец и коз, крупного рогатого скота — коров, быков и буйволов, держали домашнюю птицу — кур и индюков, в качестве транспортного животного использовали ослов.

При отгонной системе скотоводства с наступлением весны скот постепенно перегоняли в горы, и по мере таяния снегов абазинские пастухи со стадами поднимались все выше и выше, пока не достигали летних альпийских и субальпийских пастбищ. Таким образом, скотоводство у абазин имело ярко выраженную вертикальную зональность. Максимальные сроки использования летних пастбищ — 3—3,5 месяца в долинах и 1—1,5 месяца в высокогорье. Зимой и осенью абазины, как правило, пасли скот поблизости от аулов и в отличие от некоторых других скотоводческих народов Кавказа, например, части армян Восточной Армении⁴, не применяли отгона скота на ранневесенние и позднеосенние пастбища.

Некоторые сельские общины горных абазин-шкаровцев в достаточной степени располагали прекрасными пастбищами поблизости от своих аулов и не прибегали к дальним отгонам скота ни летом, ни зимой. Так, о шахгиреевцах еще в начале XIX в. коллежский асессор Потемкин сообщал: «...Скотоводство имеют около себя, в горах»⁵. Летние коши кизилбековцев в первой половине XIX в. находились вблизи их селений в долине Андрюка (схема 2, рис. 4). Горное общество Псху, впоследствии составившее основное население Кувинского аула, в первой половине XIX в. выпасало свои стада круглый год всего лишь в 3—5 км от жилья. После переселения шахгиреевцев и кувинцев на Большой Зеленчук они использовали летом свои прежние пастбища, удаленные теперь от мест их поселения на 120—140 км⁶.

Каждый абазинский аул и во второй половине XIX в. выпасал свой скот на определенных летних пастбищах. Жители тапантинского аула Кубинлокт (Къвбиналокт) перегоняли скот на лето на горные пастбища в Архыз, Чылык, Чапал, Ткуа и др. Жители шкаровских аулов Кувинского и Шахгиреевского использовали летние пастбища в верховьях Большого и Малого Зеленчука (Гдихаку, Жбылра, Чандарта, Маарышха, Нахшир, Шамлыр, Шалканка), а также в верховьях Лабы (Бамбакъа, Уарыстан, Абагоа, Ахчыпса и др.)⁷. Скотовладельцы аулов

³ См.: Лавров Л. И. Абазины (Историко-этнографический очерк). — КЭС, т. 1. М., 1955, с. 19.

⁴ См.: Мкртумян Ю. И. Формы скотоводства в Восточной Армении. — В кн.: Армянская этнография и фольклор. Материалы и исследования. Т. 6. Ереван, 1974, с. 50—51, 61.

⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 434, л. 99.

⁶ См.: Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства абхазов. Сухуми, 1962, с. 20.

⁷ См.: Бжания Ц. Н. Указ. соч., с. 22.

Инджиклокт (Йынджыгыглокт) и Биберкыт также пользовались летними пастбищами в верховьях Большого и Малого Зеленчука. Высокогорные пастбища в верховьях Большого и Малого Зеленчука, Лабы, Кяфара считались одними из лучших летних пастбищ⁸. Скотоводы использовали их в течение многих веков.

На летних пастбищах устраивали временный стан — кош (къваш), называвшийся обычно по фамилии старшего чабана — наиболее богатого скотовладельца, собиравшего отару. На каждом коше паслось 800—1000 овец. В ауле Инджиклокт, например, в начале XX в. организовывалось 13 кошей (Лиевых, Цековых, Фатовых, Куджевых, Баловых, Айсановых, Урчуковых и др.)⁹.

Зимние стоянки скота (уатар) у абазин находились поблизости от аулов. Иногда в качестве уатар использовали естественные пещеры, вход в которые загораживали плетнями. Но чаще для скота на зимних стоянках строили деревянные помещения и загоны. На зиму некоторые скотовладельцы объединяли своих овец и содержали их совместно в одном уатар. Во второй половине XIX в. в ряде аулов, например в Кувинском и Шахгиреевском, некоторые скотовладельцы круглый год выпасали скот в горах на прежних пастбищах. Об этом упоминает Ц. Н. Бжания¹⁰. Такая практика была связана, очевидно, с отсутствием в достаточном количестве зимних пастбищ вблизи селений, с тяготами дальних сезонных перекочевков.

Отгонное скотоводство абазин имело экстенсивный характер. Весной, летом и осенью скот содержался на подножном корму, и только зимой во время особенно неблагоприятных условий его подкармливали. Период сенокоса в жизни общинника-скотовода всегда был ответственной и важной порой.

В структуре стад у абазин преобладал мелкий рогатый скот. Абазины специализировались на овцеводстве. Овца — наиболее приспособленное к отгонно-пастбищной системе животное. Разводили овец адыгской породы (она так и называлась «адыгэ-уаса») и карачаевской грубошерстной породы черной масти, отличавшейся хорошими вкусовыми качествами мяса. В некоторых хозяйствах насчитывалось по несколько тысяч овец. По сведениям 1839 г., в отарах аха Саралып-ипы Лоова и агмиста-ду Мазана Лиева имелось по 7000 овец, в отарах аха Калагирея Лоова и агмиста-ду Исы Джегутанова было 5000 и 6000 овец; башилбаевские аха Сидовы в начале 50-х годов XIX в. имели отары в 5000 и 8000 голов. По 3000 овец содержалось в отарах агмиста Дженгирея Канатова и аха Кучук Кечева¹¹. Но в большинстве абазинских семей насчитывалось по несколько сот овец.

Мясо, молоко, сыр, шерсть, овчины, кожи — все эти продукты овцеводства не только обеспечивали абазинскую семью самым необходимым для жизни, но и давали возможность выменивать на них на рынке орудия труда, ткани, ювелирные изделия и прочие предметы.

⁸ Извлечения из отчета об осмотре казенных свободных земель нагорной полосы между рекой Тебердой и Лабой. — ССКГ, вып. 4. Тифлис, 1877, с. 14.

⁹ Полевые материалы СКЭЭ МГУ, тетр. 3, с. 63.

¹⁰ См.: Бжания Ц. Н. Указ. соч., с. 22.

¹¹ ЦГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 284, л. 216; ф. ВУА, д. 19051, ч. 2, л. 158.

Наряду с овцеводством некоторые абазины занимались и козоводством, но в значительно меньшей степени. О разведении коз башилбаевцами и баракаевцами в начале XIX в. упоминает С. Броневский¹². Отдельные абазинские скотоводы имели целые стада коз. Например, Муса Лоов в 40-х годах XIX в. помимо отары овец в 1500 голов имел еще 300 коз. Практика содержания значительных стад коз в зажиточных хозяйствах сохранялась и в пореформенный период. Известно, что крупный скотовладелец Лиаа из аула Кувинский в 80-х годах XIX в. владел отарой овец в 2000 голов и стадом коз в 500 голов¹³. Но обычно скотовладельцы держали по несколько коз, которых использовали в отарах как своеобразных вожаков. Абазины-шкаровцы разводили коз абхазской породы пестрой или белой масти, отличавшихся неприхотливостью и хорошей удоиностью. В тапантинских селениях наряду с козами абхазской породы держали и низкорослых коз коричневой масти карачаевской породы.

Крупный рогатый скот абазин принадлежал к «горской» породе; он отличался низкорослостью и неприхотливостью. Дойных коров не угоняли на летние пастбища (за исключением нескольких, необходимых для питания пастухов). Их пасли поблизости от аулов, организуя общие поквартальные или аульные стада, для которых сообща нанимали пастухов. В горы перегоняли лишь молодняк. В качестве тягловых животных абазины применяли быков и буйволов.

Особое место в хозяйстве абазин занимало коневодство. Лошадь использовали лишь как верховое животное. Правда, не каждый абазин имел возможность разводить лошадей. Коневодством занимались до реформы преимущественно представители феодальной знати; для выпаса табунов требовались не только достаточное количество пастбищ и хороший корм, но и достаточное число крепостных и рабов.

Абазинские лошади славились на Кавказе. В начале 50-х годов XIX в. в «Военно-статистическом обозрении Кубанской области» о прикубанских абазинах сообщалось, что они «разводят лошадей прекрасной породы, известной на Кавказе и высоко ценимой по их качествам»¹⁴. Среди абазин-тапантинцев лучшие конские табуны имели Трамовы — агмиста-ду князей Лоовых. В том же обозрении отмечено, что конский завод Трамова, «которому даже знатоки отдавали предпочтение, прежде сильно соперничал с кабардинскими конскими заводами»¹⁵. Большими табунами владели аха Лоовы, агмиста Какупшевы, Лиевы, Лафишевы. Среди абазин-шкаровцев коневодство в 50-х годах XIX в. лучше было развито у башилбаевцев. «Из всех прочих племен (имеются в виду горные абазины-шкаровцы. — Е. Д.) башильбаевцы богаче других лошадьми и славятся ими между своими земляками, круглым счетом приходится на каждую душу мужского пола по два коня...», — пишет автор «Военно-статистического обозрения...»¹⁶.

¹² См.: Броневский С. Указ. соч., с. 338, 340.

¹³ ЦГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 284, л. 31; Бжания Ц. Н. Указ. соч., с. 64.

¹⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19051, ч. 2, л. 157 об.

¹⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19051, ч. 1, л. 258.

¹⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19051, ч. 2, л. 158.

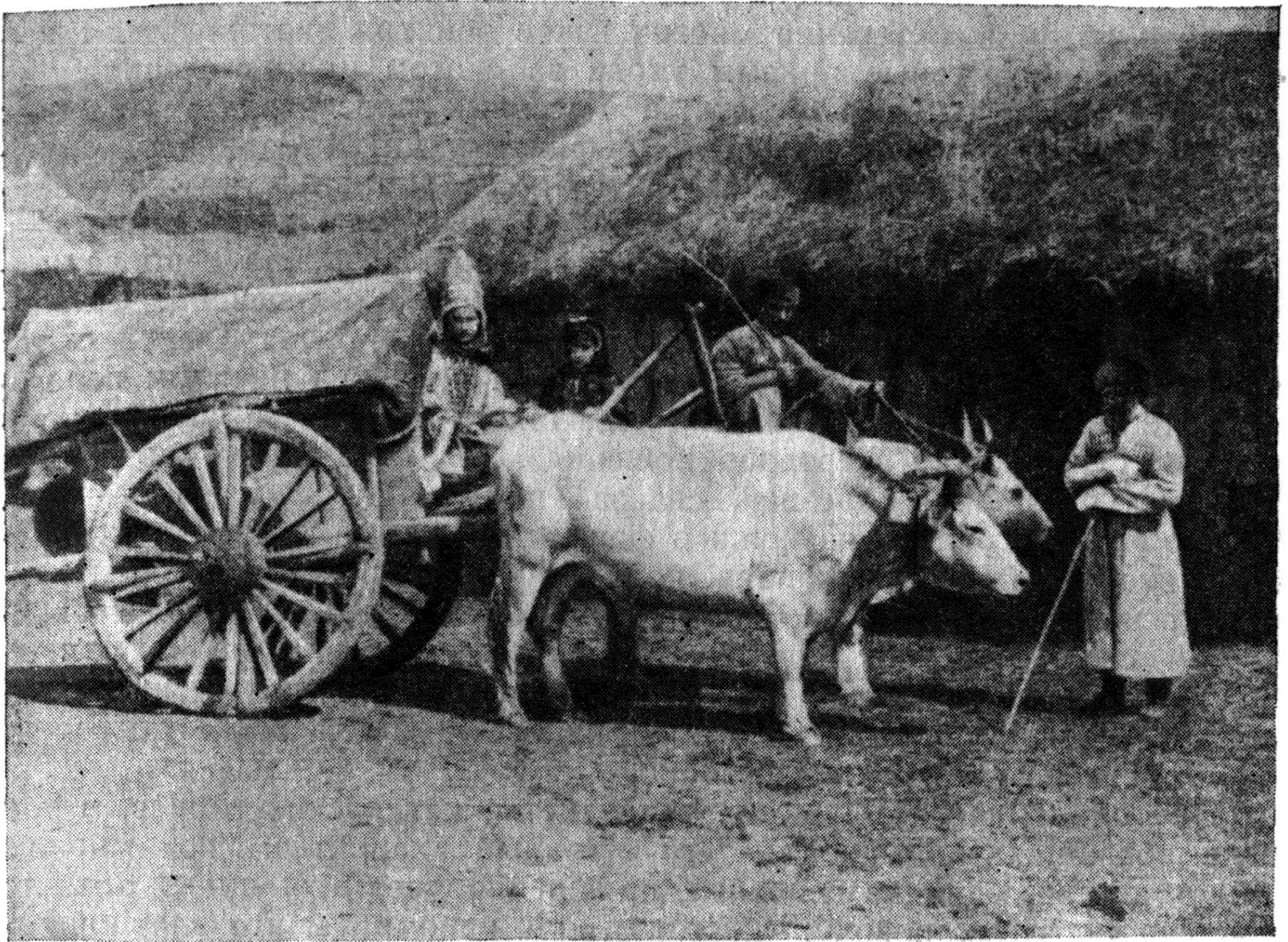

Рис. 6. Карачаевская арба и абазины. Лоовский аул. Фотография Д. И. Ермакова (конец XIX в.)

Лошадей, так же как и крупный рогатый скот, клеймили, выжигая на крупе животного особую метку — тамгу (дамыгъа). В последние годы собрано большое число абазинских тамг; в публикации Ш. Ш. Хуранова помещены рисунки более 330 тамг¹⁷. Л. И. Лавров предполагает, что тамга появилась на Северном Кавказе вместе с началом табунного коневодства (не ранее конца II тыс. до н. э.) и встречалась там, где оно было распространено¹⁸. В XIX в. каждая семейно-родственная группа абазин — тухум — имела свою тамгу. Во второй половине XIX в. по мере ослабления внутрифамильных связей появлялись семейные тамги, представлявшие собой либо вариант общетухумной тамги, либо начальную букву фамилии. Мелкий рогатый скот метили особой меткой (ахцара) путем нанесения надрезов на уши животных.

О значении скотоводства и его преобладающей роли в хозяйстве абазин-тапантинцев и абазин-шкаровцев сообщают многие дореволюционные авторы, архивные документы. Об этом же свидетельствуют абазинский эпос о нартах, а также язык абазин, богатый скотоводческой терминологией.

¹⁷ См.: Хуранов Ш. Ш. Об абазинских тамгах. — В кн.: Археология и этнография Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1979, с. 163—188.

¹⁸ См.: Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978, с. 103.

Хотя абазины в течение многих веков занятия скотоводством выработали рациональные приемы ухода за скотом и его лечения, убереечь скот от стихийных бедствий, массовых эпизоотий в условиях полного отсутствия зоотехнической профилактики и ветеринарной службы они были не в силах. Между тем от сохранности стад и их приумножения зависели благополучие и богатство абазинской семьи.

Каждое важное событие в жизни абазина-скотовода сопровождалось обрядовыми действиями, направленными на обеспечение сохранности стад, на умилоствление злых духов, на предохранение скота от различных болезней, хищных зверей и т. д. Перед началом перегона скота на летние пастбища, по окончании окота овец абазины непременно устраивали жертвоприношения. Для ограждения домашних животных от порчи, болезней, сглаза применяли амулеты — дуа. Обычно их изготовляли из кожи в форме треугольника, внутрь которого зашивали молитву из корана, полученную от эфенди. Дуа подвешивали на шею или рога животного. Во время эпизоотий и перед возвращением стад с летних пастбищ абазины устраивали обряд очищения — прогон скота между двух горящих костров. К сожалению, полная неизученность скотоводческой обрядности у абазин не позволяет охарактеризовать ее более подробно.

Преобладание скотоводства в хозяйстве кавказских горцев, в том числе абазин, и главное — его отгонный характер, по мнению А. В. Фадеева, одна из основных причин живучести общины. Вот что он писал по этому поводу: «...Стоит лишь вспомнить, что главной отраслью хозяйственной деятельности кавказских горцев на протяжении веков являлось отгонное скотоводство, чтобы понять, что оно играло в сохранении общинных порядков такую же роль, какую в долинах великих рек Востока ирригационная система земледелия»¹⁹. Конечно, отгонный тип скотоводческого хозяйства не единственная причина многовекового функционирования северокавказской общинной организации. Тут действовали разнообразные и многочисленные факторы. Однако, несомненно, отгонный тип скотоводства, связанный с сезонными перекочевками скота, с регулярным перемещением части населения из аулов в горы и обратно, с необходимостью защиты стад требовал коллективных усилий, солидарности жителей одного аула.

В пореформенный период в скотоводческом хозяйстве абазин произошли некоторые перемены. Изменилось соотношение различных видов скота в структуре стад абазинских аулов (таблица 2). Почти во всех аулах несколько увеличилось (на один двор) или осталось на прежнем уровне поголовье крупного рогатого скота при одновременном уменьшении числа лошадей.

Снижение численности табунов вызывалось не только резким сокращением пастбищного фонда аулов и изменениями во владении

---

¹⁹ Фадеев А. В. Вопрос о социальном строе кавказских горцев XVIII — XIX веков в новых работах советских историков. — ВИ, 1958, № 5, с. 135.

пастбищными землями, но и лишением феодалов — главных табуновладельцев в до-реформенное время — дармовой рабочей силы (крепостных крестьян и рабов). Только в Кувинском ауле к 1899 г. произошло увеличение числа лошадей более чем вдвое, но по числу лошадей на один двор этот аул в то время оставался на одном из последних мест.

В ряде аулов резко уменьшилось число овец на один двор. Лишь в Дударуковском, Кумско-Лоовском и Кувинском аулах поголовье овец возросло, но особенно заметно в Дударуковском ауле.

Характер скотоводства у абазин в пореформенное время почти не менялся: оно по-прежнему оставалось экстенсивным. Скотовладельцы мало заботились об улучшении пород скота, хотя в крупных скотоводческих хозяйствах капиталистического типа, появившихся в пореформенные годы в Кубанской области и составлявших серьезную конкуренцию местным скотоводам (экономии Макеевых, Николенко и др.), разводили преимущественно тонкорунных овец. В абазинских аулах разведением тонкорунных овец в последние десятилетия XIX в. особенно занимались в Дударуковском и Шахгиреевском аулах исключительно иногородние жители. Так, в 1894 г. иногородним принадлежали: в Дударуковском ауле — 31 800 тонкорунных овец и 870 простых, в Шахгиреевском ауле — 8000 тонкорунных и 170 простых овец; гор-

Таблица 2

Численность и соотношение различных видов скота в абазинских аулах в 1869 и 1899 гг.*

Аул	Число дворов		Число овец	В среднем на 1 двор		Число крупного рогатого скота	В среднем на 1 двор		Число лошадей	В среднем на 1 двор		
	1869	1899		1869	1899		1869	1899		1869	1899	
	г о д											
Лоовско-Зеленчукский . . .	149	144	7 871	52,8	44,0	2406	16,1	14,2	1738	987	11,6	6,7
Лоовско-Кубанский . . .	189	231	15 244	80,6	23,4	2653	14,0	14,0	1612	900	8,5	3,8
Бибердовский . . .	94	151	6 307	67,0	61,0	1669	13,5	15,0	1015	1025	10,8	7,0
Дударуковский . . .	159	251	3 152	19,8	64,5	2546	16,1	15,9	1272	1097	8,0	4,3
Клычевский . . .	100	170	3 954	39,5	44,1	1443	14,4	18,0	830	950	8,3	5,5
Кувинский . . .	139	254	3 149	22,6	32,5	866	6,3	12,9	169	1101	1,2	4,3
Кумско-Лоовский . . .	135	135	9 476	70,1	117,5	1889	13,9	28,9	1060	1173	7,8	8,4

* ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 506, л. 26, 29, 30, 32 (1869 г.); Военно-статистическое обозрение Кубанской области. Тифлис, 1900, с. 275 (1899 г.).

цы — коренные жители этих аулов — совсем не держали тонкорунных овец²⁰.

В пореформенные десятилетия еще более усилилось неравномерное распределение скота среди абазинских крестьян. Наряду со скотовладельцами, имевшими тысячные отары овец, большие стада крупного рогатого скота, конские заводы, поставлявшие лошадей казачеству (конезавод Лафишевых в начале XX в. насчитывал 3000 голов лошадей)²¹, увеличилось число дворов, совсем не имевших скота.

Новая система владения пастбищными землями — аренда их у казны или отдельных лиц, — высокие арендные цены, удлинение маршрутов летних перекочевок пагубно отражались на традиционном занятии абазин — отгонном скотоводстве. Менее зажиточная часть абазинского крестьянства все более переключалась на другие виды хозяйственной деятельности — земледелие и отхожие промыслы.

Земледелие

Земледелие — древнейшее занятие населения Северо-Западного Кавказа²². В хозяйстве абазин в дореформенные годы земледелие было развито неодинаково у тапантинцев, локализовавшихся в предгорных районах, и шкаровцев, живших в горах. Суровые условия жизни в горах, густые леса, узкие и глубокие долины, малое количество пригодных для пахоты земель, короткое лето — все это не благоприятствовало земледельческим занятиям горных абазин. Оценивая характер занятий шкаровцев, автор «Военно-статистического обозрения Кубанской области» указывал, что «они занимаются весьма мало земледелием, все богатство их — в скоте, все щегольство — в оружии и коне»²³.

И тем не менее земледелие для всех абазинских подразделений имело исключительное значение. Недаром, желая наказать жителей непокорных абазинских аулов, одной из наиболее действенных мер царские чиновники считали уничтожение их посевов. Так, в 1828 г. были уничтожены посевы аулов Ногая Лоова и Атажукко Бибердова на Теберде²⁴. Л. И. Лавров в очерке «Абазины» упоминает подобные же случаи.

Детальный сравнительный анализ земледельческого хозяйства тапантинцев и шкаровцев в первой половине XIX в. представляет известные трудности из-за скудости сведений в источниках. Полевой материал также дает весьма немного, поскольку подавляющая часть шкаровцев переселилась в Турцию, а старшее поколение современных шкаровских селений Карачаево-Черкесской автономной области (аулы Кувинский и Апсуа) уже плохо помнит подробности земледельческого

²⁰ Кубанская справочная книжка 1894 г. Екатеринодар, 1894, с. 38—39.

²¹ См.: Пожидаев В. П. Горцы Северного Кавказа. М.—Л., 1926, с. 78, 79.

²² См.: Лавров Л. И. Развитие земледелия на Северо-Западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в. — В сб.: Материалы по истории земледелия в СССР, т. I. М., 1952, с. 222.

²³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19 051, ч. 2, л. 157.

²⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6333, л. 96.

быта своих предков. Поэтому мы ограничимся общей краткой характеристикой земледельческих занятий абазин.

Для полей абазины выбирали пригодные земли в долинах рек, поэтому поля иногда находились довольно далеко от аулов. Поля огораживали невысоким плетневым забором для защиты от зверей и скота; их непременно охранял общественный объездчик полей (шахъахча). Горным абазинам, прежде чем приступить к пахоте, необходимо было собрать с пригодных участков камни. В конце 60-х годов XIX в. при осмотре казенных земель нагорной полосы между Лабой и Тебердой (бывшие места жительства шкаровцев. — Е. Д.) было обнаружено множество камней, собранных с полей, свидетельствующих о том, что жившее здесь население использовало эти поляны для запашки²⁵.

В равнинных районах абазины-тапантинцы применяли нереложно-залежную систему земледелия. При этой системе один и тот же участок возделывали в течение нескольких лет, затем его забрасывали, причем сроки залежи постепенно сокращались. До очередной обработки эти участки крестьяне часто использовали под сенокос или пастбище. В лесистых местах — в предгорьях и горах — абазины, преимущественно шкаровцы, практиковали подсечную систему земледелия, распространенную в то время, по словам Б. А. Калоева, «почти по всей территории Северного Кавказа, кроме высокогорной его зоны, лишенной лесного покрова». При обработке нового поля или при необходимости расширить прежнее абазины прибегали к «подсачиванью» деревьев. На уровне груди человека вокруг дерева делали глубокий надрез и дерево засыхало на корню. Затем его сжигали или вырубали. Подобный способ обработки полей применяли чеченцы, западные адыги, жители горной Абхазии и горной Тушетии²⁶.

Пахоту обычно начинали в конце марта — начале апреля и продолжали до мая. В равнинной зоне абазины-тапантинцы пахали тяжелым передковым плугом (амші-кIватан) адыгского типа; при вспашке целины в плуг впрягали до 4 пар волов (быков). В горах, где поля были меньших размеров, применяли малый плуг с одной парой волов. Иногда использовали мотыгу (тшага). Плуг имела далеко не каждая семья, вот почему при вспашке участков несколько семей объединялись. Вспаханное поле разравнивали с помощью примитивной волокуши (хъхIвхIвага), представлявшей собой пучок веток терновника или орешника, закрепленный между двух поперечных жердей. Сеяли вручную, урожай убирали преимущественно серпами (хщрып).

Земледелие считалось мужским занятием. Вспашку, посев, уборку урожая осуществляли мужчины. Женщины помогали укладывать снопы (кврыс) в скирды (шаджь), а при сборе кукурузы ломали початки. По словам информаторов, обмолот урожая производили чаще всего на открытом току (машв). На утрамбованной площадке по кругу раскладывали собранные снопы, по которым вокруг центрального столба тока (гьалас) гоняли связанных в ряд быков. Они либо вытапывали

²⁵ Извлечение из отчета об осмотре казенных свободных земель нагорной полосы между рекой Тебердой и Лабой, с. 4, 20, 14.

²⁶ Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981, с. 56—58; Отчет комиссии по исследованию земель на Северо-Восточном берегу Черного моря. — ЗКОСХ, вып. 5. Тифлис, 1867, с. 135.

зерно копытами, либо тянули специальные молотильные доски (пкъага) с уложенными сверху тяжелыми камнями или деревянный, позже каменный, каток (хІахъв пкъага). Мололи зерно обычно на ручной мельнице (лу). Для обработки проса абазины использовали просорушки (хърыгІвра). В экспозиции Карачаево-Черкесского историко-краеведческого музея находится большая деревянная просорушка из аула «Красный Восток».

Традиционной и ведущей земледельческой культурой у абазин на протяжении всего XIX в. оставалось просо. Эта неприхотливая культура в благоприятные годы давала урожай до сам 30, а в неурожайные годы не меньше сам 6, сам 10²⁷. Давность возделывания абазинами проса находит подтверждение и в лингвистическом материале. В абазинском языке сохранились названия нескольких сортов проса: шырдыза къанщы (красное просо), шырдыза квайгІва или хъйква (черное просо), шырдыза шкІвокІва, или шырдызыш (белое просо), фасы (мелкое красное просо).

Наряду с просом абазины выращивали кукурузу. На Кавказе кукуруза появилась первоначально в Грузии в XVI в., отсюда, пишет Б. А. Калоев, она, вероятно, распространилась и на Северный Кавказ. Ученый предполагает, что приблизительно в это же время кукурузу начали возделывать северо-западные адыги, восприняв ее либо от грузин, либо от турок²⁸.

Абазинское название кукурузы (нартыхв) и ее наименование у адыгских народов (нартыф, нартыху) и осетин (нартхор) означает «хлеб нартов». Возможно, абазины познакомились с культурой кукурузы одновременно с адыгами, но не культивировали ее широко. Еще в 60—70-е годы XIX в. они отдавали предпочтение просу, высевая кукурузу в значительно меньшем количестве. Об этом свидетельствуют данные годовых отчетов начальника Зеленчукского округа за 1868—1869 гг.²⁹. Пшеницу в дореформенный период абазины почти не возделывали.

Проса и кукурузы абазины собирали для себя достаточно, и им не приходилось, как, например, карачаевцам, покупать зерно на стороне. Однако и сами абазины до 80-х годов XIX в. зерно практически не продавали, засевая ежегодно столько, сколько необходимо было для их собственного пропитания, не заботясь о больших запасах зерна.

Абазины-тапантинцы не знали искусственного орошения и специального удобрения полей. Что касается шкаровцев, возможно, они, как и некоторые другие северокавказские горцы, применяли удобрение и полив своих ограниченных горных пахотных земель для получения регулярных урожаев. Но ни в источниках, ни в полевых материалах прямых указаний на это мы не имеем.

В течение многих веков система земледелия у абазин совершенствовалась чрезвычайно медленными темпами. Заметные сдвиги в их земледельческом хозяйстве произошли после 60-х годов XIX в. Окончание

²⁷ ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 125, л. 160.

²⁸ См.: Калоев Б. А. Указ. соч., с. 95.

²⁹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 506, л. 33—36.

Кавказской войны, прекращение междоусобной борьбы, закрепление аулов на определенных и постоянных местах, наделение их землями, проведение буржуазных реформ на Северном Кавказе, и, наконец, установление тесных и постоянных контактов с русским населением — все это прогрессивно повлияло на хозяйственно-экономический быт местного населения, в частности на рост удельного веса земледельческих занятий.

После проведения царским правительством земельной реформы, когда каждому аулу было отведено ограниченное количество земли, произошли некоторые изменения в системе земледелия. В связи с малоземельем переложная система не применялась уже так широко, как прежде. Абазины, как и другие горцы Кубанской области, перешли к трех- и четырехпольной системе земледелия³⁰.

По-прежнему просо оставалось главной земледельческой культурой. В конце 60-х годов XIX в. большой знаток хозяйственного быта горцев начальник Эльборусского округа Н. Г. Петрусевиич писал об абазинах своего округа: «Жители Хумаринского и Кумско-Абазинского аулов сеют исключительно просо и отчасти кукурузу. Сеять просо выгоднее всякого другого хлеба по сильному урожаю, которое оно делает»³¹. Следует учитывать, что из проса абазины приготавливали свою традиционную повседневную пищу (баста). Это назначение проса также способствовало его устойчивому культивированию.

Постепенно ассортимент выращиваемых абазинами земледельческих культур стал расширяться. Большое влияние оказывало на них соседство русских станиц и потребности рынка. Абазины начинают возделывать пшеницу (впрочем, она медленно внедрялась в их быт), огородные культуры, особенно лук, чеснок, картофель. Картофель давал хорошие урожаи. Так, в 1867 г. в Кумско-Лоовском ауле было посажено 84 меры картофеля, а собрано 1190; в Хумаринском ауле посадили 33 меры, собрали 538 мер³².

В конце XIX в. в двух абазинских аулах в незначительных размерах занимались разведением табака. В Дударуковском ауле в 1894 г. под культурой табака находилось 18 десятин, с них было снято 1180 пудов табака. Жители Кувинского аула с 2 десятин собрали 350 пудов табака³³. Судя по полевому материалу, в ауле Дударуковском возделывали бахчевые культуры.

К концу XIX в., как показывают данные I Всероссийской переписи населения, во всех абазинских аулах земледельческие занятия стали преобладающими; в Бибердовском ауле земледелием занималось 67,8% населения, в Дударуковском — 88,9%, в Егибоковском — 83%, в Клычевском — 76,7% и т. д.³⁴. В то же время удельный вес скотоводческих занятий понизился. Данные 1897 г. не подтверждают вывода

³⁰ См.: Беспленев А. Д. О земледелии у горцев Кубанской области в 70—90-е гг. XIX в. — УЗ АНИИ, т. 13. Майкоп, 1971, с. 400.

³¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 124, л. 160.

³² ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 124, л. 160.

³³ Кубанская справочная книжка 1894 г., с. 38—39.

³⁴ Население Кубанской области по данным вторых экземпляров листов переписи 1897 г. Екатеринодар, 1907, с. 344—363. Проценты выведены мною.— Е. Д.

Л. И. Лаврова, поддержанного Л. З. Кунижевой и Б. И. Шенкао, о том, что отгонное скотоводство оставалось у абазин ведущей отраслью хозяйства вплоть до 1917 г.³⁵ К концу XIX в. увеличилась роль промыслов, и в частности отхожих.

Характерным явлением в развитии земледельческого хозяйства у горцев Северо-Западного Кавказа в пореформенные годы стало усовершенствование земледельческой техники. Не везде эти процессы происходили одинаково, но и в абазинских аулах появлялись усовершенствованные плуги и другие орудия, паровые молотилки. Известно, что в 1894 г. в абазинских аулах имелись усовершенствованные плуги: в Дударуковском — 72, в Кувинском — 42, в Лоовско-Зеленчукском — 37, в Шахгиреевском — 13. По другим аулам подобных сведений нет. Помимо усовершенствованных плугов в Дударуковском и Кувинском аулах имелось соответственно 38 и 46 других усовершенствованных орудий (в источнике, к сожалению, не указаны конкретно какие именно орудия). Паровые молотилки появились в Дударуковском и Шахгиреевском аулах³⁶. Усовершенствованными орудиями владели, как правило, зажиточные хозяева — кулаки. Внедрение в земледельческий быт новой техники свидетельствует о проникновении капиталистических отношений в земледельческое хозяйство абазин, причем чем ближе располагалось поселение к торгово-промышленным центрам Баталпашинского отдела, тем ошутимее происходили в нем перемены, тем быстрее связывалось с рынком его хозяйство. Особенно заметно это в Дударуковском ауле, находившемся вблизи станицы Баталпашинской — административного и экономического (преимущественно торгового) центра всего отдела.

И все же в земледельческом быту основной массы абазинского крестьянства и в пореформенные годы оставалось много традиционных черт, унаследованных от предшествующего времени. Особенно ярко проявлялись они в обрядовых и религиозных действиях, связанных с земледельческим хозяйством абазин и направленных на умилоствление земледельческих божеств и сверхъестественных сил природы. Аграрные праздники и обычаи сохранялись у абазин в большей степени и гораздо дольше, чем обряды и праздники, связанные со скотоводческим хозяйством. Абазинские аграрные праздники и обряды изучены слабо, поэтому приведем описание некоторых из них на основании собранных во время этнографических экспедиций сведений.

Одним из самых значительных весенних праздников, отмечавшихся еще и в начале XX в., был праздник по окончании пахоты — нып гатагара (или просто — нып). Он длился несколько дней, в некоторых аулах — до 7 дней. В празднике участвовали не только жители данной общины: часто его гостями становились и жители соседних аулов, и проезжавшие или проходившие мимо люди.

³⁵ См.: Лавров Л. И. Абазинцы, с. 17; Шенкао Б. О скотоводческом хозяйстве абазин в первой половине XIX в. — В кн.: История горских и кочевых народов Северного Кавказа в XIX — начале XX в. (проблемы социально-экономического развития). Ставрополь, 1980, с. 115; Кунижева Л. З. Некоторые вопросы из истории скотоводства абазин XIX — начала XX века. — В кн.: Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1980, с. 60.

³⁶ Кубанская справочная книжка 1894 г., с. 80, 81.

Среди пахарей избирали распорядителя праздника — «царя пахоты». В разных аулах его называли по-разному — тамада, паштах (паштыхI), хаджи. У него была «охрана» — несколько молодых людей с деревянными кинжалами. Кроме того, выбирали двух судей, которые накладывали шуточные наказания на провинившихся. Непременные участники праздника — ряженые и шутники-затейники (лакырды — буквально танцующий козел, аджагафа); обычно их было двое. Таким же термином «аджагафа» называли подобный персонаж и у адыгов³⁷.

Праздник проходил за аулом. Накануне все пахари вместе распахивали небольшой участок общественной земли и засеивали его просом. Этот участок предназначался в качестве награды победителям скачек. На почетном месте устанавливали арбу с высоким шестом до 5—7 м, на верху которого привязывали белый флаг (нып). К шесту подвешивали различные предметы — железные, специально изготовленные к празднику аульным кузнецом, и деревянные (обычно фигурки домашних и диких животных). Позже стали подвешивать самые различные мелкие галантерейные предметы — мыло, нитки, одеколон и продукты — пряники, конфеты, яйца. В ходе состязаний по стрельбе эти предметы доставались самым метким стрелкам.

Во время праздника для коллективного обильного угощения обязательно пекли особый, круглый, очень больших размеров хлеб из проса — ачагъвара мгял. В земле вырывали яму, в ней разводили огонь. Когда земля прогревалась, разгребали угли, выгребали золу и в середину ямы ставили пшеничное тесто в специальной форме из коры липы. Сверху тесто закрывали липовой же корой и замазывали глиной. После этого яму засыпали горячей золой, сверху разводили огонь и оставляли на ночь. Наутро ачагъвара мгял был готов. Хозяева дома, где пекли пахотный хлеб, пользовались особым уважением аульчан.

По истечении трех дней праздника нып несли в аул, сначала во двор аха, а потом во дворы других жителей. И пока нып стоял во дворе, хозяин должен был угощать пришедших. Затем вновь возвращались на окраину аула, где устраивали скачки. Тамада (паштах, хаджи) очерчивал плугом большой круг на земле, и всадники трижды должны были обскákat его. Победителям в награду доставались заранее распаханые и засеянные участки земли (за первое место — 1 десятина, за второе место — 0,5 десятины и т. д.). Это, очевидно, древний обычай, он свидетельствует о древности земледельческого хозяйства у абазин. Активное участие в празднике принимали мужчины, женщины лишь присутствовали. Во время праздника устраивали игры, танцы, борьбу, состязания по стрельбе, джигитовку.

Участников праздника развлекал лакырды: он пугал их, шутил, сочинял прибаутки, притворялся мертвым. На голову лакырды надевали войлочную маску в форме колпака с погремушками и ушами — маску козла. Сам он одевался в лохмотья, к которым тоже привешивались

---

³⁷ См.: Кантария М. О некоторых пережитках аграрного культа в быту кабардинцев. — УЗ АНИИ, т. 8. Майкоп, 1968, с. 375.

погремушки. Нередко празднество заканчивалось купанием лакрыды в реке. Фигура подобного шутника известна многим народам.

О древнем происхождении аграрного праздника нып гIатагара свидетельствуют многие его детали. Это прежде всего участие в нем всей общины — яркое свидетельство былой хозяйственной общности соседской общины. Обряд купания лакрыды в воде — имитация человеческих жертвоприношений какому-то божееству. Умирание и воскресение лакрыды — олицетворение умирания и возрождения природы. И наконец, обязательный пахотный хлеб — ачагъвара мгял — обрядовая пища. Все эти элементы домусульманского культа устойчиво сохранялись в обрядах весеннего праздника нып гIатагара.

Современный абазинский писатель Бемурза Тхайцухов в романе «Горсть земли» дал описание этого традиционного абазинского праздника³⁸. Такой же общинный праздник (барак), устраиваемый по окончании пахоты и сева, существовал у кабардинцев. Кабардинский барак и абазинский нып гIатагара близки грузинскому многодневному аграрному празднику берикаоба — кесиоба³⁹.

Большое значение в общине придавалось совместным действиям во время засухи. Колдовские способы вызывания дождя были разнообразными. Наиболее распространенный у народов Западного Кавказа — магически-религиозный обряд куклы-фетиша (у адыгейцев — ханцегуаше, у черкесов — псегуашхе, у абхазов — дзивов)⁴⁰ был известен и абазинам под названием «дзиуара» (дзи — вода, уара — припев старинных абазинских и абхазских песен). В этом ритуале принимали участие женщины и дети. Некоторые исследователи связывают возникновение обряда с древнейшими временами господства мотыжного земледелия, которым занимались женщины⁴¹.

У абазин зафиксирован и другой обряд вызывания дождя, в котором главными участниками также были женщины и дети. Во время засухи на высокое место ставили блюдо с пищей, и одна из старых женщин (позже — девочка) обращалась с особыми словами к божееству земледелия и подателю дождя. Все остальные хором подпевали ей. Л. И. Лавров привел перевод обрядовой песни, сделанный А. Н. Генко. «Абгъадзара (3 раза). Дай нам всю провизию. Из имевшейся нами собрано. Первое блюдо — твоя доля. Твою долю мы поставили»⁴².

Иногда во время особенно сильной засухи устраивали общинное моление. По одним сведениям, в нем участвовали лишь мужчины, по другим — весь аул, вся община. Каждый абазинский двор давал на приобретение жертвенного животного (коровы или овцы) определенную сумму денег. Иногда приобретали корову черной масти. Мужчины или весь аул собирались обычно у реки. Жертвенное животное ставили головой на юг, и все во главе с эфенди, стоя на коленях, чита-

³⁸ См.: Т х а й ц у х о в Б. Горсть земли. М., 1974, с. 151—158.

³⁹ См.: К а н т а р и я М. Указ. соч., с. 364; Р у х а д з е Д. А. Из истории хозяйственного быта грузинского народа. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1945.

⁴⁰ См.: К а н т а р и я М. Указ. соч., с. 361; Ч у р с и н Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957, с. 114.

⁴¹ См.: К а н т а р и я М. Указ. соч., с. 361.

⁴² Л а в р о в Л. И. Абазины, с. 35.

ли молитву, прося дождя. Резали животное люди немного неполноценные; кости и кровь животного в некоторых аулах закапывали здесь же, на берегу реки. Мясо делили по количеству дворов. Иногда такие общинные моления заканчивались обливанием жителей водой. Подобное жертвоприношение известно и кабардинцам. Абхазы при сильной засухе также прибегали к общинному молению (ацуныхва — моление Ацу), но в нем участвовали только мужчины⁴³.

Интересен еще один обряд вызывания дождя. Известно, что многие народы Кавказа придавали особое магическое значение камням. Камень с отверстием служил предохранительным амулетом. Во время засухи женщины и дети собирали камушки в руслах высохших рек, несли к эфенди, который читал над ними молитву, а иногда писал арабские надписи, затем камни бросали в воду. Такой же обряд существовал и у черкесов — шапсугов⁴⁴.

Все эти обряды и общинные действия, связанные с земледелием, еще раз подчеркивают его раннее происхождение и значение в хозяйстве абазин.

Охота

В древнейшие времена охота была одним из основных видов хозяйственной деятельности абазин⁴⁵. Она сохранялась и в эпоху феодальных отношений. Об этом свидетельствует, например, правило, по которому абазин-охотник обязан был доставлять своему князю определенную часть добычи. За невыполнение этого правила охотник подвергался штрафу в пользу князя⁴⁶. Таким образом, князья превратили охоту в статью дохода, и эта «охотничья повинность» еще и в первой половине XIX в. оставалась одной из форм продуктовой ренты, взимаемой князем-феодалом со своих подвластных.

Существование особого божества охоты — Швзапц (у шкаровцев Ажвапц), бытование среди абазин в течение долгого времени специального охотничьего языка⁴⁷ также подтверждают особое значение охоты в хозяйстве абазин.

Во второй половине XIX в. охота у абазин сохранялась в качестве подсобного занятия. Большое значение она имела для абазин-шкаровцев. Кавказские леса изобиловали дичью, в горах водились косули, выдры, медведи, барсы, куницы и даже зубры. Н. Динник, побывавший в 80-х годах XIX в. в Кувинском ущелье, встретил охотника Баты, который в одну из зим убил 5 зубров. Говоря об охоте у кувинцев, Н. Динник отмечал, что у них «существует правильный промысел на куниц». Осенью охотники отправлялись в Загданские леса и в течение нескольких месяцев жили там, занимаясь охотой. По данным Н. Динника, жители Кувинского аула в год добывали в среднем 5 тысяч ку-

⁴³ См.: Аджинджал И. Жилища абхазов. Сухуми, 1957, с. 5; Кантария М. Указ. соч., с. 360.

⁴⁴ Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов. М., 1940, с. 38.

⁴⁵ См.: Лавров Л. И. Абазины, с. 17.

⁴⁶ ЦГВИА, ф. 14 257, оп. 3, д. 435, л. 6, 7.

⁴⁷ См.: Лавров Л. И. Абазины, с. 34.

ниц⁴⁸. В 1869 г. абазинцы — кувинцы и шахгиреевцы — продали куниц на 500 рублей⁴⁹, то есть охота во второй половине XIX в. становилась одним из источников денежных доходов.

Пчеловодство

У всех групп абазинского народа пчеловодство было развито достаточно широко, но особенно славились им башилбаевцы. Еще в конце XVIII в. продукты пчеловодства составляли важную статью их экспорта, а мед и воск в большом количестве абазинцы сбывали в Турцию⁵⁰. При торговле с русским населением мед и воск входили также в число наиболее популярных продуктов обмена. Так, в начале XIX в. абазинцы, ногайцы в рапорте к генералу Ртищеву просили: «...Дабы по неимению у них денег в наличности для покупки соли принимать от них на вымен оной мед, воск и прочие продукты», а в «Таксе», по которой на Овечье-Бродском меновом дворе обменивалась соль, нервыми среди продуктов, подлежащих обмену, упоминались воск и мед: за 1 пуд воска полагалось 10 пудов соли, за 1 пуд меда — 4 пуда соли⁵¹.

Ульи абазин («щха мартан») отличались примитивной конструкцией; как правило, круглые, плетенные из лозы, обмазанные сверху глиной, с крышкой. Каждое домохозяйство имело несколько таких ульев. На 1 января 1870 г. в некоторых абазинских аулах насчитывалось ульев: в ауле Лоова на Кубани — 1328, в ауле Лоова на Малом Зеленчуке — 301, в ауле Бибердова — 487, в ауле Дударукова — 415, в ауле Клычева — 352 улья⁵².

Домашние промыслы

В XIX в. каждая абазинская община, а внутри нее каждое домохозяйство преимущественно сами обеспечивали себя всем необходимым для жизни — пищей, орудиями труда, одеждой, утварью. Домашние промыслы абазин были тесно связаны с основными видами их хозяйственной деятельности — земледелием и скотоводством. Какие же виды промыслов получили у них особенно широкое распространение? Прежде всего это обработка продуктов скотоводческого хозяйства (шерсти, кож, изготовление обуви, сукна, бурок).

Производство бурок и сукна во второй половине XIX в. получило широкое развитие у карачаевцев, балкарцев, абазин, адыгских и других народов Северо-Западного Кавказа. Главными производителями бурок и войлочных изделий, а также сукна были женщины. В течение долгого времени верхнюю одежду (кIвымжвы) шили из домашнего

⁴⁸ Динник Н. Горы и ущелья Кубанской области. — ЗКОРГО, т. 13, вып. 1. М., 1900, с. 343, 362, 363.

⁴⁹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 2, л. 83.

⁵⁰ Отчет комиссии... — ЗКОСХ, вып. 5, с. 13.

⁵¹ АКАК, т. 5. Тифлис, 1873, с. 870.

⁵² ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 506, л. 33—36.

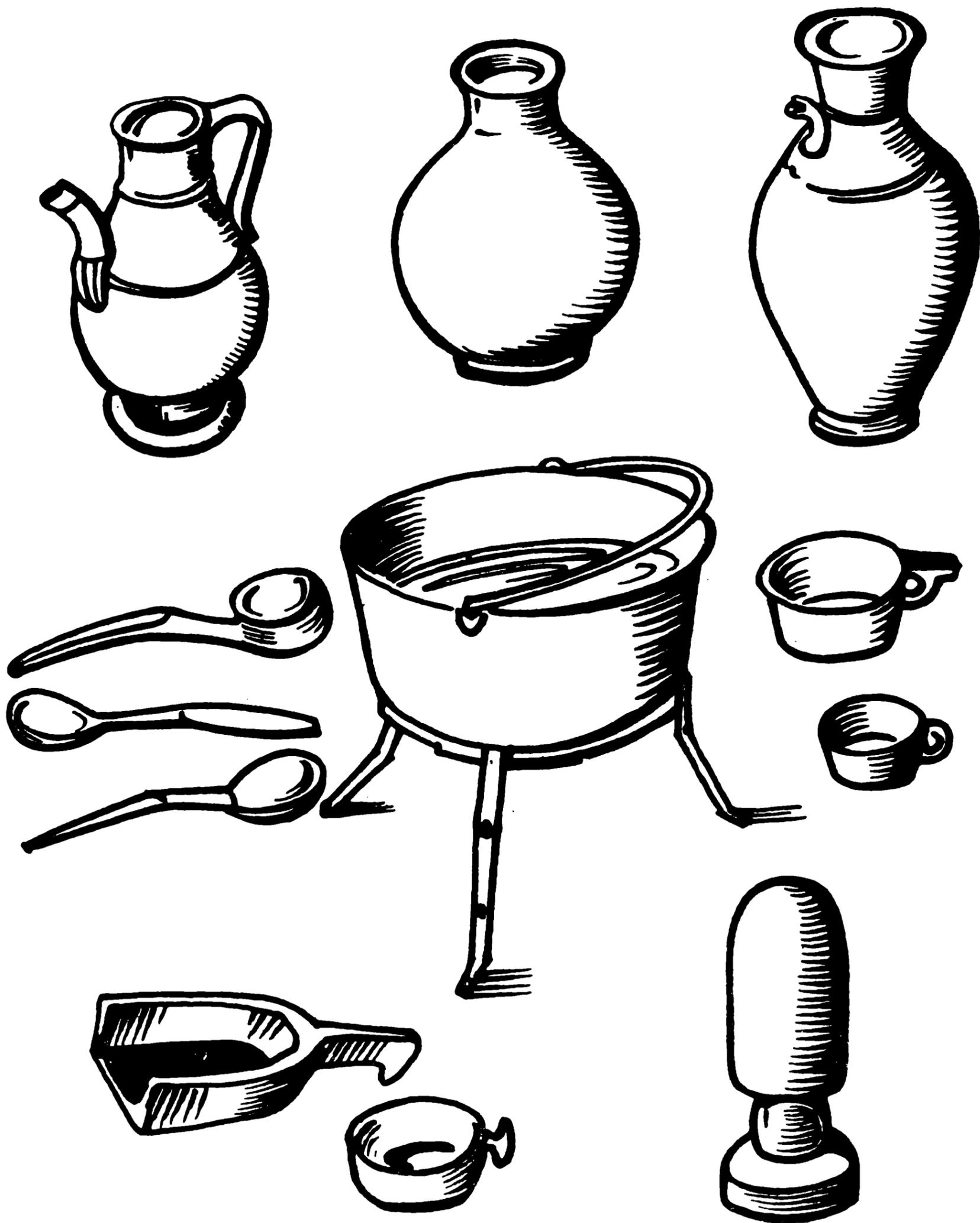

Рис. 7. Домашняя утварь абазин

сукна, так как привозные материалы были дороги, и лишь богатые могли позволить себе шить черкески и другую одежду из покупных тканей. Помимо абазин собственно суконный промысел был развит у кабардинцев, балкарцев, карачаевцев, осетин⁵³.

Обработку кож и мехов, изготовление обуви, одежды, приготовление полстей, сукна, не говоря уже об обработке мясо-молочных продук-

⁵³ См.: Хижняков Б. Е. Описание кустарных промыслов нацобластей Северного Кавказа. — ЗСКГНИИ. Ростов-на-Дону, 1929, с. 2, 182.

тов, также выполняли исключительно женщины. Техника обработки продуктов скотоводства отличалась крайней примитивностью; орудия труда изготовляли сами общинники.

У абазин, как и у других народов Северного Кавказа, существовали исключительно мужские промыслы: кузнечный, деревообделочный,

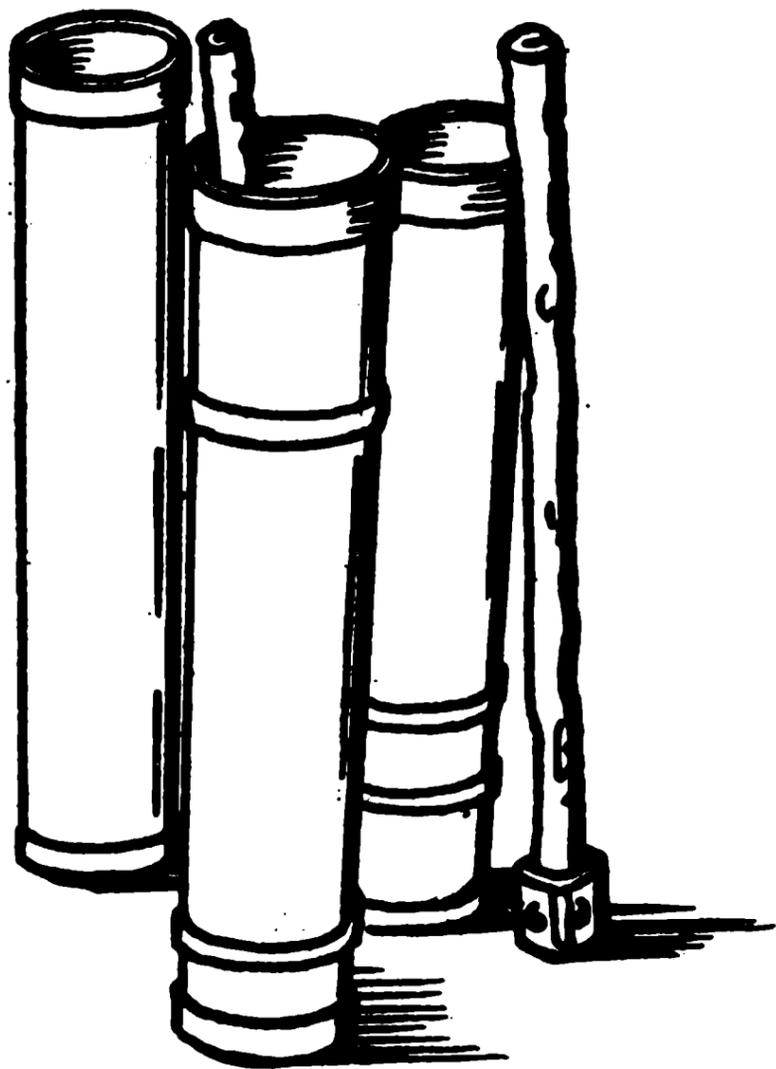

Рис. 8. Маслобойки

ювелирный, оружейный, обработка кости. Кузнечный промысел — один из самых ранних и, пожалуй, наиболее развитый. Л. И. Лавров отмечал: «У абазин единственным занятием, давно успевшим подняться до положения настоящего ремесла, т. е. производства на заказ, было кузнечное дело»⁵⁴. Кузнецы изготовляли железные предметы для сельскохозяйственных орудий, серпы, косы, ножи, оружие и пр.⁵⁵.

Каждая община была заинтересована в том, чтобы иметь своего кузнеца (жьи). Отсюда то привилегированное положение, в котором находился кузнец, и тот почет, которым его окружали. Будучи членом общины, кузнец имел такое же право на землю, как и другие общинники. Но занятый кузнечным делом, а для него в любое время года находилось достаточно работы, он не обрабатывал сам своего участка. Все заботы о хозяйстве кузнеца

(земле, скоте) брали на себя общинники. Они сообща обрабатывали его землю, собирали урожай, пасли его скот. Кузнец беспрекословно выполнял все заказы в порядке очередности. Часто заказчик помогал ему, например, раздувал меха. За свою работу кузнец получал определенную плату по договоренности с заказчиком. Кузнецу выделяли часть проса, сена, кроме того, заказчики приносили свой уголь⁵⁶.

Однако не каждая соседская община имела своего кузнеца. Тогда жьи приглашали из другого аула. Община, нанявшая кузнеца на определенный срок, обязывалась не только построить кузнецу дом на время работы, но и выделяла ему землю и освобождала его на период договорных работ от всех хозяйственных занятий. На сторону кузнец мог уйти лишь с согласия общины.

Во второй половине XIX в. с укрупнением аулов один общественный кузнец уже не мог справиться с работой для всего аула и появля-

⁵⁴ Лавров Л. И. Абазины, с. 19.

⁵⁵ Подробную характеристику кузнечного дела у абазин, производства оружия см.: Куннижева Л. З. Из истории обработки металла у абазин (XIX в.). — В кн.: Из истории Карачаево-Черкессии. — ТКЧНИИ, вып. 7, серия историческая. Ставрополь, 1974, с. 245—262.

⁵⁶ См.: Каламбий. На холме. — РВ, 1861, т. 36, с. 325.

ется практика найма кузнеца отдельными производственными объединениями. Члены такой супряги, как прежде община, осуществляли все расходы по содержанию кузнеца и проводили все необходимые работы в его хозяйстве.

С проникновением капиталистических отношений в абазинский аул и ростом отходничества усиливается отход кузнецов на заработки в другие аулы. В самом конце XIX в. кузнец из Дударуковского аула Годра Копсергенов 3 года работал в Бибердовском ауле, пока не подготовил там себе замену. Абдулах Тлисов из Шахгиреевского аула 5 лет работал в Абхазии⁵⁷.

Свое ремесло кузнец обычно передавал по наследству. Среди абазин славились кузнецы из фамилии Копсергеновых. Двоюродный дед Закария Дагужиева из Лоовско-Кубанского аула пользовался репутацией искусного оружейного мастера не только в своем ауле, но и в других селениях⁵⁸.

Кузнец, как правило, имел несколько учеников: обычно из своих детей или близких родственников, но иногда и чужих (даже из других аулов). В течение нескольких лет он обучал своему мастерству учеников, получая за это определенную плату. У абхазов, например, тот, кто обучился изготовлению оружия, платил мастеру 8 коров и 8 рублей; тот, кто обучился изготовлению курков и прикладов, платил 5 коров и 5 рублей⁵⁹. Кузница (жъира) обычно находилась на окраине аула, ее строила вся община. С древних времен кузница у абазин, как и у многих народов Северного Кавказа, считалась священным местом, а железным предметам приписывались магические свойства. Интересны сведения Л. З. Кунжевой о том, что кузница еще и в начале XIX в. часто служила местом сбора старейших жителей аула, где решали общественные дела⁶⁰.

Были среди абазин и искусные ювелиры. Известно, что дед Семана Шебзухова из Лоовско-Зеленчукского аула — ювелир по серебру — работал на заказ.

Широкое развитие получил деревообделочный промысел. Почти всю деревянную утварь и мебель в доме абазина, начиная от ложек и кончая кроватями, изготавливали в каждом домохозяйстве, точно так же как и несложные деревянные части сельскохозяйственных орудий.

Среди плотников выделялись хорошие мастера своего дела, выполнявшие работу на заказ. В ауле Старо-Кувинском славился мастер-плотник Кужев, специализировавшийся на производстве бричек. За свою работу он получал скот и деньги⁶¹.

У абазин не существовало специализации промыслов по аулам, как в Дагестане. Внутри общины не выделялась особая группа ремесленников, которая обеспечивала всем необходимым основное население аула, как это было, скажем, в индийской общине. У абазин почти

⁵⁷ Полевые материалы СКЭЭ МГУ, тетр. 10, с. 15; Кунжева Л. З. Из истории обработки металла у абазин..., с. 250.

⁵⁸ Полевые материалы СКЭЭ МГУ, тетр. 10, с. 15.

⁵⁹ См.: Джанашиа С. Н. Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми, 1960, с. 74.

⁶⁰ См.: Кунжева Л. З. Из истории обработки металла у абазин..., с. 247.

⁶¹ Полевые материалы СКЭЭ МГУ, тетр. 9, с. 13 об.

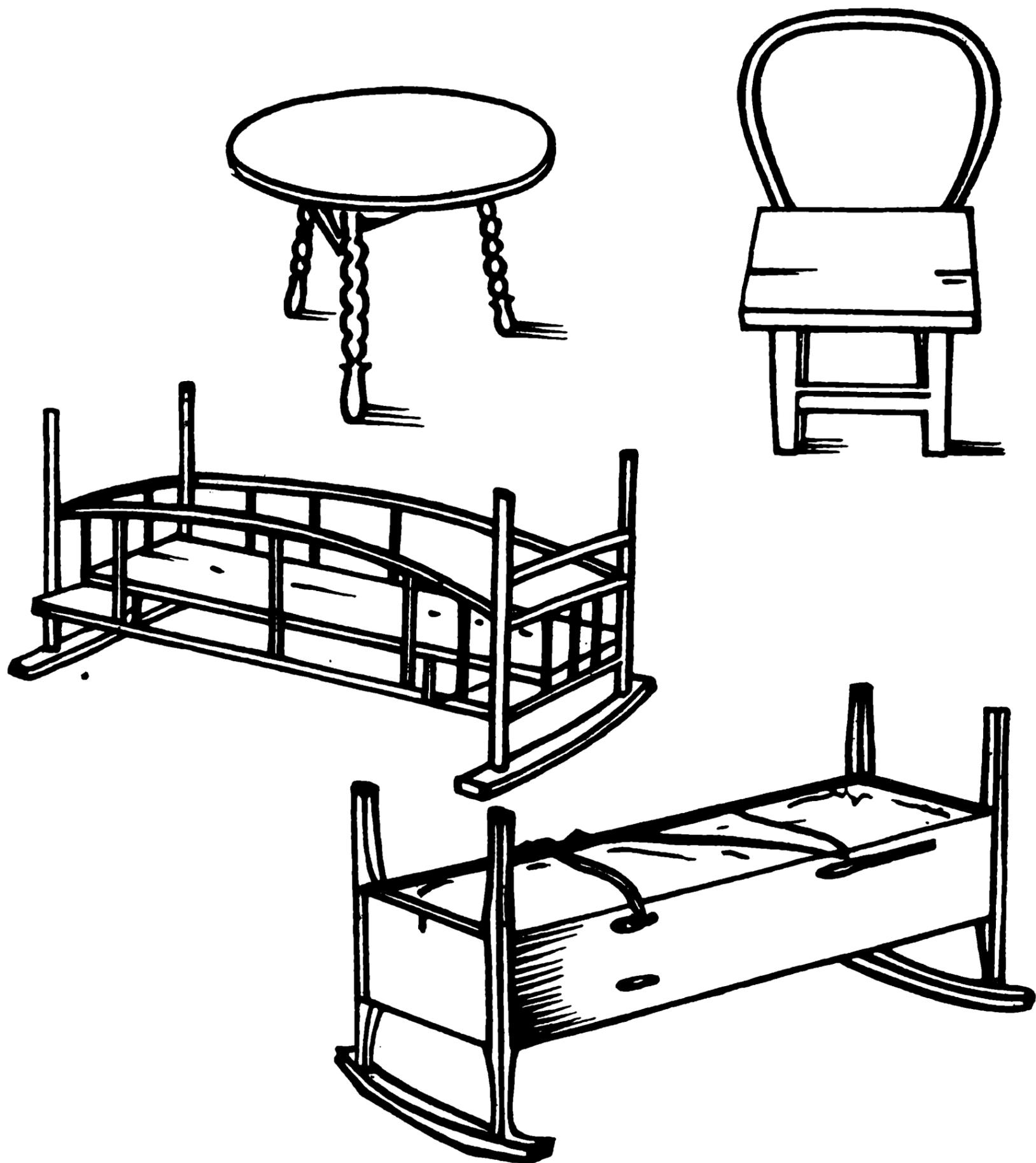

Рис. 9. Деревянная мебель абазин: традиционный круглый столик (айшва), стул, люльки

не встречалось особых ремесленников (кроме кузнецов), специализировавшихся на определенном виде промысла и работавших исключительно на рынок, хотя среди абазин имелись искусные мастера своего дела. Промыслы абазин в целом носили домашний характер: изделия изготавливали преимущественно для нужд своего хозяйства и местного населения.

Торговля

Окончательное присоединение Кавказа к России, отмена крепостного права и особенно влияние российского капитализма — все эти условия способствовали росту производительных сил на Северном Кав-

казе и определили те изменения, которые произошли здесь в пореформенное время. «Русский капитализм,— подчеркивал В. И. Ленин,— втягивал таким образом Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости,— создавал себе рынок для своих фабрик»⁶².

В предреформенный период хозяйство абазин было почти замкнутым, полунатуральным. Внутренняя торговля хотя и существовала, но развивалась слабо. Каждая сельская община сама обеспечивала себя всем необходимым. Соседние же общины, как правило, производили те же самые продукты, поэтому особой необходимости для обмена между общинами абазин не возникало. Кроме того, отсутствие специализации общин, отсутствие внутри них особой группы ремесленников также не способствовали развитию внутренней торговли.

Абазины, не имея сами доступа к морской торговле, через посредников поддерживали торговые связи с другими народами и государствами (главным образом с Турцией). Абазины-шкаровцы допускали на свои летние пастбища убыхов, живших на побережье, чтобы наладить с ними, а через них с Турцией и Крымом торговые отношения⁶³.

Торговля в первой половине XIX в., как и в XVIII столетии, чаще всего имела натуральный характер; эквивалентом стоимости на Северо-Западном Кавказе служили скот и рабы. Абазины продавали скот, продукты скотоводческого хозяйства и изделия из них — масло, сыр, шерсть, сукно, бурки, а также мед и воск. Особую статью торговли составляла продажа рабов, сбываемых в основном в Турцию. Покупали абазины преимущественно железные изделия, ткани, соль.

Народы Северного Кавказа, в том числе и абазины, постоянно расширяли торговые связи с русскими поселенцами. Еще в 1811 г. пристав ногайского и абазинского народов Менгли-Гирей писал, что абазины продают казакам лошадей и, кроме того, скупщики вывозили от них «во внутренние провинции скот, хлеб, масло, мед, воск и в Воронежские суконные фабрики превосходную их шерсть, да и Таганрогский порт отсюда получал большую часть означенных товаров»⁶⁴. В «Обзрении» о кавказских горцах за 1813 г. отмечалось, что абазины — джантемировцы и трамовцы — продают свои изделия из шерсти, сукно, холсты, съестные припасы посетителям минеральных вод⁶⁵. Даже в период Кавказской войны многие аульные общины, еще не принявшие подданства России, вступали в торговые отношения с русскими войсками. Командующий русским отрядом, действовавшим в 1843 г. в верховьях Зеленчука, генерал-майор Ольшевский в донесении сообщал, что башилбаевцы «приводят к нам для продажи скот, баранов и разные мелочные произведения»⁶⁶. В ближайший к абазинам торговый центр Георгиевск абазины доставляли на продажу продукты питания и домашнее сукно⁶⁷.

⁶² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 594.

⁶³ См.: Лавров Л. И. Абазины, с. 18.

⁶⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6200, л. 4.

⁶⁵ ЦГВИА, ф. 414, д. 7683, с. 277.

⁶⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6490, л. 132 об.

⁶⁷ ЦГВИА, ф. 414, д. 7683, л. 277.

Рис. 10. Товарообмен между русскими и горцами. 30-е годы XIX в.
Литография, ГИМ

В 1810 г. было принято «Положение о меновой торговле с горцами» и образовано несколько меновых дворов, которые на первом этапе своего существования способствовали развитию торговых отношений на Северном Кавказе. В Баталпашинской станице меновой двор функционировал с 1846 г. В дальнейшем вследствие жесткой регламентации, ограниченности ассортимента товаров для обмена с горцами (на меновых дворах продавали главным образом соль), строгих карантинных мероприятий, вздорожания цен на соль и прочих причин популярность меновых дворов понизилась⁶⁸.

Во второй половине XIX в. натуральный характер хозяйства абазин постепенно разрушался. Капиталистический уклад начинал занимать среди прочих укладов все более прочные позиции. Развитие капитализма способствовало росту торговли и товарности хозяйства абазин. «В последнее время, — сообщал в 1862 г. пристав Верхне-Кубанского приставства полковник Алкин, — мною замечено особое стремление горцев к торговой промышленности»⁶⁹.

Хозяйство абазин, и прежде всего его главная отрасль — скотоводство, втягивалось в рыночные отношения. Ежегодно некоторые абазинские аулы продавали большие партии рогатого скота и овец (таблица 3).

Таким образом, к концу 60-х годов XIX в. некоторые скотовладельцы разводили скот уже не только для себя, но и специально для продажи. Продавали скот на ярмарках в Баталпашинской станице, городах

⁶⁸ Подробную характеристику меновой торговли см.: Чекменев С. А. Из истории меновой торговли с горскими народами на Северном Кавказе в конце XVIII — первой половине XIX в. — ТКЧНИИ, вып. 6. Ставрополь, 1970.

⁶⁹ ЦГВИА, ф. 14 257, оп. 3, д. 548, л. 3.

Торговля скотом в абазинских аулах в 1867 г.
(по данным годовых отчетов Кубанской области)*

Аул	Всего лошадей	Продано	Куплено	Всего рогатого скота	Продано	Куплено	Всего овец	Продано	Куплено
Бибердовский	852	100	—	1183	63	—	5 269	800	—
Клычева	749	200	—	1412	310	—	3 582	—	25
Лоовско-Кубанский	1279	211	—	2548	793	—	15 476	4400	—
Лоовско-Зеленчукский	1362	10	68	1939	168	—	7 119	2000	—
Дударуковский	849	40	—	2312	101	—	2 494	411	—

* ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 124, л. 69—72.

Георгиевске, Пятигорске и других местах. Скот перегоняли через перевалы в Закавказье. Торговля скотом приносила князьям, дворянству и зарождавшемуся кулачеству большие доходы. Во второй половине XIX в. среди абазин появляются крупные коннозаводчики, занимающиеся поставкой лошадей казачеству. Вольшие табуны имели Какупшевы и Лоовы из Кумско-Лоовского аула, Лиевы из Лоовско-Зеленчукского аула. В. П. Пожидаев сообщает, что перед первой мировой войной в табунах наиболее крупного абазинского коннозаводчика Лафишева насчитывалось около 3000 голов лошадей⁷⁰.

Предметами торговли становятся и продукты молочного хозяйства. К 80-м годам XIX в. относятся первые попытки создания у горцев Северного Кавказа заводов по переработке молока. Один из инициаторов этого дела инженер А. А. Кирш отправился в горы с целью устройства там сыроваренных заводов. Среди горцев Кубанской области одними из первых на его предложение откликнулись жители абазинского Кувинского аула. Они выделили заводу 200 дойных коров (по 12 рублей за голову в летний период). Для заводского стада наняли пастуха и доильщиков. В первый год завод изготовил 360 пудов сыра — английского честера, который весь был продан в Англию. В последующие годы в Кувинском ауле было освоено производство швейцарского сыра. Но Кувинский сыроваренный завод просуществовал недолго, затруднения со сбытом сыров привели к его закрытию⁷¹.

Все больше связывались с рынком домашние промыслы абазин. Например, в 1867 г. в Кумско-Абазинском ауле специально для продажи было изготовлено 275 овчинных кож, 29 бурок (для дома — 12), 350 локтей домашнего сукна (для дома — 300 локтей). Но уже с начала 70-х годов XIX в. в связи с проникновением на Кавказ товаров фабричного производства здесь происходит снижение выработки неко-

⁷⁰ См.: Пожидаев В. П. Указ. соч., с. 78, 79.

⁷¹ Кубанские областные ведомости, 1883, № 44, 46.

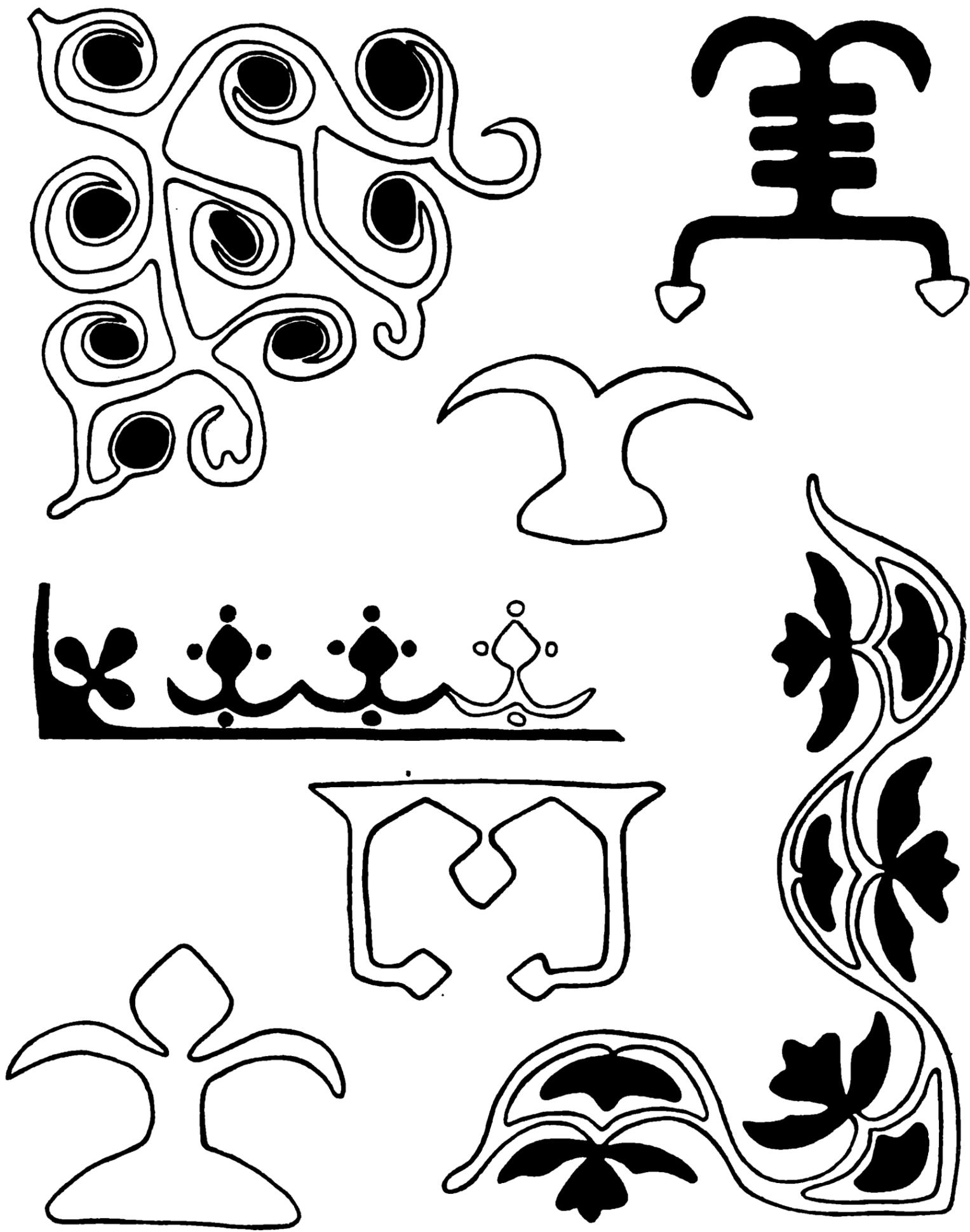

Рис. 11. Некоторые абазинские орнаменты, выполняемые шитьем

торых видов домашних промыслов. В том же Кумско-Абазинском ауле в 1869 г. на продажу было изготовлено 58 черкесок и 69 бурок, а уже в следующем 1870 г. на рынок поступило всего 17 черкесок и 15 бурок⁷².

Стремление производить на рынок было характерно не только для семей зажиточных абазин. С рынком были связаны и кулацкие хозяйства, и середняцкие, и бедняцкие: одни продавали, чтобы нажиться, другие — чтобы не умереть с голоду.

⁷² ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 306, л. 24, д. 506, л. 157, 197.

Веянием пореформенного времени было появление в абазинских селениях скупщиков скота, шерсти, овчин и других продуктов скотоводства. Осуществляя посредничество между непосредственным товаропроизводителем и рынком, скупщики втягивали в рыночные отношения все большее число крестьянских хозяйств. Часто скупщики практиковали оплату натурой — промышленными товарами, причем такой обмен не всегда был эквивалентным: в подавляющем большинстве случаев скупщики приобретали скот, шерсть, кожи и прочие товары по баснословно низким расценкам.

О расширении в пореформенное время внутренней торговли свидетельствует появление в абазинских аулах постоянных торговых лавок, а среди абазин — торговцев. Так, в 70-е годы XIX в. в Дударуковском ауле абазин Магомет Джандаров владел лавкой с красным товаром совместно с жителем Тазартуковского аула⁷³. В 1894 г. по 2 торговых лавки имелось в Дударуковском и Кумско-Лоовском аулах⁷⁴. В самом начале XX в. в Лоовско-Кубанском ауле мелочной торговлей занимались Амин Апсов и Ибрагим Ахлов, а житель этого же аула Бекмурза Симхов торговал мясом в Баталпашинской станице⁷⁵.

Итак, хозяйство абазин в XIX в. имело комплексный характер. Оно строилось на сочетании скотоводства и земледелия, а также подсобных занятий — охоты, пчеловодства, домашних промыслов. Насыщенный сельскохозяйственный цикл, условия отгонного скотоводства с дальними сезонными перекочевками вызывали необходимость вести строго регламентированную трудовую жизнь. Низкий уровень развития производительных сил, зависимость горца от природных условий способствовали сохранению сельской соседской общины в качестве основной формы организации жизни и трудовой деятельности абазинского народа. Медленно совершенствовались орудия труда и способы ведения хозяйства. Оставаясь полунатуральным и в первой половине XIX в., хозяйство абазин в сочетании с домашними промыслами составляло основу существовавшего в то время раннефеодального способа производства.

Однако соотношение двух основных видов хозяйственной деятельности — скотоводства и земледелия — у абазин не оставалось неизменным на протяжении 30—90-х годов XIX в. Если во второй четверти XIX в. и в первые пореформенные десятилетия, как и в XVIII столетии, ведущей отраслью по-прежнему оставалось скотоводство, то к концу XIX в. удельный вес земледелия настолько возрос, что этот вид производственной деятельности стал преобладающим среди остальных занятий жителей абазинских аулов.

Хозяйство абазин в пореформенное время медленно, но неуклонно теряло свой полунатуральный характер, все более втягиваясь в товар-

⁷³ ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 1325, л. 111.

⁷⁴ Кубанская справочная книжка 1894 г., с. 38, 39.

⁷⁵ См.: Невская В. П. Присоединение Черкессии к России и его социально-экономические последствия. Черкесск, 1956, с. 130.

но-денежные отношения, что в конечном счете вело к разрушению общины. Причины глубоких изменений в хозяйстве абазинской общины крылись в объективных социально-экономических и политических процессах, произошедших в 60—90-е годы XIX в. на Северном Кавказе. В результате осуществления земельной, крестьянской, административной, судебной реформ произошли значительные перемены в социально-экономических условиях жизни коренного населения Северного Кавказа.

О проникновении элементов капиталистических отношений в соседскую общину абазин во второй половине XIX в. свидетельствуют многочисленные процессы в разных областях ее жизни. Увеличение имущественного неравенства — одно из последствий развивающихся товарно-денежных отношений. Развитие батрачества, отходничества — неизбежные спутники капитализма. Процессы концентрации земли и скота в руках небольшого числа собственников и обнищание основной части непосредственных производителей — характерные черты пореформенной жизни абазинских аулов.

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРЕДРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Особенности традиционного хозяйственного уклада абазин в значительной степени влияли на формы собственности в общине. Они определяли и формы организации труда. В чьих же руках находились основные средства производства в абазинской общине?

Наибольшее значение при решении этого вопроса имеет исследование земельных отношений, так как скот уже издавна находился в собственности отдельных семей. В первой половине XIX в. земельные отношения у абазин отличались сложностью и незавершенностью форм.

Изучение земельных отношений в абазинской общине в дореформенное время имеет определенные трудности. Во-первых, потому что абазины не жили компактной группой, а были рассеяны в пределах Кубанской области, во-вторых, многие абазинские аулы до 60-х годов XIX в. не раз меняли свое местоположение и, в-третьих, до Октябрьской революции этот народ не имел своей письменности, нормы земельных отношений не были зафиксированы письменными документами. Все это затрудняет определение точных границ земельных владений абазинских соседских общин и выяснение вопросов, связанных с распределением земли внутри общины.

Дореволюционные исследователи полагали, что абазины, как и другие горцы Северо-Западного Кавказа, не знали собственности на землю, земля считалась общественной, и высшим субъектом владения землей по адату выступала соседская община. Как же фактически складывались земельные отношения внутри абазинской общины?

Территориальная община абазин предреформенного периода была сословно-классовой, объединением представителей всех свободных сословий, далеко не равных в своих правах и обязанностях. Класс феодалов (сословия аха и агмиста) еще не выделился окончательно из общины. Аха или агмиста, как правило, стоял во главе общины, поэтому

часто и саму общину, и земли, которыми она владела, называли по имени того аха или агмиста, который считался покровителем данной общины.

В «Записке канцелярии Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе о правах высших горских сословий в Кубанской и Терской областях» говорилось: «Земля, которою разновременно владело это общество (речь идет о тапантинцах. — Е. Д.), меняя часто оседлость, находилась в общественном владении; частной поземельной собственности не было»⁷⁶.

Итак, согласно «Записке», земля у абазин находилась в общественном владении. Однако в той же «Записке» отмечается, что у абазин «по примеру Большой и Малой Кабарды земля была разделена на уделы между фамилиями из сословия «аха»⁷⁷. Так, у тапантинцев земли были разделены между княжескими фамилиями: Лоовых, Бибердовых, Дударуковых, Джантемировых, Кячевых⁷⁸. Относительно шкаровцев этот вопрос не выяснен окончательно. Лишь установлено, что земли башилбаевцев были разделены между фамилиями Егибоковых, Исмаиловых, Сидовых и Добабовых-Маршани⁷⁹.

Чем были эти «княжеские уделы»? В. К. Гарданов полагает, что у адыгов уделы княжеских фамилий были по существу княжеской земельной собственностью. Княжеская фамилия выступала верховным собственником своего земельного удела⁸⁰. Таким образом, получается, что соседские общины адыгов хозяйствовали на княжеской земле.

Относительно абазинских земельных уделов такого вывода сделать нельзя. Деление земли на уделы у тапантинцев, например, совпадает с разделением их на 5 частей — лоовцев, дударуковцев, джантемировцев, бибердовцев, кячевцев. Очевидно, эти уделы были не чем иным, как бывшими родо-племенными территориями отдельных подразделений абазин, принявших наименования по фамилиям своих «покровителей». В той же «Записке», кстати, отмечается: «Границы этих уделов в настоящее время изгладились из народной памяти. Сохранилось только, что Лоовы жили по Кубани, Кардонику, Маруху и Теберде; Дударуковы — от Маруха до Большого Зеленчука»⁸¹. Здесь, видимо, имеется в виду не просто княжеская фамилия Лоовых или Дударуковых, но все подразделение лоовцев, дударуковцев.

На землях такого удела находилось несколько общин, и каждая община выступала самостоятельной территориально-экономической единицей и определенным землевладельческим коллективом. Складывание и существование разных форм земельных отношений у абазин происходило в пределах соседской общины.

Как и абхазская акыта, и осетинская кау, абазинская община, в отличие от закавказской (армянской, грузинской), в предреформенные

⁷⁶ ЦГА СО АССР, ф. 262, оп. 1, д. 51, л. 161.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ В «Записке» почему-то не упоминается еще одна княжеская фамилия тапантинцев — Клычевы.

⁷⁹ ЦГА СО АССР, ф. 262, оп. 1, д. 51, л. 162.

⁸⁰ См.: Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1967, с. 138—139.

⁸¹ ЦГА СО АССР, ф. 262, оп. 1, д. 51, л. 161.

годы не знала земельных переделов. Отсутствие переделов общинной земли у абхазов отмечали многие исследователи. В. П. Гугушвили указывает: «Мы можем говорить о наличии в предреформенной Абхазии своеобразной формы захватного способа землепользования»⁸². То же самое отмечают Ш. Д. Инал-Ипа, Г. А. Дзидзария⁸³.

Относительно переделов земли в соседской общине адыгских народов существует двойное представление. М. М. Ковалевский, например, писал: «Данные кавказского землевладения показывают, что система периодического передела полей, которую большинство исследователей еще недавно соединяло с древнейшими порядками собственности, на самом деле нимало не отвечает этому представлению... Переделы, возобновляемые в раз и навсегда установленные сроки, совершенно неизвестны этим народностям (черкесам и кабардинцам — Е. Д.)»⁸⁴.

Некоторые советские исследователи считают, что для адыгской общины земельные переделы были характерным явлением. Так, Б. М. Джимов отмечает, что в дореформенной Адыгее «пахотная земля хоть и оставалась общинной, но периодически переделывалась между членами землевладельческой общины, вследствие чего каждый земледелец обрабатывал своими силами назначенные ему паи и затем присваивал плоды этой обработки». И далее автор подробно описывает, как происходило распределение распаханной земли между несколькими хозяйствами, составлявшими временное трудовое объединение — супругу для совместной обработки земли. В. Х. Кажаров также придерживается мнения о существовании регулярных переделов обрабатываемых земель в кабардинской сельской общине уже в дореформенное время, подчеркивая при этом особую роль супруги⁸⁵.

К сожалению, скудость письменных источников не позволяет нам документально подтвердить отсутствие в общине абазин земельных переделов. Но, опираясь на наблюдения исследователей других северокавказских народов и собственные полевые материалы, мы можем выдвинуть предположение о том, что в середине XIX в. и в абазинской общине действовало захватное (заимочное) право на землю. Вот что сообщают наши информаторы: «До размежевания земель (имеются в виду земельные преобразования 60—70-х годов XIX в. — Е. Д.) любой сколько ему надо пахать — пахал, сколько надо косить — косил. Все родственники занимали определенную балку, — рассказывал Хасамбий Джердисов из аула Псыж, — и называли своей фамилией. Все косили там, и каждый брал сена сколько ему надо». Другой информатор из аула Инджик-Чикун рассказывал: «Когда переселились сюда, на

⁸² Гугушвили П. В. Экономическое развитие Грузии и Закавказья в XIX — XX вв. Цит. по: Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в. Сухуми, 1958, с. 216.

⁸³ См.: Дзидзария Г. А. Указ. соч., с. 217; Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми, 1965, с. 387.

⁸⁴ Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе, т. 1. М., 1890, с. 64.

⁸⁵ Джимов Б. М. Общественный строй дореформенной Адыгеи. — УЗ АНИИ, т. 11. Майкоп, 1970, с. 27; Кажаров В. Х. О системе регулирования землепользования в кабардинской сельской общине (первая половина XIX в.). — В кн.: Из истории феодальной Кабарды и Балкарки. Нальчик, 1980, с. 28—53.

Малый Зеленчук, землю брали какую кто хотел и где хотел. Земли порожней было много, а людей мало». По словам Закария Дагужиева из аула Кубина, «земли было сколько хочешь, когда аул переселился. Кому сколько надо, тот столько и брал. Участок, где посеял, где сено косил, родник своим именем называл»⁸⁶.

М. М. Ковалевский, как и некоторые другие ученые его времени (А. А. Кауфман, И. В. Лучицкий), полагал, что на ранних этапах землепользование в соседской общине осуществлялось по «праву вольной заимки». Периодические переделы земли — позднее явление в общине, они возникают с ростом населения и ограничением земельных общинных угодий. Эту точку зрения М. М. Ковалевский высказал в ряде работ⁸⁷. Одной из особенностей деятельности сельской общины в Левобережной Украине в XVIII в. И. В. Лучицкий считал обнаруженную им практику захватного землепользования, которую он связывал с изобилием земель в этом крае⁸⁸. Заимочное землевладение, как установил А. А. Кауфман, главным образом на сибирских материалах, было первоначальной формой общинного землевладения у всех народов⁸⁹. В связи с этим представляется не бесспорной критика взглядов М. М. Ковалевского на земельные переделы в общине и их возникновение со стороны М. О. Косвена и П. Ф. Лаптина⁹⁰.

У отдельных народов Северного Кавказа захватное право сохранялось долго. Земельный фонд, особенно у тапантинцев, был достаточным, и абазины не испытывали земельного голода, подобно карачаевцам. Они даже сдавали в аренду карачаевцам свои свободные земли. Об этом сообщал начальник Эльборусского округа Н. Г. Петрусевич: «Земля по обоим сторонам реки Мары, особенно правая, занималась постоянно карачаевцами с давних пор по найму от абазин»⁹¹. Во второй четверти XIX в. карачаевские скотоводы из наиболее зажиточных фамилий пасли свой скот на абазинских землях в верховьях рек Эшакона, Эмлука, Подкумка и Кумы. В 40-х годах XIX в. князя Лоовы по поводу спорного земельного участка в урочище Тамлык, на который претендовали карачаевцы, объясняли, что этим участком абазины не пользовались, так как «имели в земле избыток в других местах»⁹².

⁸⁶ Полевые материалы СКЭЭ МГУ, 1970/71 г., тетр. 4, с. 33, тетр. 5, с. 35, тетр. 6, с. 3.

⁸⁷ См.: Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1939, с. 137; он же. Происхождение семьи, рода, племени, собственности, государства и религии. — Итоги науки в теории и практике. Т. 10. Общество. М., 1914, с. 117—121; он же. Древнегерманская марка. — Юридический вестник, 1886, № 5, с. 677; и др.

⁸⁸ См.: Лучицкий И. В. Следы общинного землевладения в Левобережной Украине в XVIII в. — Отечественные записки, 1882, № 11, с. 93; он же. Общинные формы землевладения на Днепровском побережье. Киев, 1884, с. 16.

⁸⁹ См.: Кауфман А. А. К вопросу о первоначальных формах общинного землевладения. — Сборник правоведения, т. 6. М., 1896, с. 161.

⁹⁰ См. примечания М. О. Косвена к книге М. М. Ковалевского «Очерк происхождения и развития семьи и собственности», с. 158—159; Лаптин П. Ф. Община в русской историографии. Киев, 1971, с. 212, 216.

⁹¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 124, л. 139.

⁹² См.: Невская В. П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в. (дореформенный период). Черкесск, 1960, с. 32; ЦГА КБ АССР, ф. 16, оп. 1, д. 448, л. 7 об.

Захватное право в абазинской общине проявлялось по-разному для разных земельных угодий. Обрабатываемые земли (пахотные участки, сенокосы) на основе этого права присваивали отдельные фамилии — группы родственных семей (тухум) или отдельная семья на длительный срок и передавали их по наследству. Никаких ограничений относительно размеров захваченных земель не существовало. Общинник, вернее тухум или отдельная семья, занимали столько земли, сколько могли обработать, и владели ею неограниченно. Подобное же положение существовало и у абхазов⁹³.

Необрабатываемые угодья, например летние или зимние пастбища, присваивали на менее продолжительное время, нежели обрабатываемые. Однако следует отметить тенденцию закрепления отдельных пастбищ, урочищ за определенными семейно-родственными коллективами или отдельными семьями, из года в год старавшимися выпасать свои стада на одних и тех же местах.

Хотя общинники формально обладали равными правами по отношению к пастбищам, выгоды от их использования они получали неодинаковые. Скотоводы, имевшие большее количество скота, а это были, как правило, представители высших сословий — аха и агмиста — имели и большие выгоды. К. Маркс писал: «...У пастушеских народов собственность на естественные продукты земли — например, на овец, — это одновременно и собственность на луга, на которых они пасутся»⁹⁴. Но «собственность на луга» здесь нужно понимать условно. Это не реальная собственность, а та практическая выгода, которую извлекали наиболее богатые скотоводы при использовании общественных пастбищ.

Леса, выгоны, источники воды находились в общественном пользовании и ими мог пользоваться каждый по мере личной надобности. Часть общинных земель оставалась свободной, лежала «впусте».

В архивных документах встречаются упоминания о практике огораживания у абазин пахотных участков⁹⁵. В. К. Гарданов, М. А. Меретуков огораживания считают доказательством существования частной, крестьянской собственности на пахотные участки⁹⁶. Но еще К. Маркс, критикуя Л. Моргана, писал: «Морган ошибается, если думает, что *одно лишь огораживание* уже указывает на наличие частной собственности на землю»⁹⁷. Поэтому констатация существования огороженных участков недостаточна для вывода «о вторжении частной земельной собственности в недра сельской общины»⁹⁸. Огораживание полей, как известно, возникло еще в древности для защиты участков от зверей, скота и пр. Наличие же многих огороженных участков свидетельствует о том, что они были присвоены на основе захватного права отдельными семьями или группами родственных семей. Однако формы

⁹³ См.: Инал-Ипа Ш. Д. Указ. соч., с. 387, 395.

⁹⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 480.

⁹⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6652, л. 7 об.

⁹⁶ См.: Гарданов В. К. Указ. соч., с. 150—153; Меретуков М. А. Семейная община у адыгов. — УЗ АНИИ, т. 11, с. 257.

⁹⁷ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. IX. М.—Л., 1941, с. 51.

⁹⁸ См.: Гарданов В. К. Указ. соч., с. 152.

присвоения могут быть разными — это и собственность, и владение, и пользование.

Чтобы ответить на вопрос, какие именно формы присвоения существовали в абазинской общине, необходимо установить, каков был способ использования присвоенных земель, или, другими словами, как функционировали присвоенные участки?

Следует подчеркнуть, что в общине, где действовало захватное право, не было и не могло быть равенства в земельном владении. Тот, кто мог обработать или использовать больше земли, захватывал и большие участки. В XIX в. захватное право представляло удобное средство для концентрации земли у феодалов.

Особенность феодализма на Северо-Западном Кавказе состояла в том, что феодалы не вели здесь собственного крупного помещичьего хозяйства, отчего характер земельной собственности не был так четко выражен, как, например, в России. Феодалы, не участвуя сами в производительном труде, сажали на присвоенную ими землю семейства принадлежащих им крепостных крестьян — лыгов, наделяли их необходимыми средствами производства — скотом, орудиями труда, и лыги на земле своего владельца вели самостоятельные хозяйства, обеспечивая себя необходимым для жизни и создавая своему господину прибавочный продукт.

Итак, в данном случае налицо поземельная зависимость лично несвободной части населения общины — лыгов — от своего владельца. Феодал, будучи членом территориальной общины, имел право на присвоение земель, а лыги такого права не имели и вынуждены были пользоваться землей своего господина, то есть здесь личная зависимость лыгов сочетается с их прикреплением к земле.

Таким образом, общинники сословий аха и агмиста использовали присвоенную ими землю для эксплуатации чужого труда и получения прибавочного продукта в виде феодальной земельной ренты (у абазин наблюдалось сочетание всех ее трех форм). К. Маркс указывал: «Какова бы ни была специфическая форма ренты, всем ее типам обще то обстоятельство, что присвоение ренты есть экономическая форма, в которой реализуется земельная собственность, и что земельная рента, в свою очередь, предполагает земельную собственность...»⁹⁹.

Поэтому о данной категории общинников мы можем говорить как о реальных земельных собственниках. Аха и агмиста с помощью чужого труда осваивали большие пространства, нежели другие общинники, и посему присваивали себе большую и лучшую часть общинных земель.

В то же время основная часть общинников сословий анхаю и азаты в подавляющем большинстве осваивали присвоенные ими общинные земли сами, с помощью личного труда. Лишь в отдельных семьях прибегали к эксплуатации чужого труда — зависимых несвободных крестьян — лыгов и рабов — унавы. Но если высшие сословия аха и агмиста совершенно не участвовали в производстве, то для данной ка-

---

⁹⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 183.

тегории общинников применение личного труда в производственной сфере — неперемное условие.

У абазин земельные владения свободных крестьян (анхаю) еще не превратились в «обособленную» собственность (это понятие ввел в науку Ф. Энгельс¹⁰⁰), как и у некоторых народов Северного Кавказа, например у адыгов¹⁰¹. В собственности у абазин находились лишь приусадебные участки, а пахотные земли были наследственным владением семьи или тухума. Правда, отсутствие источников не позволяет сопоставить развитие земельных отношений у абазин-тапантинцев и абазин-шкаровцев. Можно лишь предположить по аналогии с другими северокавказскими народами, что у части горных абазин, возможно, уже сложилась обособленная собственность на возделанные пахотные участки, подобно той, которая существовала у карачаевцев или горных осетин. Однако она не достигла у них такого же развития, как у названных выше народов. В источниках нам не встречалось сведений ни о продаже земельных участков общинниками, ни об аренде их или отдаче за калым и пр. Отсутствие подобных сведений свидетельствует о недостаточной развитости института обособленной собственности у абазин. Основной формой присвоения общинных земель для свободных крестьян-общинников продолжало оставаться земельное наследственное владение группой родственных семей или отдельной семьей.

Третья категория населения абазинского аула — зависимое несвободное население лыги и унавы не считались членами соседской общины и потому никаких прав на землю не имели. Они были лишь пользователями земли своего господина.

Таким образом, рассмотрев основы землепользования и землевладения в абазинской соседской общине предреформенного периода, можно выявить в ней наличие двух категорий земель: присваиваемых отдельными семьями или коллективом родственных семей и неприсваиваемых, находившихся в общинном пользовании. Для присваиваемых земель характерны все три формы присвоения — земельная собственность (собственность феодалов абазинской общины), земельное наследственное владение (владения свободных крестьян-общинников) и земельное пользование (пользование землей господина несвободным крестьянством — лыгами).

До сих пор в кавказоведческой литературе дискуссионен вопрос о взаимоотношениях феодала и свободных крестьян-общинников. Часть исследователей приходит к выводу о том, что в предреформенный период на Западном Кавказе не было поземельной зависимости свободных общинников. Так считал, например, А. В. Фадеев, который писал относительно абхазских крестьян: «Положение крестьян феодальной Абхазии характеризовалось наличием многочисленной группы анхаю, не прикрепленных к земле, но зависимых и обязанных разнообразными повинностями...»¹⁰². И. Г. Антелава отмечал: «Крестьяне этой катего-

¹⁰⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 58, 160.

¹⁰¹ См.: Покровский М. В. Указ. соч., с. 116—117.

¹⁰² Фадеев А. В. Хозяйство и двор абхазского помещика накануне реформы 1870 г. — В кн.: Материалы по истории Абхазии, сб. 1. Сухуми, 1939, с. 126.

рии (анхаю. — Е. Д.) экономически не были зависимы от феодалов»¹⁰³.

Другая часть исследователей (Г. А. Дзидзария, Б. М. Джимов, В. К. Гарданов) полагают, что зависимость свободных общинников от феодала «носила прежде всего поземельный характер», и «основой эксплуатации крестьянства помещиками, как и всего феодального строя, являлась феодальная собственность на землю. Из этого взаимодействия между абхазскими помещиками и крестьянами, — указывает Г. А. Дзидзария, — вытекала и личная зависимость и внеэкономическое принуждение последних первыми, хотя такое внеэкономическое принуждение и составляло характерную черту крепостного строя»¹⁰⁴.

Наши источники не дают доказательств наличия у абазин поземельной зависимости свободных анхаю от аха и агмиста. Земля, которой владел анхаю, — это не держание или надел, предоставленный ему на определенных условиях аха или агмиста. Это общинная земля, которой он владел как член данной соседской общины.

Процесс феодализации общинных земель происходил постепенно. Феодал (аха или агмиста-ду) прежде всего стал собственником той части общинных земель, которую он присвоил на основе захватного права как член территориальной общины. Это его реальная земельная собственность, из которой он извлекал прибавочный продукт, эксплуатируя чужой труд. Зародившаяся феодальная собственность неразрывно связана с эксплуатацией, и прежде всего лично несвободного населения.

Следующий этап узурпации феодалом земель общины — присвоение себе права распоряжаться свободными общинными землями. Сначала, очевидно, это право не было постоянным для аха или агмиста-ду, стоявшего во главе общины. Но постепенно оно закрепилось за ним и впоследствии было зафиксировано даже адатом. При чем можно проследить, как происходил процесс узурпирования земель общины, как феодал постепенно превращался в номинального собственника свободных общинных земель. Первоначально владелец аула-общины присвоил себе право взимать в свою пользу арендную плату за пастьбу на этих землях чужого скота, не принадлежавшего данной общине. Так, карачаевские скотоводы из наиболее зажиточных фамилий делали различные подарки абазинским князьям и получали за это право выпасать свой скот на свободных землях абазин¹⁰⁵. У абхазов существовало такое же правило: «...Лица эти (владельцы аулов. — Е. Д.) получали доход за пастьбу на свободной аульной земле скота, не принадлежавшего членам аульного общества»¹⁰⁶. Постепенно владельцы аулов или старшины стали регулярно получать свободные общинные земли. У кабардинцев, например, «по обычаю свободный излишек пахотных и сенокосных мест, аулу принадлежавших, предоставлялся в пользова-

¹⁰³ Антелава И. Г. Очерки по истории Абхазии XVII—XVIII вв. Сухуми, 1949, с. 147.

¹⁰⁴ Дзидзария Г. А. Указ. соч., с. 247; Гарданов В. К. Указ. соч., с. 205.

¹⁰⁵ См.: Невская В. П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в. ..., с. 32.

¹⁰⁶ ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, д. 41, л. 4 об.

ние владельца (старшины) аула»¹⁰⁷. И в конце концов феодал, стоявший во главе общины, начинает считать свободные общинные земли своими и требует плату за их пользование уже и от своих сообщинников. У ногайцев и части абазин-тапантинцев «за пользование землей объявленной князя или никому не принадлежавшей подвластные должны князю (платить.— Е. Д.) ежегодно по 7 мер проса и по 1 возу сена с каждого двора»¹⁰⁸.

Между общиной и князем нередко возникали поземельные споры. О подобных спорах у адыгских народов пишет К. Ф. Сталь, у абхазов — Г. А. Дзидзария¹⁰⁹. Поземельные споры между общиной и князем — яркое свидетельство, с одной стороны, дальнейшего наступления феодала на общинные земли, а с другой стороны, живучести общинных порядков землепользования и силы общины, когда она пыталась противодействовать узурпаторским устремлениям феодалов.

Таким образом, в предреформенный период у абазин феодал — аха или агмиста, глава сельской общины, будучи реальным собственником той части земель общины, которой он владел на основе захватного права как член общины, превратился уже в номинального собственника свободных общинных земель.

Однако оставался еще определенный фонд земельных владений, который не был собственностью феодала (ни реальной, ни номинальной). Это земли свободных крестьян-общинников (анхаю), на которые феодал не имел никакого права. У абазин прикрепление анхаю к земле шло чрезвычайно замедленными темпами. Нам не встречалось в источниках фактических сведений о передаче феодалом своих земель во владение свободным крестьянам или случаев насильственного захвата аха или агмиста земли анхаю, случаев сгона анхаю с земли (как, например, у абхазов¹¹⁰), продажи свободными общинниками своих обработанных участков своему или чужому князю (подобные факты приводит Г. А. Дзидзария, анализируя земельные отношения у абхазов¹¹¹).

Однако и для абазин, как и для других народов Северного Кавказа, характерно было дальнейшее закрепощение личности анхаю. Об этом свидетельствует, в частности, ограничение права свободного перехода анхаю от одного владельца к другому. Князь имел даже право забрать себе все имущество крестьянина, переселившегося к другому князю без его согласия¹¹². А когда в 40-х годах XIX в. часть жителей аула Лоовых отказалась переселиться вслед за своими князьями на новое место жительства (с Кумы на Кубань) на том основании, что решение о переселении князья приняли без всеобщего согласия общины, Лоовы обратились за помощью к царским чиновникам. Дело дошло до вооруженного столкновения между общинниками и князьями Лоовы-

¹⁰⁷ ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, д. 29, л. 23 об.

¹⁰⁸ ЦГВИА, ф. 14 257, оп. 3, д. 481, л. 8 об. В этом документе речь идет о населении Тохтамышевского приставства.

¹⁰⁹ См.: Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа. — Кавказский сборник, т. 21. Тифлис, 1900, с. 153; Дзидзария Г. А. Указ. соч., с. 244—245.

¹¹⁰ См.: Дзидзария Г. А. Указ. соч., с. 231.

¹¹¹ Там же, с. 244—245.

¹¹² ЦГВИА, ф. 14 257, оп. 3, д. 481, л. 9.

ми. Лишь с помощью царской администрации, вставшей на сторону князей, крестьяне были насильно переселены к своим князьям¹¹³.

Таким образом, к предреформенному периоду существовала личная зависимость свободных общинников от своих князей. Об этом же свидетельствуют и различные повинности анхаю в пользу аха и агмиста. Чем же, если не поземельными отношениями, определялась зависимость крестьян от феодала?

В. И. Ленин писал: «Если бы помещик не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство. Необходимо, следовательно, «внеэкономическое принуждение», как говорит Маркс, характеризуя этот хозяйственный режим... Формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина»¹¹⁴.

Итак, в абазинской общине предреформенного периода налицо зависимость свободных крестьян (анхаю) от феодалов (аха и агмиста), определяемая прежде всего личностными отношениями, в основе которых лежала сословная неравноправность.

В дореформенные годы у абазин, как и у других народов Северо-Западного Кавказа, и земельная собственность, и земельное владение выступали не в виде собственности или владения отдельного лица, а представляли собой собственность или владение группы родственных семей — тухумов («фамильная» собственность или владение), а позже собственность или владение одной семьи (большой или малой).

Феодальная земельная собственность у абазин не получила, однако, юридического оформления; у них не было института полной собственности на землю. Абазинские феодалы не могли продавать землю, дарить ее, закладывать и пр. Если сравнить развитие юридической стороны земельных отношений у абазин с карачаевцами, осетинами, абхазами и некоторыми другими кавказскими народами, то у абазин юридическое оформление собственности получило намного меньшее развитие. В «Своде сведений о зависимых сословиях Кубанской области» сообщалось: «Размер цен на продажу земли у горцев не существует, за исключением Карачая»¹¹⁵.

Правда, отдельные случаи продажи земель были и у абазин в предреформенный период. Так, в 20-х годах XIX в. абазинский старшина Кучук Кочев уступил карачаевцам Аджиевым участок земли за лошадь и скот, имевших ценность 12 рабов¹¹⁶. Подобные случаи свидетельствуют, что процесс шел в сторону превращения неотчуждаемой собственности (если так можно выразиться) в отчуждаемую, неполной собственности в полную. Но процесс этот шел чрезвычайно медленно, и отдельные факты купли-продажи земли остаются только отдельными фактами, не являясь доказательством того, что земля уже стала свободно отчуждаемой.

¹¹³ ЦГВИА, ф. 13 454, оп. 2, д. 284, л. 30 и сл.

¹¹⁴ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 3, с. 185.

¹¹⁵ ЦГИА Гр.ССР, ф. 545, д. 86, л. 8.

¹¹⁶ Документ «Письменные заявления карачаевского народа и объяснение комиссии». — Кубанский сборник. Екатеринодар, 1910, т. 15, с. 380.

Итак, исследование условий землепользования и землевладения в абазинской соседской общине показывает, что в дореформенный период в ней наряду с сохранявшимся подлинно общинным землевладением на необрабатываемые угодья существовали различные формы присвоения обрабатываемых земель — земельная собственность, земельное владение, земельное пользование. Складывание и существование разных форм землевладения в соседской общине отражает ранний этап развивавшихся феодальных отношений, когда происходил постепенный процесс дальнейшей феодализации общинных земель. Феодальная земельная собственность у абазин была неполной, не получившей юридического оформления собственностью, семейно-групповой. Свободные крестьяне (анхаю) еще не были зависимы в поземельных отношениях от феодалов, что также свидетельствует о незрелости феодальных отношений у абазинского народа.

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (после 60-х годов XIX в.)

Во второй половине XIX в. колониальная политика царизма на Кавказе, политическое подчинение горцев Кубанской области России сопровождалось реформами в экономической жизни. Реформы коренным образом изменили прежнее поземельное устройство населения Кубанской области.

После водворения на землях выселившихся горцев казачьих станиц значительная и лучшая часть земель отошла казакам. В 1858—1865 гг. в Закубанье было основано около 40 станиц, которым было отдано более 1 млн. десятин земли¹¹⁷. Аульные наделы горцев были сильно урезаны.

В 60-х годах XIX в. царское правительство приступило к земельным преобразованиям на Северном Кавказе. По проекту графа Евдокимова, все горское население подразделялось на 3 категории: к первой были отнесены княжеские владельческие фамилии и лица, «обратившие на себя внимание своими особыми заслугами», ко второй — дворяне, живущие под покровительством владельческих фамилий, и некоторые менее влиятельные княжеские фамилии, третью категорию составляли простые люди, свободное крестьянство. Лицам, принадлежавшим к первой категории, царское правительство давало земли «в вечное и потомственное владение»; лица, отнесенные ко второй категории, получали земли в фамильное владение, а лица третьей категории получали земли в общинное владение¹¹⁸.

Основную массу населения аулов составляли лица третьей категории: в Лоовско-Кубанском ауле к первой и второй категориям принадлежали 30 человек, к третьей — 591; в Дударуковском ауле к первой категории относились 5 человек, к третьей — 479 и т. д.¹¹⁹

¹¹⁷ См.: Невская В. П. Земельные отношения в Карачае во второй половине XIX в. — ТКЧНИИ, вып. 4 (история). Ставрополь, 1965, с. 88.

¹¹⁸ ЦГИА Гр.ССР, ф. 545, д. 27, л. 14, 14 об.

¹¹⁹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, д. 129, л. 63.

Работы межевых комиссий, ведавших размежеванием земель между частными лицами, фамилиями, аулами, продолжались многие годы. В первую очередь земли отмежевывали представителям первой и второй категорий. Некоторые абазинские аулы-общины, не имея в течение нескольких лет определенного аульного надела, испытывали острую нужду в землях, что приводило к поземельным спорам и тяжбам между аулами и казачьими станицами, между общинами и отдельными лицами — собственниками крупных земельных наделов.

Стараниями царской администрации в Кубанской области был юридически оформлен класс крупных земельных собственников. Конечно, экономическое развитие абазинской общины предреформенного периода вело к выделению крупных земельных собственников, но вмешательство царизма значительно ускорило этот процесс. Многие абазины из высших сословий стали частными собственниками огромных участков земли. Так, аха Магомет-Гирей Лоову было отмежевано 5 тысяч десятин, аха Асламбек Дударуков получил 1 тысячу десятин, аха Давлет-Гирей Бибердов получил 500 десятин земли и т. д.¹²⁰

Лица первой категории стали полными безраздельными собственниками пожалованных им земельных участков. Они могли продать их, сдать в аренду, подарить, могли лишить членов своих семей права пользоваться этими землями. Князь Асламбек Дударуков, недовольный своими детьми, запретил им пользоваться пожалованной ему землей, и они вынуждены были просить общину о наделении их землями из фонда общины, что вызвало недовольство остальных общинников. Магомет-Гирей Лоов из пожалованных ему земель подарил 500 десятин своему подвластному аулу¹²¹.

Знатные фамилии, отнесенные ко второй категории, также наделались солидными участками земли: фамилия Лоовых на 22 души мужского пола получила 2035 десятин земли, фамилия Лиевых на 13 душ мужского пола получила 1122 десятины, 3 брата Джантемировых владели 1500 десятинами, фамилия Цекишевых на 7 душ мужского пола имела 330 десятин земли и т. д. Эти участки должны были находиться в нераздельном владении либо тухумов — групп родственных семей, либо отдельных семей. Глава семейства считался собственником семейного участка, но его права не распространялись на земли тех членов семьи, которым они были предоставлены за службу. Если же участком владели совместно несколько братьев или дядя с племянником, то при желании они могли поделить его между собой¹²².

Основная масса крестьянства — рядовые общинники — получила землю в общинное владение. Некоторые царские чиновники считали, что «для горцев большой поземельный надел будет положительно вреден. Изобилие земли дает им возможность пренебрегать ее возделыванием и заниматься усиленно скотоводством. Этот промысел, когда он берет перевес над земледелием, приучает жителей к праздности, а отсюда развивает и поддерживает в них страсть к хищничеству»¹²³.

¹²⁰ ЦГИА Гр.ССР, ф. 545, д. 27, л. 219.

¹²¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 324, л. 1—5, оп. 2, д. 129, л. 137.

¹²² ЦГИА Гр.ССР, ф. 545, д. 3392, л. 4 об., 5 об., 7, 9 об., 1 об.

¹²³ ЦГИА Гр.ССР, ф. 545, д. 3392, л. 60 об.

Исходя из этих «рациональных» соображений, царские чиновники полагали, что надел в 4—5 десятин на душу населения Северо-Западного Кавказа будет вполне достаточным. После выселения огромного числа горцев в Турцию, когда большие земельные пространства обезлюдели, душевой надел был увеличен. У абазин он достигал 12 десятин на мужскую душу в кумских аулах и 14 десятин — в аулах Зеленчукского округа. В счет аульных наделов входили и лесные участки, и выгоны, и земля, на которой находился аул¹²⁴.

Таким образом, у абазин в пореформенный период, как и у других народов Северо-Западного Кавказа, существовали различные формы земельных владений: частная собственность отдельных лиц, фамильная (групповая) собственность и общинное владение.

Царизм был заинтересован в сохранении аульной общины в качестве основной формы общественной организации северокавказских народов, в сохранении общинного землевладения. Община для царизма представляла наиболее удобную форму административно-территориальной единицы, облегчала управление горцами, сбор налогов.

В пореформенное время произошли существенные изменения в системе землепользования внутри соседской общины. Общинам достались далеко не самые лучшие земли. Наиболее удобные и плодородные участки получили феодалы — господствующий класс. В одном из документов относительно земельного участка вблизи Бибердовского аула написано: «...А землю около 200 десятин, что выше земли ротмистра Бибердова по правую сторону балки Эльбургана, присоединить к Эльбурганскому участку и отдать обществу, так как в награду частному лицу земля эта негодная, на участке этом иногда родит трава, годная для покоса, но в большинстве случаев остается без растения». В другом месте отмечено, что Бибердовскому аулу «достались наполовину малогодные земли»¹²⁵.

По сведениям 1865 г., в общинное владение аулы князей Лоовых на Кубани и Малом Зеленчуке получили 5264 десятины, то есть почти столько же, сколько было пожаловано Магомет-Гирей Лоову. В общинном владении Дударуковского аула — 2658 десятин, Бибердовского аула — 2582 десятины, аула Клычева — 1722 десятины, аула Трамова — 490 десятин, аулов Сидова и Егибокова — 1426 десятин, Лоовско-Кумского аула — 6636 десятин¹²⁶.

Во второй половине XIX в. в результате уменьшения общинных земельных угодий начались переделы пахотных и сенокосных участков. Отныне землераспределительная функция стала важнейшей функцией соседской общины. Первая форма передела — распределение по «дымам», то есть отдельным домохозяйствам. Домохозяйства у абазин были далеко не одинаковыми: одно состояло из малой семьи в 5—12 человек, другое включало несколько брачных пар, входящих в большую семью, насчитывавшую до 60 и более человек. Земельные участки такие домохозяйства получали одинаковые. Сама система неравного

¹²⁴ ЦГИА Гр.ССР, ф. 545, д. 3216, л. 34 об.; ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 650, л. 58.

¹²⁵ ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 506, л. 87.

¹²⁶ ГАКК, ф. 774, оп. 2, д. 129, л. 27, 101.

распределения приводила к усилению тенденции раздела больших семей. Просуществовала она недолго, и уже в 80-х годах XIX в. царское правительство ввело в аулах подушные (мужские) переделы. При этой форме переделов неравномерность в распределении земли сохранилась, ибо семьи с малым числом мужчин получали меньше земли, хотя едоков у них могло быть столько же, сколько в семьях с большим числом мужчин.

Переделы пахотных земель проводили не ежегодно, а через 3, 6, 9 лет в разных аулах по-разному, но с тенденцией удлинения сроков переделов. Сенокосные участки, как правило, делили ежегодно. Распределением земель занимались выборные — наиболее старшие и уважаемые жители общины; обычно от каждого квартала выделяли 2—3 человека. Пахотные земли аулов по качеству состояли из двух участков — удобные земли (вблизи аулов) и неудобные (далеко от аулов). Земли на каждом из этих участков делили сначала на столько частей, сколько имелось кварталов в ауле, а затем уже землю распределяли между семьями одного квартала по жеребьевке.

Часть земель общины не подлежала распределению — это был общинный фонд, из которого прирезывали земли семьям, где появлялся новорожденный мальчик, сдавали земли в аренду жителям своего или чужого аула. С конца XIX в. часть общественного фонда сообща обрабатывали и засевали, а урожай собирали в общественный амбар. Если старшина назначал день пахоты общественного фонда, никто не мог отказаться — оставляли неотложные дела и выходили пахать¹²⁷.

Введение регулярных переделов пахотных и сенокосных участков не устранило расхищения общинных земель. Нередкое явление в общине — захват части чужих паев или свободной общинной земли. При жалобах общинников для проверки паев собирали специальную комиссию из старших жителей аула¹²⁸. Случалось, что земли общины самовольно занимали не принадлежавшие к ней лица. Урядник 4-й бригады Кубанского казачьего войска Морозов в 60-х годах XIX в. в течение нескольких лет распахивал, засеивал и собирал урожай с земель, принадлежавших абазинскому Дударуковскому и ногайскому Мансуровскому аулам. Камбулат Шоров из аула Хогондуковский к своим 3 десятинам присоединил еще 10,5 десятин земли¹²⁹. Пострадавшие общины лишь через суд заставили виновных вернуть им захваченные у них земли и уплатить штраф. Подобные самовольные действия происходили по отношению и к другим земельным угодьям общин. В 1868 г. казаки Баталпашинской и Беломечетской станиц неоднократно рубили лес, принадлежавший Дударуковскому аулу¹³⁰. Земельные споры, тяжбы между казачьими станицами и абазинскими аулами — явление нередкое в пореформенное время.

---

¹²⁷ Полевые материалы СКЭЭ МГУ, тетр. 4, с. 26, тетр. 5, с. 2, 26, 47.

¹²⁸ ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 5798, л. 10 об.

¹²⁹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, д. 267, л. 7, 8, 29; ф. 454, оп. 2, д. 5798, л. 6 об.

¹³⁰ ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 486, л. 3.

Особо следует остановиться на распределении пастбищных земель. До того, как они перешли к казне, пастбища у абазин считались общественными. Каждая соседская община эксплуатировала определенные пастбищные участки, стараясь сохранить их за собой и в пореформенные годы. Так, отдельные скотоводы из аулов Шахгиреевский и Кувинский, переселившись с гор, продолжали выпасать свой скот на прежних пастбищах — в верховьях Лабы¹³¹. После земельных преобразований 60-х годов XIX в. все летние пастбища Кубанской области (75 тысяч десятин) перешли в ведение казны. Большая часть абазинских аулов выпасала скот в пределах Баталпашинского лесничества, а жители Кувинского и Шахгиреевского аулов — в Загданском лесничестве.

До 1879 г. летними пастбищами распоряжалась местная администрация, взимающая за пользование ими по 10 коп. с головы крупного рогатого скота и по 5 коп. — с мелкого рогатого скота¹³². С 1879 г. летние пастбища начали сдавать в аренду с торгов на трехлетний срок. Арендаторами выступали и отдельные скотоводы, и целые общины, но главным образом зажиточные и знатные лица. По истечении 3 лет арендный договор возобновляли.

В 1888 г. арендная плата за пастбища была увеличена более чем вдвое¹³³. Положение с летними пастбищами к концу 80-х годов XIX в. настолько обострилось, что в 1889 г. царские чиновники вынуждены были признать: «Эксплуатация пастбищ находится в ненормальном состоянии, так как большая часть всех пастбищ Баталпашинского уезда захвачена несколькими богатыми горскими князьями, которые разрешают беднейшим жителям пасти на них скот, взимая за это с каждой штуки скота от 10 и более копеек, и наживают громадные барыши...»¹³⁴. В течение многих лет царская администрация рассматривала вопрос о летних пастбищах, и лишь в 1898 г. на Северном Кавказе был введен тот же порядок пользования ими, что и в Закавказье: отныне летние пастбища сдавали в аренду не отдельным лицам, а всей общине, летние пастбища не подлежали никакому отчуждению, а арендная плата взималась в соответствии с качеством отдельных участков¹³⁵.

Общинное надельное землепользование не спасало общину от разрушения. С одной стороны, политика царизма вела к насильственному сохранению общинной организации, а с другой, она, как и все социально-экономические процессы того времени, способствовала разрушению общины. Одним из факторов, усиливавших процесс распада общины, было развитие арендных отношений.

В пореформенное время практиковались разные виды аренды. Ши-

¹³¹ См.: Б ж а н и я Ц. Н. Указ. соч., с. 22.

¹³² ЦГВИА, ф. 1300, оп. 7, д. 46, л. 18, 22.

¹³³ ЦГВИА, ф. 1300, оп. 7, д. 46, л. 23 об.

¹³⁴ Там же, л. 24 об.

¹³⁵ Там же, л. 28.

рокое развитие получила аренда казенных земель. Забрав в казну бóльшую и лучшую часть земель, царизм лишил горцев достаточного количества земли для ведения традиционного хозяйства. Так, пастбищные земли между Урупом, Большим Зеленчуком и Кубанью до казачьих границ и Урупского округа стали государственными и с 1866 г. их ежегодно сдавали в аренду¹³⁶. Недаром абазины, карачаевцы и ногайцы не раз обращались к царской администрации с различными ходатайствами о разрешении земельного вопроса. «Мы не можем жить на земле без скотоводства,— говорилось, в частности, в «Прошении деревенских обществ Кубанского округа карачаевского, абазинского, ногайского и других народов» в 1864 г.,— а не можем пасти скот иначе как на просторной земле, переходя из одного места в другое осенью и весной. Мы теперь каждый год покупаем пахотные участки, сенокосные места и пастбища для скота у землевладельцев из нашего племени и из вас (русских.— Е. Д.) и по этой причине наше состояние уменьшается»¹³⁷.

Казенные земли (не только пастбища, сенокосы, но и пахотные участки) арендовали и общины в целом, и отдельные лица.

В 60-х годах XIX в. в течение нескольких лет абазинские аулы Кумско-Лоовский, Лоовско-Зеленчукский, Трамова, Джантемирова, Бибердова, не имея достаточного аульного надела, вынуждены были арендовать казенные земли. Кумские абазины, например, под пахоту арендовали земли Пятигорского гражданского округа, уплачивая ежегодно по 400 рублей¹³⁸. Аренда производилась каждый год, что вызывало большие неудобства и иногда приводило к недоразумениям. В 1866 г. абазины Лоовско-Кумского аула, внося вовремя нужную сумму и не дождавшись официального разрешения, приступили к пахоте, боясь упустить время сева. Царские чиновники потребовали от них уплатить штраф по 50 коп. за каждую запаханную десятину якобы за самовольную распашку и наложили арест на сбор урожая. Лишь после долгих письменных-бюрократических объяснений, разбирательств этот запрет был снят¹³⁹. Подобные «недоразумения» не были единичными.

Арендаторами казенных земель, главным образом пастбищ, наряду с общинами выступали и отдельные, как правило, наиболее зажиточные скотовладельцы Кубанской области. У них концентрировались земли. Например, в 1865 г. в абазинском участке более 7 тысяч десятин земли арендовали сотник Безладнов и прапорщик Кягов¹⁴⁰. В то же время некоторые абазинские аулы испытывали острую нужду в наделах.

Арендуя огромные участки земли, частные предприниматели сдавали их, в свою очередь, в аренду, получая большие доходы. В рапорте генерала Дукмасова за 1865 г. говорилось: «Многие частные лица арендуют казенные земли по установленной цене не для собственной надобности, а для прибывного торга ими, причем цены весьма сильно

¹³⁶ ГАКК, ф. 774, оп. 2, д. 147, л. 2.

¹³⁷ ЦГИА Гр.ССР, ф. 416, д. 311, л. 1 об.

¹³⁸ ГАКК, ф. 774, оп. 2, д. 116, л. 14 об.

¹³⁹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 332, л. 1—10.

¹⁴⁰ ГАКК, ф. 774, оп. 2, д. 115, л. 3.

ювышаются»¹⁴¹. Так, уздень Хогондуков нанял у хорунжего Павлова землю в горах по цене в 2 раза дороже цены казенных земель. Были и такие предприниматели, которые требовали в 2—5 раз больше, чем положено от казны. А братья Заурумовы из аула Старо-Кувинского, арендуя пастбища в верховьях Урупа и Лабы, сдавали небольшие участки жителям своего же аула, получая определенную плату за каждого выпасаемого быка, барана или лошадь¹⁴².

В пореформенное время субарендные отношения развивались весьма широко, чему немало способствовала политика царизма.

Нередко аулы горцев вынуждены были прибегать к аренде земель у казачьих станиц. Так, те же кумские абазины арендовали земли у казаков Суворовской и Бекешевской станиц¹⁴³. Аренда производилась ежегодно с торгов, и цены на арендованные земли неуклонно росли. А когда к концу XIX в. появились крупные скотовладельцы, хозяйство которых носило предпринимательский характер, когда появилась конкуренция, северокавказские горцы оказались в затруднительном положении. В конце 80-х годов XIX в. в «Прошении абазинских аулов Баталпашинского отдела» указывалось: «В настоящее время вследствие наплыва в Кубанскую область богатых овцеводов станичные общества сдают свои земли этим капиталистам в аренду, имеющим возможность предложить высокую арендную плату, недоступную для горцев»¹⁴⁴. Такое положение с землей отражалось на развитии хозяйства горцев и способствовало их имущественному расслоению.

Абазинские феодалы, крупные земельные собственники также сдавали в аренду свои земли, пожалованные им царским правительством. Не желая, а вернее всего, не умея организовать на этих землях хозяйство предпринимательского типа и не зная, как использовать предоставленные им огромные участки, они сдавали свои земли в аренду. Например, князя Лоовы из Лоовско-Зеленчукского аула сдавали землю карачаевцам и русским, Кумуковы из Бибердовского аула, имевшие 500 десятин, сдавали землю жителям своего же аула¹⁴⁵.

Внутри пореформенной абазинской общины земля концентрировалась у кулаков. После отмены крепостного права на Северном Кавказе бедняки вынуждены были сдавать свои наделы за половину, а чаще за треть урожая и продавать свою рабочую силу, нанимаясь к зажиточным крестьянам в пастухи, табунщики, или уходили на заработки в другие места. «Такое явление, как сдача крестьянами наделной земли,— указывал В. И. Ленин,— еще более наглядно показывает капиталистические отношения внутри общины, разорение бедноты и обогащение меньшинства на счет этой разоряющейся массы»¹⁴⁶. С другой стороны, и кулачество сдавало земли в аренду бедноте. Категории сдающих и берущих в аренду земли были весьма разнообразны.

Таким образом, в пореформенное время арендные отношения бук-

¹⁴¹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, л. 2.

¹⁴² См.: Динник Н. Указ. соч., с. 328.

¹⁴³ ГАКК, ф. 774, оп. 2, д. 116, л. 14 об.

¹⁴⁴ ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 768, л. 5 об.

¹⁴⁵ Полевые материалы СКЭЭ МГУ; ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 1595, л. 2.

¹⁴⁶ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 17, с. 90—91.

важно стали пронизывать абазинскую общину: это аренда казенных, казачьих и частнособственнических земель, аренда и сдача в аренду свободных общинных земель и паевых наделов, субаренда. Однако продолжала существовать и докапиталистическая форма аренды земли, присущая феодальному способу производства. Такой характер носила, например, сдача земли в аренду князьями — крупными земельными собственниками. Бытовала у абазин и издольщина — переходная форма от феодальной к капиталистической аренде земли, аренда из нужды. Аренда стала носить предпринимательский характер, когда землю арендовали кулаки и с помощью наемного труда извлекали на этих участках прибыль.

СИСТЕМА ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА В ОБЩИНЕ

Основной производственной ячейкой общины в XIX в. была семья. Соседская община представляла собой союз отдельных производственных единиц — семей, которые, однако, нуждались друг в друге при организации трудовой деятельности. Традиционный хозяйственный уклад абазин требовал кооперации общинников во многих процессах их трудовой деятельности.

В XIX в. в абазинской соседской общине сосуществовали различные формы производственных объединений. Трудовые сообщества возникали, как правило, в соседской общине, хотя организовывались и производственные сообщества между членами разных общин. По своему характеру, функциям и составу эти традиционные трудовые объединения абазин отличались многообразием.

Организация работ в скотоводческом хозяйстве

Для скотоводческого хозяйства абазин характерно было объединение нескольких семей (от 2 до 10) для совместного выпаса скота. К сожалению, не удалось установить твердо зафиксированных народной памятью исторических названий подобных сообществ. Чаще информаторы называли такое трудовое объединение «гварта» (буквально «отара»). По сведениям Ц. Н. Бжания, работавшего главным образом в шарковских селениях, пастушеское объединение для овец у них называлось «агуп», как и у абхазов¹⁴⁷. Но дело в том, что терминами «гуп», «агуп» у абазин называют любую группу людей (несколько человек, собравшихся вместе, уже образуют гуп, агуп).

Пастушеские объединения могли быть сезонными, то есть создавались на один сезон (летний или зимний), могли быть и более постоянными, действующими в течение нескольких лет. Удельный вес скотоводческих объединений в хозяйстве абазин не был одинаковым в разные исторические периоды. Во второй половине XIX в. наблюдается некоторое увеличение их, что было связано с процессом дробления

---

¹⁴⁷ См.: Б ж а н и я Ц. Н. Указ. соч., с. 77.

больших семей на малые и с изменениями в традиционном хозяйстве абазинских общин. Например, после переселения горных абазин в предгорные районы, когда горцев удалили от их пастбищ (аулы Кувинский, Шахгиреевский), организация пастушеских объединений стала необходимостью для них. Трудовая кооперация облегчала ведение скотоводческого хозяйства в новых условиях, и в связи с этим значение пастушеских объединений в хозяйстве кувинцев и шахгиреевцев еще более повысилось.

Полевые материалы позволяют выделить различные формы скотоводческих объединений в абазинской общине: чисто родственные и соседские, смешанные, в которые наряду с родственными семьями входили уже и неродственные, а иногда только лишь соседи. Ц. Н. Бжания неправ, когда пишет, что у абазин не было скотоводческих объединений, созданных по территориально-родственному признаку¹⁴⁸. Еще во второй половине XIX в. в абазинских общинах наряду с соседскими объединениями продолжали существовать и чисто родственные, составленные из ближайших родственников (чаще нескольких братьев или отца с отделившимися сыновьями). Так, Яхья Темиров из Клычевского аула выпасал овец вместе с 4 братьями. После смерти отца Темира братья разделились, но овец долгое время они выпасали совместно; 7 братьев Баловых из того же аула также объединялись для выпаса скота. Абдурахман Нипа из Кувинского аула объединялся с двоюродным братом и соседом¹⁴⁹ и т. д. В одних случаях эти сообщества могли быть приблизительно равными по имущественному состоянию семей, в других — неравными.

Пастушеские объединения, созданные из равных по имущественному положению семей, имели характер товарищеской (родственной или соседской) взаимопомощи. Агуп такого типа был основан на равных началах: все его члены имели одинаковые права и обязанности. В таком сообществе обычно обходились своими силами и редко прибегали к найму пастухов. Каждая семья, входившая в объединение, выделяла установленное число пастухов, ухаживавших за скотом. Все работы члены сообщества производили совместно (постройку общего коша, приготовление пищи, заготовку сена и пр.)¹⁵⁰. Во второй половине XIX в. при аренде пастбищ у казны или частных лиц плату распределяли между членами пастушеского объединения, в зависимости от числа голов выпасаемого скота. Руководителем и распорядителем агуп выбирали наиболее опытного и уважаемого пастуха (уасахча ахІба — старший чабан, льягІважв — старший группы; сравните с кабардинским — лягупеж, унашвачпагІв — руководитель, распорядитель). Подобные пастушеские объединения иногда были довольно постоянными и функционировали в течение многих лет.

Такого же типа скотоводческие товарищества существовали у многих кавказских народов: у абхазов — агуп, у кабардинцев — лягуп, у карачаевцев — мал-негерлик и кош-негерлик, у мингрелов — лануа:

¹⁴⁸ См.: Б ж а н и я Ц. Н. Указ. соч., с. 90.

¹⁴⁹ Полевые материалы СКЭЭ МГУ, тетр. 3, с. 49, 55, тетр. 9, с. 24.

¹⁵⁰ Полевые материалы СКЭЭ МГУ, тетр. 5, с. 21, 33, 36 и др.

и т. д.¹⁵¹. Производственные объединения, основанные на товарищеской взаимопомощи, облегчали аренду и эксплуатацию пастбищ, организацию перегонов скота на сезонные пастбища, заготовку сена и пр.

Родственные объединения, безусловно, более ранняя форма взаимопомощи. Смешанные, соседские объединения, которые создавались уже по территориальному признаку,— основная и характерная для соседской общины форма организации труда в скотоводческом хозяйстве. С ростом частной собственности на землю, концентрацией ее в руках отдельных лиц, с усилением расслоения крестьянства все большее распространение приобретали пастушеские объединения нескольких семей вокруг богатого скотовладельца. Ни о каком равенстве в таком сообществе не могло быть и речи. Богатый (байа)— глава агу-па — диктовал свою волю и сам подбирал себе сотоварищей. Основу подобных объединений составляла экономическая зависимость рядовых членов от его главы. Не имея часто возможности самостоятельно арендовать пастбище, бедные семьи вынуждены были объединяться с богачом, работать на него, чтобы иметь возможность пасти свой скот на его землях. Организатор агу-па наряду с наемным трудом эксплуатировал и труд своих «сотоварищей». Например, семья Копсергеновых из Лоовско-Зеленчукского аула в 90-х годах XIX в., не имея пастбища, присоединялась на зиму к черкесу Шавхужеву из аула Жако. За право выпасать свой скот на землях, арендованных Шавхужевым у казны, Копсергенов должен был пасти его овец¹⁵².

В таком производственном объединении богач (байа) эксплуатировал бедняков. Сохранив прежнюю форму, подобные пастушеские объединения изменили свою сущность: из института родственной и соседской взаимопомощи они превратились в институт эксплуатации кулаками своих обедневших родственников и соседей. Появление трудовых сообществ подобного типа — явление нового порядка, вызванное проникновением товарно-денежных отношений в хозяйство абазин и дальнейшей имущественной дифференциацией абазинского крестьянства.

Традиции трудового коллективизма долго сохранялись при организации сенокосных работ. Во время сенокоса создавались временные объединения косарей из 12—15 человек — гуп. Косари вместе работали, жили, сообща питались; в пореформенные годы они часто занимались сезонным отходничеством — нанимались косить сено к зажиточным (своим или казакам) за плату.

Ортак

В скотоводческом хозяйстве абазин и в дореформенный и в пореформенный периоды бытовали своеобразные ортачные отношения. Ортак, уартак (у народов Средней Азии — сауи) — отдача скота на выпас другому лицу — известен многим скотоводческим народам¹⁵³.

¹⁵¹ См.: Б ж а н и я Ц. Н. Указ. соч., с. 89; Невская В. П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в. ..., с. 40; Пожидаев В. П. Указ. соч., с. 27, 28.

¹⁵² Полевые материалы СКЭЭ МГУ, тетр. 7, с. 48.

¹⁵³ У ингушей ортачные отношения известны под названием «фоат» (см.: Хри-гианович В. Горная Ингушия. Ростов-на-Дону, 1928, с. 91). У абхазов близкой

Этот обычай привлекает пристальное внимание исследователей. Кажется, все сходятся в мнении, что ортачные (саунные) отношения возникают на ранних стадиях общественного развития. Эволюция их определяется процессами классового образования. С. П. Толстов, Е. Н. Студенецкая и другие исследователи считают, что ортак (саун) сложился на основе родовой взаимопомощи. А. И. Першиц предполагает, что наиболее ранняя форма сауна — безвозмездная раздача скота — связана с группой обычаев реципрокации (массовая раздача скота, дарообмен, перераспределение богатств и др.), распространенных в эпоху классового образования. Причем уже эта безвозмездная форма сауна, замечает ученый, создавала условия для возникновения личной зависимости между отдающим и получающим скот¹⁵⁴.

В формировавшихся классовых обществах саунные отношения превращаются в своеобразную форму эксплуатации. Определяя их сущность, С. П. Толстов утверждал, что саун у скотоводческих народов «есть зерно, откуда вырастает вся система феодальных отношений». Е. Н. Студенецкая и С. Толыбеков также характеризовали ортачные (саунные) отношения как феодальные¹⁵⁵. Против этой точки зрения высказались Л. П. Потапов и Ю. И. Семенов, справедливо обращая внимание на существование обычая сауна (ортака) не только при феодализме, но и при других способах производства. Л. П. Потапов и Ю. И. Семенов определяют саунные (ортачные) отношения как кабальную форму эксплуатации¹⁵⁶.

А. И. Першиц в специальной статье на основании анализа обширного материала высказывает предположение о бытовании в скотоводческих обществах разных (по крайней мере четырех) видов сауна. Кабальный саун, как и наиболее ранний безвозмездный саун, по его мнению, служил средством «формирования и поддержания феодальных отношений»¹⁵⁷.

У абазин в дореформенное время к практике ортака широко прибегали феодалы, раздавая свой скот на выпас крепостным крестьянкам-лыгам. Ортачные отношения служили для феодалов своеобразной формой эксплуатации лично несвободного населения. Этот вид ортака мож-

---

формой к ортаку является «ачнырра» (Б ж а н и я Ц. Н. Указ. соч., с. 91—93), у кабардинцев — «ныхъ — узхъ» (Студенецкая Е. Н. Ортак — одна из форм эксплуатации в Карачае и Балкарии (конец XIX — начало XX в.). — ТКБГПИ. Нальчик, 1958, вып. 1, с. 83—84), у народов Средней Азии — «саунные» отношения (Толстов С. П. К вопросу о генезисе феодализма у кочевых скотоводческих обществ. — В кн.: Проблемы генезиса и развития феодальных обществ. Л., 1934); и др.

¹⁵⁴ См.: Першиц А. И. К вопросу о саунных отношениях. — в кн.: Основные проблемы африканистики. Этнография, история, филология. К 70-летию чл.-корр. АН СССР Д. А. Ольдерогге. М., 1973, с. 105, 106.

¹⁵⁵ Толстов С. П. Указ. соч., с. 187; Студенецкая Е. Н. Указ. соч., с. 221; Толыбеков С. Вопросы экономики и организации скотоводческого хозяйства казахов в конце XIX и начале XX веков. — Труды Института экономики АН Казахской ССР, т. 2. Алма-Ата, 1957, с. 38, 79.

¹⁵⁶ См.: Потапов Л. П. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. — ВИ, 1954, № 6, с. 85; Семенов Ю. И. Об одной из ранних нерабовладельческих форм эксплуатации. — В кн.: Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968, с. 271 и далее.

¹⁵⁷ См.: Першиц А. И. Указ. соч., с. 109.

но характеризовать как принудительный. «Владельческий скот,— говорилось в «Своде сведений о зависимых сословиях в Кубанской области»,— крестьянин обязан пасти беспрекословно, получая за это время пищу и шерсть на одежду, а если он пасет табун лошадей, то получает во временное пользование одного жеребенка в год». Из всего скота, получаемого льготой от своего владельца на выпас, он мог зарезать для себя в год одну голову крупного рогатого скота или несколько штук мелкого рогатого скота, но «с таким расчетом, чтобы зарез скотины не приносил ущерба хозяйству»¹⁵⁸.

Феодал раздавал крестьянам не только скот, но, например, и пчел. Крестьяне, которые присматривали за пчелами владельца, получали за это весь воск, а также пропитание¹⁵⁹. Орточными отношениями в данном случае были связаны антагонистические классы — феодалы и крепостные крестьяне.

В дореформенной общине абазин крестьяне-общинники также прибегали к ортаку при организации работ в скотоводческом хозяйстве. Но у нас мало конкретного материала, характеризующего орточные отношения между крестьянами в этот период. Гораздо полнее сведения о пореформенном времени, когда практика отдачи скота на выпас другому лицу не только сохранялась, но и приобрела широкое распространение. Категории сдающих и принимающих скот в аренду были весьма разнообразными.

Сдавая или принимая скот в аренду, разные социальные группы общины, как хорошо показала Е. Н. Студенецкая на карачаевских материалах¹⁶⁰, преследовали неодинаковые экономические интересы. Если бедняк или середняк часто отдавал свой немногочисленный скот на ортак из нужды, не имея пастбищ или в достаточной степени рабочих рук в семье, то княжеские фамилии, лишённые после реформы крепостных крестьян, и кулаки прибегали к системе «ортак» для эксплуатации чужого труда и получения прибылей.

Точно так же различались интересы принимавших скот в аренду. Кулак получал возможность закабалить зависимых теперь от него бедняков и, кроме того, расширить свое хозяйство. Бедняк же, принимавший скот на ортак, часто не имея собственного скота, надеялся сколотить свое хозяйство, но это редко удавалось. Джанибеков из аула Лоовско-Кубанского в течение 5 лет пас отару кулака и по истечении срока получил от него 60 овец¹⁶¹. Полевые материалы свидетельствуют, что во второй половине XIX в. чаще в качестве арендатора скота у абазин выступал байа.

В пореформенный период у абазин существовали разные виды ортака. Как и карачаевцы, абазины практиковали «прибавочный» ортак и «ортак без прибавки» (терминология Е. Н. Студенецкой). В первом случае принимавший скот имел и свой собственный скот. Скотовладелец отдавал на выпас своих овец на 3—5 лет. По окончании этого срока

¹⁵⁸ ЦГИА Гр.ССР, ф. 545, д. 86, л. 125, 135.

¹⁵⁹ Там же, л. 131.

¹⁶⁰ См.: Студенецкая Е. Н. Указ. соч.

¹⁶¹ Полевые материалы СКЭЭ МГУ, тетр. 7, с. 50.

пасущий возвращал хозяину его отару, а весь приплод делился между хозяином и пастухом по договоренности: либо пополам, либо пасущему в качестве платы доставалась $\frac{1}{3}$ приплода. Существовали и варианты этого вида ортака; в Лоовско-Зеленчукском ауле практиковалась иногда ежегодная отдача определенной договором части приплода хозяину и пасущему, а не по окончании установленного срока.

Ко второму виду ортака («ортак без прибавки») прибегали главным образом бедняки, не имевшие своего скота. У абазин эта форма ортака называется «чырынра»; она близка к абхазскому «ачнырра» и мингрельскому «чинори»¹⁶². Пастух принимал отару на 5 лет, и ему доставался каждый третий (или второй) ягненок¹⁶³.

Разновидностью ортачных отношений можно считать худзь (хIвыдз) — практику отдачи скота на выпас на короткий срок (на сезон). Эти отношения абазинская община широко применяла в пореформенные годы. Так, Хамид Кужев из Кувинского аула принимал на выпас овец трех хозяев, присоединял их к своим, создавая отару до 300 голов, и пас их в течение 3 месяцев. Плату он получал натурой: с 50 голов одного барана в месяц. При организации худзь предпочтение отдавалось родственникам, причем иногда при выпасе овец с родственника не брали платы. Тот же Хамид Кужев безвозмездно выпасал овец двоюродного брата¹⁶⁴. К концу XIX в. все шире распространяется плата деньгами пасущему на условиях худзь, хотя натуральная оплата еще сохранялась и эту форму ортака зажиточные общинники использовали для эксплуатации бедняков.

Наем пастухов

Наряду с организацией производственных объединений и применением ортака в некоторых аулах абазин долго сохранялась практика создания на летний период общеквартильных гуртов с наймом общественных пастухов. Так, в ауле Лоовско-Зеленчукском каждое лето организовывали 4 гурта (обычно по кварталам). Квартал нанимал на лето чабанов (уасахча), а оплату пастухам раскладывали между семьями квартала в зависимости от числа голов выпасаемого каждой семьей скота. Если вспомнить, что каждый квартал, как правило, до 60-х годов XIX в. представлял собой самостоятельную сельскую общину или патронимическое поселение — часть общины, то можно предположить, что в первой половине XIX в., вплоть до реформы, в абазинских общинах удерживалась традиция коллективного выпаса мелкого рогатого скота в летний период. О подобной же практике у абхазов и армян сообщают Ц. Н. Бжания и Ю. И. Мкртумян¹⁶⁵.

Обычно в ауле создавали общественное стадо для крупного рогатого скота (в пореформенное время опять-таки поквартально). Крупный рогатый скот не угоняли далеко от селений. Общественного пасту-

¹⁶² См.: Бжания Ц. Н. Указ. соч., с. 91 (в примечаниях).

¹⁶³ Полевые материалы СКЭЭ МГУ, 1970/71 г., тетр. 6, с. 5 об.

¹⁶⁴ Там же, тетр. 9, с. 15—15 об.

¹⁶⁵ См.: Бжания Ц. Н. Указ. соч.; Мкртумян Ю. И. Формы скотоводства в Восточной Армении. — В кн.: Армянская этнография и фольклор. Материалы и исследования, т. 6. Ереван, 1974, с. 79—80.

ха (ачвхча — тапантинский; атшхча — шкаровский) нанимали на год, расплачивались с ним натурой, обычно зерном, а в конце XIX в. и деньгами. В Кувинском ауле общественный пастух получал за год от каждой семьи 1 меру зерна и имел право в течение лета каждую корову доить 3 дня для себя, а позже получал за год от семьи 1 рубль и 20 кг зерна¹⁶⁶.

Таким образом, в сельской общине абазин и в пореформенное время сохранялись традиционные коллективные формы ведения скотоводческого хозяйства. Однако к коллективному найму пастуха прибегали, как правило, середняцкие и бедняцкие хозяйства. Богатые скотовладельцы предпочитали индивидуальный наем пастухов на несколько лет или на сезон.

Кабальные формы найма существовали и в предреформенной абазинской общине — ведь это была сословно-классовая община. Но наибольшее распространение наемный труд приобрел именно в пореформенное время при интенсивном имущественном расслоении общинников. Основной контингент наемных пастухов составляли бывшие зависимые сословия.

Оплату индивидуальным пастухам, как и общественным, производили чаще натурой (уасахча-чабан получал 1—2 баранов в месяц). Длительное сохранение натуральной оплаты свидетельствует о недостаточной еще развитости капиталистических отношений в общине. Только табунщикам платили деньгами. Например, Лиев из Лоовско-Зеленчукского аула имел табун в 500 лошадей, для которого нанимал 5—6 табунщиков (тшыхчагIв). Каждому из них он платил в месяц 5 рублей; кроме того, кормил их, давал по шубе (хъамы), бурке (уаIа) и обувь. В Кувинском ауле (в конце XIX в.) табунщик получал 20 коп. за 1 лошадь в месяц и необходимую для него одежду и пищу¹⁶⁷. Кулачество прибегало к найму работников-батраков и во время сенокоса, стрижки овец и других сезонных работ в страдную пору.

Однако, сравнивая применение различных форм эксплуатации в пореформенной абазинской общине, следует отметить, что кулачество применяло индивидуальный наем значительно меньше, нежели традиционные общинные формы организации труда — скотоводческие товарищества, ортак, обычай взаимопомощи (чIхIахв). Использование наемного труда кулаками и дальнейшее его распространение внутри общины указывают на проникновение капиталистических отношений в абазинские аулы.

Организация работ в земледельческом хозяйстве

В земледельческом хозяйстве абазин, так же как и в скотоводческом, организация объединений нескольких семей для совместного труда была обычным явлением. Правда, в некоторых общинах еще и в 60-е годы XIX в. сохранялась коллективная пахота. Абазинский писатель

¹⁶⁶ Полевые материалы СКЭЭ МГУ, тетр. 2, с. 17, тетр. 9, с. 25 и т. д.

¹⁶⁷ Полевые материалы СКЭЭ МГУ, тетр. 9, с. 25 об.

Т. З. Табулов в 1945 г. со слов 108-летнего жителя аула Псыж (бывшего Дударуковского аула) Малхозова записал, как происходила коллективная пахота в его ауле. Ежегодно весной на пахоту выезжали все пахари аула, среди них выбирали старшего, руководителя — кIватанахIх (буквально «плужный князь»). Сам Тира Малхозов был кIватанахIх 13 плугарей. Старший распоряжался всеми работами во время пахоты, и все беспрекословно подчинялись ему. По его сигналу — поднятый над крышей балагана белый флаг — все начинали работу и по его же сигналу — опущенный флаг — заканчивали ее. Во время пахоты пахари вместе жили и сообща питались. Рабочий и молочный скот, необходимый для питания пахарей, объединяли и назначали общественного пастуха — ачвхча. По окончании пахоты пахари одновременно выезжали с поля домой¹⁶⁸.

Такие же коллективные земледельческие работы происходили в отдельных адыгейских аулах: сначала определяли количество земли под пахоту для всего аула, затем сообща ее распахивали, по жребию делили распаханную землю в соответствии с числом работников и волов от каждой семьи¹⁶⁹.

Основной формой трудового земледельческого объединения в 30—90-е годы XIX в. в абазинской общине была супряга — объединение из 3—5 семей для совместной пахоты. Абазинская супряга имела несколько названий — адгыл-ра, тшадкIылра (объединиться), ацчвагIвара (пахать вместе). Наряду с абазинскими терминами применялось и черкесское название «дзей», как правило, в тех аулах, где совместно с абазинами проживали и адыгские народы (аулы Псаучье-Дахе, Абзакт и др.).

Товарищества для совместной пахоты существовали в прошлом у большинства народов мира. У осетин подобное объединение — цадис, у карачаевцев — сабан-негерле, у грузин — модгами, мондави, у адыгских народов — дзей¹⁷⁰ и т. д. Известно, что товарищества по совместной пахоте — одна из традиционных форм организации труда в общине. Супряга имеет свою историю возникновения и развития, но в конечном итоге она превращается в своеобразную форму внутриобщинной эксплуатации бедняков богачами.

Наиболее ранний этап абазинской супряги — объединение нескольких родственных (а позже и неродственных) семей на равных условиях. Далекое не каждая семья имела необходимые для пахоты орудия труда и рабочий скот (обычно в плуг впрягали до 6—8 быков). При создании супряги этого типа объединялись не только работники, но и орудия труда, рабочий скот; поочередно вспахивали поля участников объединения. Сев и уборку урожая производили посемейно.

¹⁶⁸ См.: Табулов Т. З. Об абазинских диалектах. — ТКЧНИИ, вып. 2. Ставрополь, 1954, с. 71—72.

¹⁶⁹ См.: Покровский М. В. Указ. соч., с. 115.

¹⁷⁰ См.: Ванеев З. Н. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в Юго-Осетии в XIX в. Сталинири, 1956, с. 39 и далее; Шаманов И. М. Земледелие и земледельческий быт карачаевцев. — В кн.: Из истории сельского хозяйства Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1971, с. 68; Кантария М. К вопросу о некоторых трудовых объединениях, связанных со вспашкой, в Кабарде. — Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии, вып. 8. Нальчик, 1959.

На ранних ступенях существования адгыл-ра, когда это было действительно сообщество для взаимной помощи, члены супряги могли иметь и неравные средства производства, получая, однако, равные выгоды от участия в адгыл-ра. Позже поля членов супряги обрабатывали в зависимости от внесенного пая. И естественно, что тот, кто имел больше средств производства (рабочий скот, плуг, работников), получал и бóльшие выгоды: ему вспахивали бóльшую площадь.

Во второй половине XIX в. земледельческий абазинский адгыл-ра, как и пастушеские объединения, превратился в своеобразную форму эксплуатации кулачеством беднейшего крестьянства. Бедняки, объединяясь вокруг владельца плуга и рабочего скота, безвозмездно вспахивали поле руководителя супряги (как правило, хозяин плуга возглавлял такое объединение) и выполняли для него и другие работы за право вспахать свое поле его орудиями труда. В XIX в. в абазинской соседской общине сосуществовали все три типа супряги, но наибольшее распространение все же получали объединения бедняков вокруг кулака.

Как и в скотоводческом, в земледельческом хозяйстве абазин в пореформенное время все шире стал использоваться наемный труд. Князья (аха), дворяне (агмиста) и кулачество (байа) нанимали крестьян для уборки урожая, на время пахоты, сенокоса и пр. Но как и в скотоводстве, применение наемного труда в земледелии только начиналось, и гораздо шире класс эксплуататоров использовал традиционные формы организации производственной деятельности — супряги (адгыл-ра, тшадкыла, ацвагIвара, дзей).

Традиции трудового коллективизма и взаимопомощи проявлялись в сохранении в абазинской общине XIX в. принудительных сроков сельскохозяйственных работ. Когда наступало время пахоты — чвагъван, все одновременно ее начинали и одновременно заканчивали. Если кто-либо не успевал к сроку закончить пахоту и сев, ему непременно помогали остальные пахари. Одновременно общинники приступали к уборке урожая — проса, кукурузы, пшеницы. Время уборки урожая у абазин называется «гIацIачахра» (время сбора урожая отдельных культур: кукурузы — нарты хвгIашIыхын, пшеницы — гвадзыхын). Несоблюдавших сроки земледельческих работ подвергали штрафу. Община нанимала для своих полей общественных объездчиков — мыхыча (шIахъахча). Они не только охраняли поля, но и следили за выполнением правил. Только после того как на общем сходе общинников (айззара) принимали решение о начале уборки урожая, общинники могли приступать к уборке.

Принудительные сроки сельскохозяйственных работ существовали в общинах многих народов. Например, в Дагестане жители одновременно, в установленные общиной сроки начинали сенокошение, приступали к жатве, сбору винограда¹⁷¹. Эти интересные обычаи (непрерывная взаимопомощь во время пахоты, одновременное начало и окончание сельскохозяйственных работ) — одно из свидетельств некогда

---

¹⁷¹ См.: Хашаев Х. М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961, с. 227.

существовавших в абазинской общине обязательных коллективных производственных процессов.

Во второй половине XIX в. царские чиновники ввели в абазинской общине, как и в других общинах горцев, практику создания общественных амбаров на случай неурожая. Это нововведение было заимствовано у русских казачьих общин. Неверно утверждение Э. Л. Коджесау, будто бы запашка общественного земельного участка, урожай с которого ссыпался в общественный амбар, устройство таких амбаров — «отголосок родовых пережитков»¹⁷². Горцы не знали такой практики. Они засевали обычно лишь столько проса, сколько необходимо было для семьи. Нуждающейся семье обязательную помощь оказывала в первую очередь семейно-родственная группа — тухум. Да и само название общественных амбаров — «гамазей» (от русского «магазин») говорит о его позднем происхождении. Организацию общественных амбаров в аулах царская администрация осуществляла даже принудительно. Первоначально предполагалось, что каждая семья будет ссыпать в амбар определенную часть урожая. Но в 1868 г. начальник Эльборусского округа Н. Г. Петрусевиц сообщал, что абазины Хумаринского аула не собирают хлеба в «запасной магазин»¹⁷³. Газета «Кубанские ведомости» отмечала, что в абазинских аулах в первые годы существования амбаров нередко были случаи, когда из-за несогласий между общинниками собранный в амбар хлеб развозили по домам. Лишь в 90-х годах XIX в. в абазинских общинах практика организации общественных амбаров стала постоянной. С этого времени по инициативе Дударуковского аула стали производить запашку общественного участка, урожай с которого шел в общественный амбар. Так, в 1890 г. жители Дударуковского аула для этой цели запахали 10 десятин общественной земли¹⁷⁴.

Таким образом, в соседской общине абазин сочетались различные формы трудовой деятельности: наряду с коллективными формами ведения хозяйства, с использованием старых традиционных форм стали применяться и совершенно новые виды организации труда, например индивидуальный наем с денежной оплатой, присущий капиталистическому способу производства.

Низшей самостоятельной производственной ячейкой общины выступала отдельная семья. Однако под воздействием конкретных социально-экономических условий пореформенного времени стали создаваться различные трудовые сообщества из нескольких семей. Эти традиционные трудовые коллективы постепенно менялись, приспособлялись к новым условиям, превращались в своеобразные формы эксплуатации.

---

¹⁷² Коджесау Э. Л. К вопросу о сельской общине у адыгов в XIX в. — начале XX в. — УЗ АНИИ, т. 11, с. 273.

¹⁷³ ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 124, л. 150.

¹⁷⁴ Кубанские ведомости, 1890, № 26.

ГЛАВА III
**СТРУКТУРА СОСЕДСКОЙ
ОБЩИНЫ АБАЗИН**

Соседская сельская община, будучи основной единицей общественно-политической организации абазинского народа, сама состояла из определенных социальных и общественных групп, которые, как и община в целом, прошли долгий путь исторического развития.

РАЗМЕРЫ И СОСТАВ ОБЩИНЫ

Община абазин имела несколько названий: кыт, квей, джамаат (джьамагIат). Слово «кыт» или стянутое «кт» входило составной частью в наименование абазинского аула — Бибаркт, Гвымлокт, Кубинлокт и т. д. У многих народов Кавказа название общины одновременно служило и для обозначения селения. Так, адыгское куадж, карачаевское и азербайджанское эль, абхазское акыта, осетинское кау употреблялись для обозначения аула и сельской общины¹.

Термин «квей» в качестве синонима соседской общины абазин в XIX в. применялся гораздо реже, чем кыт. По свидетельству информаторов, квей первоначально представлял собой хуторское поселение из трех и более домохозяйств, принадлежавших к одной фамилии; это было патронимическое поселение. Позже такой хутор состоял не обязательно из родственных домохозяйств, в него входили и домохозяйства неродственных фамилий. В таком случае квей выступал уже как соседское объединение. Сельская община абазин могла состоять из нескольких хуторов — квей, и тогда квей становился составной частью соседской общины — кыт.

В XIX в. чаще для обозначения сельской общины абазин применяли арабское слово «джамаат» (общество, группа людей), которое стало распространяться здесь с появлением ислама. Широкое приме-

---

¹ См.: Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1967, с. 285; Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми, 1965, с. 395; Невская В. П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в. (дореформенный период). Черкесск, 1960, с. 137; Раджабов Г. А. Пережитки сельско-общинного быта в дореволюционном Азербайджане. Автореф. канд. дисс. Баку, 1966, с. 26; Ванеев З. Н. Из истории родового быта Юго-Осетии. Тбилиси, 1955, с. 97.

нение этого термина было характерным для многих народов, исповедовавших ислам.

Община по своему составу может быть простой, состоящей из одного аула, селения, и сложно-составной, состоящей из двух и более аулов, селений. В литературе XIX в. и в исследованиях советских ученых имеются описания сложно-составных соседских общин. Адыгские общины (псухо) включали 4—10 аулов с населением до нескольких тысяч человек². Исследователь азербайджанской общины Г. А. Раджабов описал Зардобский джамаат, состоявший из 18 селений³. О германской соседской общине-марке Ф. Энгельс писал: «Мы находим повсюду в Германии большее или меньшее число сел, соединенных в одну общину-марку... как правило, марка включает от 6 до 12 сел»⁴.

У абазин преобладала простая одноаульная община, хотя соседские общины из двух и более аулов также встречались. Например, 3 аула князей Лоовых (Ногая, Эдыка и Саралыпа) на Учкурке составляли в 40-х годах XIX в. одну общину. Община Барока Лахова состояла из Нижнего и Верхнего аулов по р. Гупс⁵. Возможно, до 50—60-х годов XIX в. (до массовых переселений абазин) таких сложных общин было больше, но сведений о них почти не сохранилось. Особенности условий быта и расселения абазинского народа определили основную форму их общины — община-аул, простая община.

Хотя сведения об абазинских поселениях отрывочны и часто поверхностны, все же они дают представление о внешнем виде аула. Особенности рельефа местности во многом определяли местоположение аула и характер поселения. До 60-х годов XIX в. формы абазинских поселений не были одинаковыми. В горных районах, преимущественно у шкаровцев, преобладали поселения хуторского типа, характерные и для горных адыгов, и для абхазов. Небольшие, труднодоступные аулы, состоявшие из хуторов (квей), располагались около или вдоль горных рек, часто с крутыми и обрывистыми берегами. О шахгиреевцах Ф. Торнау писал: «Несколько сот бедных мазанок, составлявших аул, были разбросаны на довольно большом расстоянии вдоль высокого и крутого берега Малой Лабы, прислонясь тылом к дремучему лесу, доставлявшему жителям верное убежище в случае нападения»⁶. Для селений тапантинцев характерна была скученная планировка. И эти аулы всегда располагались вдоль рек и речушек. Наличие водных ресурсов и леса определяли места расположения аулов.

Название реки, на которой находился аул, иногда входило в его наименование. Гвымлокт, Кубинлокт, Инджиклокт — эти аулы принадлежали князьям Лоовым, но один из них находился на Куме (Гвым), другой — на Кубани, а третий — на Малом Зеленчуке (Йынджыг). Ш. Д. Инал-Ипа утверждает, что «названия ряда абазинских селений

² Народы Кавказа, т. 1. М., 1960, с. 210.

³ См.: Раджабов Г. А. Указ. соч., с. 43.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 330, 331.

⁵ ЦГВИА, ф. 13 454, оп. 2, д. 284; ф. 14 257, оп. 3, д. 418, л. 5 об.

⁶ Торнау Ф. Воспоминания кавказского офицера. — РВ, 1864, вып. 10, с. 445.

в бассейне Кубани и Кумы отражают родовой характер поселений»⁷. Это утверждение представляется неправильным. Названия Бибаркт, Клычкт, Гвымлокт и другие в XIX в. означали, что данные селения принадлежали княжеским фамилиям Лоовых, Бибердовых, Клычевых и т. д. Абазинский аул — кыт, являвшийся, как правило, соседской общиной, состоял из семей (больших и малых), принадлежавших в прошлом к разным родовым группам, а понятия «лоовцы», «дударуковцы», «бибердовцы», «клычевцы» и т. д. обозначали в это время не родо-племенные, а локальные подразделения, в которых в течение длительного времени смешивались различные кровно-родственные объединения.

Обычно аул огораживали высоким и крепким плетневым забором (высотой до 2 м). В одном из донесений отряда, действовавшего в 1855 г. в землях кизилбековцев по р. Андрюк, есть описание аула Мистеркой, впоследствии сожженного царскими войсками. «...Аул Мистеркой лежит в вершинах Самприста, в местности, окруженной лесом, перерезанной оврагами, и весьма сильно укреплен плетнями и завалами»⁸. Огораживали свои аулы и шкаровцы и тапантинцы. Когда 3 брата Лоовых в начале 40-х годов XIX в. выселились с Кумы на Кубань, они просили у царской администрации разрешения «иметь огорожу и караул на пространстве их поселения по берегу Кубани»⁹. Огорожено было и селение Ходжи Атажукко Абукова¹⁰. В плетневом заборе устраивали ворота и бойницы. Необходимость огораживать и укреплять селения вызывалась условиями тревожного времени. Такой аул-крепость служил надежным укрытием в случае нападения врага. Огораживали свои аулы и адыгские народы, и абхазы.

Внутри такого поселения дома абазин — тыдзы — располагались разбросанно и без определенного плана. Были они плетневыми, как правило, двухкамерными, без окон, с соломенной или камышовой крышей. Наряду с малодворными аулами у абазин существовали и такие, где число дворов превышало 100. И опять-таки в горных аулах число было меньшим, чем в предгорных. По сведениям 1857—1858 гг., в баговском ауле Магомета Багошева, расположенном на левой стороне р. Ходзь, насчитывалось 60 дворов, в баракаевском ауле Барока Лахова на Гупсе — 35 дворов, в ауле Бзекезова — 25 дворов, в тамовских аулах Селимана и Джантемира Заурумовых — 150 дворов, в ауле башилбаевского князя Сидова — 130 дворов¹¹.

До 60-х годов XIX в. абазинские аулы сохраняли однородность этнического состава: тапантинцы не смешивались со шкаровцами. Локальные подразделения тапантинцев и шкаровцев (лоовцы, бибердовцы, дударуковцы, шахгиреевцы, тамовцы и т. д.) также селились отдельно друг от друга разными аулами.

⁷ Инал-Ипа Ш. Д. Указ. соч., с. 398.

⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6652, л. 4 об., 6.

⁹ ЦГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 284, л. 271 об.

¹⁰ См.: Лавров Л. И. Абазины. (Историко-этнографический очерк). — КЭС, т. 1. М., 1955, с. 31.

¹¹ ЦГВИА, ф. 14257, оп. 3, д. 416, л. 3—6, д. 390, л. 19.

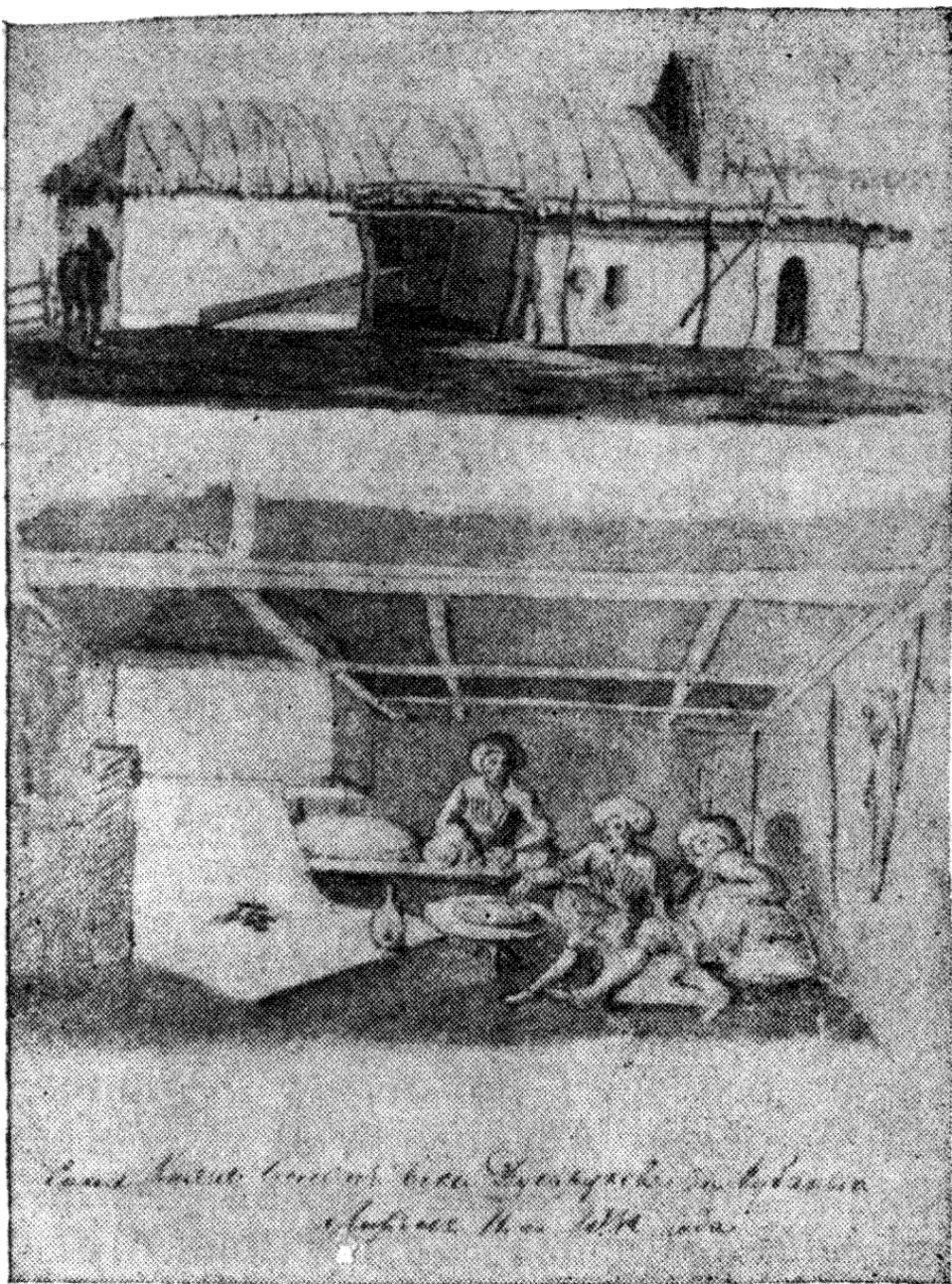

Рис. 12. Сакля Аслан Бека Дударукова за Кубанью. 1842 г. Рисунок из альбома «Типы Кавказа». ГИМ

В 60-х годах XIX в. произошли значительные изменения в характере абазинских поселений: исчез хуторской тип поселения, изменилась планировка аулов, нарушилась однородность их этнического состава. Это было связано прежде всего с политикой царизма на Северном Кавказе, с массовыми выселениями горцев в Турцию, с переселением оставшегося населения в предгорные районы, с укрупнением аулов.

Вновь созданные царской администрацией укрупненные сельские общины продолжали совпадать с аулами, но аулы эти уже резко отличались от прежних. Отныне любое поселение горцев должно было насчитывать не менее 200 дворов¹². Небольшие аулы соединялись со смежными и только в исключительных случаях с разрешения царской администрации допускалось образование общины из меньшего числа дворов.

В одном ауле подчас оказывались несколько бывших общин и представители различных локальных подразделений, этнических групп и даже народов. По сведениям Е. Д. Фелицына, собранным в 1883 г., абазины-тапантинцы и абазины-шкаровцы оказались разбросанными по многим аулам, особенно шкаровцы, расселенные буквально по нескольким семей в черкесских, кабардинских, ногайских и других аулах. С другой стороны, и в абазинских аулах оказались представители разных народов, этнических групп и подразделений (таблица 4).

Этнический состав вновь образованных аулов хотя и был неоднородным, но абазинское население в них преобладало. Можно утверждать, что характерными чертами абазинской общины второй половины XIX в. были ее этническая неоднородность и сложный состав. Во вновь созданную укрупненную соседскую общину часто входили две или более самостоятельные в прошлом общины или их части.

После 60-х годов XIX в. абазинский аул, как правило, делился на несколько больших частей — кварталов. Например, Лоовско-Кумский ауд состоял из 3 кварталов: Трамкт — (северная часть аула),

¹² ЦГИА Гр.ССР, ф. 545, д. 27, л. 63.

**Этнический состав Лоовско-Кумского, Лоовско-Зеленчукского и
Кувинского аулов в 1883 г.***

Аул	Всего семей в ауле	Этнический состав семей	Число семей
Кумско-Лоовский (ныне аул «Красный Восток»)	168	тапанта-басхяг	150
		тапанта-кияч	2
		тапанта-клыч	1
		браккий	1
		кабертай	2
		бесленей	1
		аббэзах	4
		карачаевцы	4
ногайцы-мансуровцы	3		
Лоовско-Зеленчукский (ныне аул «Инджик- Чикун»)	110	тапанта-лоу	81
		мыссылпара-башилбай	11
		браккий	1
		шагерай	2
		там	2
		кизильбек	1
		тапанта-биберд	1
		тапанта-даруко	2
		кабертай	2
		бесленей	4
аббэзах	3		
Кувинский аул	200	медозюй	61
		там (тамовцы)	56
		кизильбек	57
		шагерай	14
		мыссылпара	8
		тапанта-клыч	2
		тапанта-басхяг	1
		браккий	1

* Под тапантой-басхяг Е. Д. Фелицын в одних случаях имеет в виду 'лоовцев, в других — бибердовцев. Остальные этнические наименования означают: кияч—кячевцы, клыч — клычевцы, браккий — баракаевцы., кабертай — кабардинцы, аббэзах — абадзехи, мыссылпара — башилбай — башильбаевцы., шагерай — шахгиреевцы, даруко—дударуковцы, биберд — бибердовцы, медозюй — медовеевцы, там — тамовцы. См.: Фелицын Е. Д. Численность горцев и других мусульманских народов Кубанской области с распределением их по месту жительства и с показанием племенного состава жителей каждого аула.—ССКГ, т. 9. Тифлис, 1885, с. 60—62.

Кута (квта) — средняя часть, Годахы (ГвЮдахы) — верхняя часть аула. Лоовско-Зеленчукский аул также распадался на 3 части: Локт, Джегутан-хабль, Табак-аул. Дударуковский аул имел кварталы: Джу-хабль, Псуха (ПсихИва), Годахы и т. д.¹³

¹³ Полевые материалы СКЭЭ МГУ, тетр. 4, с. 38, 49, 50, тетр. 7, с. 34, 50, 62 и др.; Лавров Л. И. Указ. соч., с. 38.

Для обозначения больших отдельных частей аулов употребляли термины — либо «кыт», либо «хабль». Если в состав новой общины целиком влилась определенная, ранее самостоятельная община, сохранявшая свое историческое название, она локализовалась обычно в одном квартале, который назывался «кыт». На это обратил внимание еще Л. И. Лавров¹⁴. Архивные материалы целиком подтверждают его вывод. В середине 60-х годов XIX в. решено было соединить абазинские аулы Гвымлокт, Трамкт, Джантемировский в один и поселить его на левом берегу Кубани. Но джантемировцы воспротивились и подали просьбу о поселении их в Большой Кабарде. Оставшиеся аулы образовали один Кумско-Абазинский аул¹⁵. До сих пор один из кварталов этого аула продолжает сохранять свое прежнее название — Трамкт. В ауле «Инджик-Чикун» центральный квартал называется Локт, то есть бывшее селение Лоовых. Квартал Джегутан-хабль этого же аула получил свое название от фамилии Джегутановых — агмиста-ду Лоовых, которые до 60-х годов XIX в. жили отдельным аулом на Джеганасе¹⁶.

Чаще для обозначения квартала употребляли термин «хабль» (хабля). Абхазы словом «ахабла» обозначали территорию, занимаемую братством — аешьара¹⁷. Этимология слова «хабль» до сих пор не выяснена. Л. Люлье полагал, что в основе его лежит слово «благъэ» (близко, близок). Такого же мнения придерживается В. К. Гарданов, поясняющий, что первоначально это слово употреблялось в смысле «близкое родство», «близкий родственник», позднее — в смысле «близкий друг, приятель»¹⁸. А П. У. Аутлев вслед за профессором Г. В. Рогова считает, что термин «хабль» усвоен из тюркско-татарских языков и передан арабским словом «хъявл» (дом, двор)¹⁹.

Названия кварталов различны: в одних случаях географические, в других — фамильные, в третьих — прозвища (например, Табак-аул). Иногда один и тот же квартал имел несколько названий. При образовании укрупненных селений за отдельными их частями в зависимости от расположения по отношению к реке закреплялись географические названия: Акыт-алагъ — нижняя часть аула, Псухо (ПсыхIва) — низина, Кытхъа — часть аула, расположенная выше по течению реки или ближе к горам, Квта — середина и т. д. Фамильные названия кварталов сохранились либо от бывших патронимических селений (квей), либо от патронимических кварталов. Кыт, или хабль, аула включал в себя более десятка фамилий, каждая из которых, локализуясь в одном месте, образовывала квартал меньшего порядка, называвшийся также хабль, или кядук.

Кыт, или хабль, абазинского пореформенного аула, являясь его частью, представлял собой, в сущности, территориальное, соседское

¹⁴ См.: Лавров Л. И. Указ. соч., с. 38.

¹⁵ ГАКК, ф. 774, оп. 2, д. 129, л. 13, 13 об., 20—41.

¹⁶ ЦГВИА, ф. 13 454, оп. 2, д. 284, л. 128 об., 302 об.

¹⁷ См.: Инал-Ипа Ш. Д. Очерки по истории брака и семьи у абхазов. Сухуми, 1954, с. 186.

¹⁸ См.: Гарданов В. К. Указ. соч., с. 282.

¹⁹ См.: Аутлев П. У. Ценный труд по истории адыгов. — УЗ АНИИ, т. 8. Майкоп, 1968, с. 393.

объединение. Подобные кварталы возникли лишь в укрупненных аулах, поэтому понятна относительная самостоятельность их внутренней жизни. До укрупнения производственно-экономические связи между отдельными аулами-общинами были довольно слабыми, после укрупнения обособленность кварталов сохранялась еще долго. В каждом квартале аула обычно строили мечеть. Квартал имел, как правило, отдельное кладбище. В первые годы после реформ избирался глава квартала, обычно один из старших представителей наиболее уважаемой фамилии. Традиция эта со временем утратилась.

После введения земельных переделов при распределении земель обязательно присутствовали выборные от каждой части аула. Сначала землю распределяли между кварталами, а затем — уже внутри квартала между тухумами и отдельными семьями. Иногда возникали споры за тот или иной участок земли, но обычно каждый квартал имел свои места для покоса и пахоты. Различные трудовые сообщества создавались преимущественно между семьями одного квартала. Многие вопросы жители квартала могли решать самостоятельно (назначение общественных объездчиков полей, наем пастуха для общеквартального стада, вопросы, связанные с изгнанием кого-либо из квартала и пр.). Один из жителей квартала Джухабль аула Псыж рассказывал, что при найме пастуха для общеквартального стада присутствовали все мужчины квартала. После того как оговаривали условия найма, старший квартала вместе с пастухом шли к старшине оформлять договор²⁰.

Таким образом, связи между жителями соседской общины внутри квартала были теснее, действеннее, чем между жителями разных кварталов. Часто в ауле фактически всеми делами руководил наиболее сильный кыт, или хабль. Такой отдельный квартал, будучи частью общины, ее подразделением меньшего порядка, в миниатюре копировал общину. Но имея некоторую обособленность, квартал тем не менее не был самостоятельной административной или экономической единицей.

СОСЛОВНО-КЛАССОВОЕ ДЕЛЕНИЕ И ИМУЩЕСТВЕННАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОБЩИННИКОВ

Среди характерных признаков феодальных отношений В. И. Ленин отмечал существование особых классов-сословий²¹. Сословно-классовая структура абазинского народа в дореформенное время была весьма сложной.

Сословия

Членами соседской общины считались лица только свободных сословий: аха (ахIы), в переводе означает «голова», «головатый», «предводитель»²² (у шкаровцев — маршани); агмиста; анхаю — свободные

²⁰ Полевые материалы СКЭЭ МГУ, тетр. 4, с. 31.

²¹ См.: Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 6, с. 311.

²² Услар П. Этнография Кавказа. Абхазский язык. Тифлис, 1897, с. 101.

крестьяне и азаты — вольноотпущенники. На последней ступеньке иерархической лестницы стояли несвободные зависимые сословия — лыги и унавы, до отмены крепостного права не считавшиеся членами общины. Представление о численности и соотношении различных сословий в абазинских аулах в 60-х годах XIX в. дает таблица 5.

Таблица 5

Сословный состав абазинских аулов (Лоовско-Кубанского, Лоовско-Зеленчукского, Бибердовского, Дударуковского, Клычевского, Егибоковского, Шахгиреевского) Зеленчукского округа Кубанской области по сведениям 1865 г.*

Сословие	Всего душ обоего пола	Мужчины	Женщины	%
Священнослужители	49	25	24	1,1
Князья — аха и старшины	103	56	47	2,3
Агмиста	1325	576	749	29,9
Анхаю и азаты	1200	632	568	27,1
Лыги	1481	825	656	33,4
Унавы	277	81	196	6,2
Итого	4435	2195	2240	100,0

* ЦГИА Гр. ССР, ф. 545, д. 107, л. 38, 40. Проценты выведены мною.—Е. Д.

Название почти всех сословий у абазин совпадает с наименованием абхазских сословий, что позволило Л. И. Лаврову сделать вполне обоснованный вывод о том, что они сформировались у абазин еще до переселения их на Северный Кавказ²³. Каковы же были положение, роль и права в соседской общине каждого из этих сословий?

Аха

Высшим сословием у абазин считалось сословие аха (у шкаровцев ему соответствовало сословие маршани). К нему принадлежали фамилии Лоовых, Дударуковых, Бибердовых, Клычевых, Джантемировых, Кячевых у тапантинцев. Фамилии Заурумовых, Цекишевых, Сидовых, Кизилбековых, Лаховых, Егибоковых и некоторых других относились к аха (маршани) у шкаровцев²⁴.

²³ См.: Лавров Л. И. Указ. соч., с. 20.

²⁴ ЦГА СО АССР, ф. 262, оп. 1, д. 23, л. 3—30. В документах до середины XIX в. владельцев шкаровских аулов чаще именуют «старшинами». В материалах Сословно-поземельной комиссии они отнесены к сословию «маршани», причем неоднократно подчеркивается, что по правам и значению шкаровские маршани соответствуют тапантинским аха. Наименование высшего сословия у шкаровцев происходит от абхазской княжеской фамилии Маршани. По преданиям, некоторые фамилии шкаровских подразделений состояли в родстве с Маршани. В 1873 г. абхазские князья Маршани письменно удостоверяли Сословно-поземельную комиссию, что фамилии Заурумовых, Кизилбековых, Джелконовых «все происходят от нашей фамилии» (ЦГА СО АССР, ф. 262, оп. 1, д. 23, л. 174).

В первой половине XIX в. княжеские фамилии обладали большими правами в общине. Как правило, члены этих фамилий стояли во главе соседских общин, были их покровителями и фактическими руководителями. По фамилии князя — главы общины — обычно называли и сами общины и их земли.

Особенности политической жизни народов Северо-Западного Кавказа первой половины XIX в. — феодальные распри, набеги, Кавказская война — выдвинули на первое место охрану земли, семей, имущества общины. Князья заключали с другими общинами и народами политические союзы, браки и др. Абазинский князь Магомет-Гирей Лоов был женат на дочери ногайского князя, а одна из Лоовых была замужем за карачаевским бием Давлет Гиреем Крымшамхаловым; сын карачаевца Бадры Крымшамхалова был женат на сестре Магомет-Гирей Лоова; один из Трамовых — агмиста-ду Лоовых когда-то находился на воспитании у карачаевца Коркмазова и т. д.²⁵ От умения князя наладить отношения с другими общинами, организовать отпор неприятелю, оградить жителей своего аула от набегов зависели спокойствие и благополучие общины.

Покровителем аула не обязательно мог быть князь того же народа. Например, с конца 30-х годов XIX в. ногайские князья Карамурзины, очень известные и влиятельные среди горцев Северо-Западного Кавказа, были вынуждены скрываться от царской администрации в горах. Поселившись среди шахгиреевцев и баракаевцев, они взяли под свое покровительство те аулы, в которых проживали. «Жизнь в Шахгирее была самая жалкая, — писал Ф. Торнау после посещения одного из шахгиреевских аулов, — пока не поселились там Карамурзины и не взяли под свое покровительство аул. Тогда только бедные жители успели свободно вздохнуть и из благодарности к своим защитникам совершенно подчинились их воле. Карамурзины сделались владельцами Шахгирея»²⁶.

Еще и в 50-е годы XIX в. аха у абазин был носителем гражданской и военной власти в общине. В «Записке», составленной в 60-х годах XIX в. начальником Баталпашинского уезда Н. Г. Петрусевичем, говорилось о правах княжеского сословия у абазин: «Оно (княжеское сословие. — Е. Д.) бесконтрольно распоряжалось делами общественными в аулах, носивших имена по фамилии одного из родов Маршани; оно разбирало дела спорные, тяжёбые и прочие совместно с народным кадием. Оно имело право наследовать вымороченные участки... за ним обыкновенно в набегах (в прежние годы) должны были следовать все свободные люди аула»²⁷.

Роль князя как военачальника немало способствовала повышению авторитета его в коллективе, его выдвижению в общине и возникновению зависимых отношений между княжеским сословием и другими свободными сословиями. Князь покровительствовал общине, а она, в свою очередь, предоставляла ему привилегии (право выбора лучших земель, право решающего голоса при решении всех общинных дел

²⁵ ЦГА СО АССР, ф. 262, д. 23, л. 77 об., л. 74 об., д. 71, л. 115.

²⁶ Торнау Ф. Указ. соч., с. 445.

²⁷ ЦГА СО АССР, ф. 262, д. 71, л. 105 об.

Рис. 13. Девушка Химсада и князь Лоов. Фотография Д. И. Ермакова (конец XIX в.)

и пр.). Система покровительства у народов Кавказа и связанные с ней отношения личной зависимости у абазин еще больше усложняли взаимоотношения внутри общины.

Однако княжеское сословие еще не выделилось из общины. Это было особенностью соседской общины Западного Кавказа. Превратив общину в феодальнозависимую, аха и агмиста-ду тем не менее не были ее неограниченными правителями. Их власть ограничивалась коллективом. Князь, по адату, не имел права самостоятельно, без всеобщего согласия принимать решение о переселении аула-общины на новое место. И когда в 40-х годах братья Лоовы Саралып, Эдык и Ногай, поссорившись с другими Лоовыми, решили переселиться с Кумы на Кубань, они встретили сопротивление большинства членов общины.

Община стремилась ограничить власть князя, и, если она была достаточно сильна, а общинники единодушны, это ей подчас удавалось. Общество аула Калагирея Лоова (на Куме) просило даже царскую администрацию удалить из аула их князя, так как «Калагирей Лоов ненадежного, а сыновья его весьма зазорного поведения и не пользуются доверенностью общества, которое неоднократно подвергалось взысканиям за их шалости...»²⁸. Перед нами яркий пример того случая, когда аха перестал пользоваться доверием общины, и община

²⁸ ЦГВИА, ф. 13 454, оп. 2, д. 284, л. 30 и далее.

выступила против него. Но такие случаи во второй половине XIX в. были весьма редкими. Однако их существование подчеркивает еще раз, что община абазин XIX в. не утратила окончательно свою свободу, не была еще до конца закреплена классом феодалов, хотя некоторые стороны зависимости общины от князя налицо.

Все члены общины считались подвластными князю. Но представители свободных сословий некогда обладали правом свободного перехода от одного князя к другому. В «Записке» абазинских князей, в частности, говорилось: «Издревле по правам и обычаям, между нами существующим, мы именовали своими подвластными только тех из узденей и вольноотпущенников, кои от князей получают разные подарки; но если кто-либо из них захочет вовсе отделиться от своего владельца, таковые имеют полное неотъемлемое право по возвращении всего полученного от владельца переселиться от одного князя к другому...»²⁹. Этот документ интересен тем, что раскрывает одну из сторон возникновения зависимых отношений между княжеским сословием и другими свободными сословиями: только получив подарок от князя, общинник считал себя вассалом князя и становился в обязательные отношения к нему (у адыгов этот подарок, вручавшийся сюзереном своему вассалу, назывался «уорк-тын» — узденская дань)³⁰. Кроме того, эти отношения не были постоянными, и в любое время одна недовольная сторона могла порвать их при условии возвращения подарков владельцу.

Еще накануне 60-х годов у абазин наблюдались случаи перехода подвластных от одного князя к другому. Так, в 40—50-х годах XIX в. подвластные Калагирея Лоова Абдула Лафишев и Мазан Физиков переселились от него на Кубань к князю Саралыпу Лоову, а 15 семейств Коновых ушли в Калмыкаево. Другая часть Лафишевых переселилась от Калагирея Лоова на р. Малку в Жантемировы аулы³¹. Однако со временем право свободного перехода постепенно ограничивалось, и общинники не могли уже уйти от своего князя лишь по собственному желанию. Это могло произойти только в том случае, если князь чем-либо обидел своего подвластного. «Но и в сем случае, — говорилось в той же «Записке», — когда впоследствии времени князь обиженному узденю сделает удовлетворение, то таковой обязан возвратиться к своему владельцу»³².

Имея в своей собственности патриархальных рабов-унавы и семейства крепостных крестьян-лыгов, князья жили тем, что производили на их землях лыги и унавы. Сами же они занимались главным образом грабительскими набегами, как и феодалы других северокавказских народов и абхазов.

Каждый абазинский двор ежегодно должен был отдавать князю «по возу сена, кто косит оное; по одному барану со двора, кто имеет стадо; по 7 мер проса, которые сеют оное. Кто имеет завод лошадей, должен отдать князю под съезд во время осени жеребца, а летом — ко-

²⁹ ЦГВИА, ф. 13 454, оп. 2, д. 284, л. 143 об.

³⁰ См.: Гарданов В. К. Указ. соч., с. 182.

³¹ ЦГВИА, ф. 13 454, оп. 2, д. 284, л. 143 об.

³² Там же, л. 154 об.

былу, которых, однако, князь не вправе никому подарить, ни продать». Помимо этого князю полагалось отдавать часть дичи, добытой на охоте, и часть зарезанной для себя скотины³³. Таким образом, князь взимал в свою пользу с подвластной ему общины главным образом натуральные повинности.

У псхувцев, которые впоследствии составили основную часть Кувинского аула, свободное население общины, видимо, не отбывало в пользу князя — старшины никаких повинностей³⁴. Поэтому, когда в 1865 г. один из аха Дударуковых, назначенный «заведующим» Кувинского аула, стал взимать в свою пользу подати, его поборы вызвали недовольство населения. Жители аула жаловались на «незаконные действия и поборы Дударукова». От каждого семейства он брал себе одного барана в год (зага) или козу, и из провианта, получаемого кувинцами от казны в качестве пособия, — одну третью часть проса или муки³⁵. Все свое хозяйство Дударуков содержал за счет жителей аула — они работали на него (косили сено, пахали и т. д.). Община кувинцев настояла на удалении Дударукова; на его место царская администрация назначила аха Саралыпа Лоова³⁶.

В пользу аха у абазин шли штрафы за различные беспорядки и преступления, совершаемые на территории общины: за драки, воровство, обиды, нанесенные княжескому кунаку или княжескому приказчику, за невыполнение обязательств, установленных адатом и пр.³⁷. Эти штрафы составляли немаловажную статью доходов аха.

Таким образом, хотя аха считался членом абазинской общины, он присвоил себе уже административные и судебные функции, сохранив за собой и функции военачальника. В абазинской общине шел процесс складывания системы отношений, характерной для феодализма, которую принято называть феодальным иммунитетом. Однако процесс этот еще не был завершен. Внеэкономическая власть феодала — аха не была неограниченной. Она ограничивалась традиционными общинными институтами, и прежде всего общим сходом и советом старейшин. Эта незавершенность юридического оформления системы феодального иммунитета в абазинской общине соответствует, на наш взгляд, незавершенности развития феодализма, слабого развития производительных сил и экономики соседской общины.

Агмиста

На следующей ступени иерархической лестницы после аха стояло сословие агмиста, составлявшее бóльшую часть господствующего класса. Это сословие подразделялось на несколько категорий: агмиста-ду (буквально большой агмиста), просто агмиста и агмиста-чкун (буквально маленький агмиста). Главная обязанность агмиста — во-

³³ ЦГВИА, ф. 14 257, оп. 3, д. 435, л. 6, 7.

³⁴ См.: Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы, с. 508.

³⁵ Жители Кувинского аула получали от казны продовольственное пособие в период размещения аула в Кувинском ущелье (1864 г.).

³⁶ ГАКК, ф. 774, оп. 2, д. 72, л. 43, 43 об.

³⁷ ЦГВИА, ф. 14 257, оп. 3, д. 435, л. 6, 7.

енная служба. Агмиста сопровождали своего аха в походах, набегах, а он, в свою очередь, непременно должен был делиться с ними добычей. Как и аха, агмиста имели в своей собственности унавы и лыгов.

Широкими правами в общине пользовались агмиста-ду. Некоторые из них были богаты, имели земли и аулы собственных наименований. Так, Трамовы — агмиста-ду Лоовых в 40-х годах XIX в. — владели аулами на Куме, Малой Лабе (около Шахгиреевского ущелья) и Малке³⁸.

В своих действиях аха находился в зависимости от наиболее богатых и уважаемых агмиста-ду. Тем не менее, когда кто-либо из агмиста-ду пытался возвыситься над аха, это приводило к серьезным столкновениям. В 40-х годах XIX в. агмиста-ду Лафишев был назначен приставом Лоовского аула на Куме. «Занимая место пристава в ауле своего князя, — сообщалось в донесении царских чиновников кордонному начальнику Кисловодской линии полковнику Евдокимову, — он (Генартуко Лафишев. — Е. Д.) возбуждает его ненависть на себя...»³⁹. Такое положение, когда подвластный князей Лоовых Генартуко Лафишев волей царской администрации получил в ауле своего князя больше административных прав, нежели князь, привело к ссорам и спорам между фамилиями Лоовых и Лафишевых. Через некоторое время братья Магомет, Эдык и Ногай Лоовы убили Генартуко Лафишева и скрылись за Кубань к непокорным племенам⁴⁰. Лафишевы ушли под покровительство другого князя и переселились на Малку, где их аул находился еще и в конце 50-х годов XIX в.⁴¹

Термин «агмиста-чкун» встречается не во всех документах, касающихся сословий у абазин. Информаторы затрудняются описать особенности положения этой категории населения. Очевидно, в данном случае мы сталкиваемся с процессом дальнейшего дробления сословия агмиста, который не был завершен к 60-м годам XIX в., и поэтому категория эта не была утверждена окончательно ни обычным правом, ни официальными документами.

Анхаю

Основную массу общинников — непосредственных производителей — составляли свободные крестьяне — анхаю (в переводе «работающий»). Точно таким же словом обозначалось сословие свободных крестьян у абхазов.

О положении этого сословия имеется очень мало сведений. В земельном отношении абазинские анхаю в первой половине XIX в. еще не зависели от своего аха или агмиста. Но как подвластные аха или агмиста анхаю вносили своему феодалу определенную подать, и иногда их приглашали на помощь для выполнения полевых или других хозяйственных работ. Так вполне определенно вырисовывается зависи-

³⁸ ЦГВИА, ф. 14 257, оп. 3, д. 406, л. 5, 35, 36.

³⁹ ЦГВИА, ф. 13 454, оп. 2, д. 389, л. 9 об.

⁴⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6302, л. 3.

⁴¹ ЦГВИА, ф. 13 454, оп. 2, д. 284, л. 143 об.; ЦГА КБ АССР, ф. 16, оп. 1, л. 371, л. 6—22.

мость анхаю от феодалов. Однако анхаю еще не превратились в категорию феодальнозависимого населения и не были основным объектом эксплуатации.

Сословие анхаю было более однородным, чем агмиста, хотя и среди крестьян-анхаю были семьи, эксплуатировавшие труд лыгов и унавы. Наличие унавы и лыгов у отдельных семей анхаю и неодинаковое количество скота — показатель имущественной дифференциации среди этого сословия.

В случае необходимости (набег или организация отпора неприятелю) анхаю, как и агмиста, должны были следовать за своим аха, который на это время становился их военным предводителем.

Азаты

Членами соседской общины считались и азаты. Это сословие образовалось из крестьян несвободного происхождения — лыгов, отпущенных на волю. Среди абазин практиковался отпуск лыгов на волю без всякой платы — «за спасение души» владельца и за выкуп. Бывало и так, что часть семьи лыга владелец отпускал без выкупа, а за остальных требовал выкуп. Вольноотпущенник получал особый документ — отпускной акт, составленный в присутствии эфенди, владельца и почетных стариков аула, подписанный ими. Вот один из таких актов: «...Дан сей отпускной акт от меня Кара Лоова в том, что я отпустил на всегдашнюю свободу от рабства холопа моего Науруза с женою без платы ради спасения своей души... сына его Закерию отпустил за 30 туманов... и две дочери отпущены, по достижении коих совершеннолетия и на отдаче замуж калым за каждую — по 25 туманов должен получить я, владелец их, Кара Лоов. Все же имение означенного холопа Науруза должно оставаться у меня»⁴².

Имущество лыга при выкупе или отпуске его на свободу доставалось его владельцу. Став членами соседских общин, азаты приобретали все права свободных общинников. Однако они не имели права покинуть аул, в котором жили их прежние владельцы, и «должны оставаться каждый при своем владельце»⁴³. При переселении владельца его вольноотпущенники обязаны были следовать за ним. Многие азаты, не имея собственных средств производства, вынуждены были наниматься к богатым общинникам или на общественные должности — объездчиками полей, пастухами, сторожами и т. д.

Лыги

Среди зависимого лично несвободного населения у абазин наиболее многочисленную группу составляло сословие лыгов⁴⁴. Численность лыгов в аулах была достаточно высока, особенно в тапантинских аулах

⁴² ЦГВИА, ф. 13 454, оп. 2, д. 284, л. 61.

⁴³ ЦГВИА, ф. 13 454, оп. 2, д. 284, л. 154 об.

⁴⁴ Подробнее положение лыгов рассматривается в нашей статье. См.: Данилова Е. Н. Зависимые сословия «унавы» и «лыг» у абазин в XIX в. — В сб.: Вопросы истории СССР. М., 1972, с. 440—463.

(более 30%). Слово «лыг» у абазин переводится как «раб», «крепостной»⁴⁵. Созвучны абазинскому лыг аварское и лакское лагI, лезгинское лук, имеющие то же самое значение: раб. В. И. Абаев предполагает, что этот термин проник к абазинам, лезгинам, аварцам и лакцам из осетинского языка, где слово «лаег» переводится как «человек»⁴⁶.

По своему положению абазинские лыги приближались к положению крепостных крестьян в России. Основным источником пополнения этого сословия было пленение. Другим источником закрепощения служила практика превращения унавы в лыгов, которым предоставлялась некоторая хозяйственная самостоятельность. Закабаление свободных общинников — анхаю — было еще очень незначительным, что свидетельствует о недостаточной развитости феодальных отношений. Более того, не только высшие сословия абазин — аха и агмиста — владели зависимыми крестьянами, но и анхаю могли иметь своих лыгов. В первой половине XIX в. широкое распространение приобрела покупка крепостных крестьян. Цены на лыгов у абазин-шкаровцев совпадали с ценами на унавы. У тапантинцев лыги от 15 до 45 лет ценились несколько дороже унавы того же возраста и стоили от 250 до 350 рублей.

Эксплуатируя труд лично несвободных и зависимых от них лыгов, абазинские феодалы получали прибавочный продукт в виде феодальной земельной ренты. Преобладающими формами ренты были отработочная и натуральная. Обращая унавы в лыга, владелец наделял каждое отдельное семейство скотом, орудиями труда, и на земле господина лыг вел свое хозяйство.

Труд лыгов феодал использовал и в земледельческом, и в скотоводческом хозяйстве. Каждое семейство крепостных крестьян само обрабатывало поле, засеивало его, убирало урожай и для владельца и для себя. Урожай у абазин распределяли следующим образом: 1/10 часть — духовенству (закят), часть — на семена, часть — для продовольствия в будущем году косцов, табунщиков, пчельников и других работавших на феодала и не занимавшихся непосредственно земледелием, часть — для гостей феодала. Оставшийся урожай делили поровну между всеми лицами семей владельца (включая и унавы) и работавшего на него крестьянина⁴⁷.

Владелец раздавал лыгам и свой скот, и они обязаны были полностью осуществлять уход за ним. Кроме того, лыги беспрекословно обязаны были пасти табуны и отары своего господина, которые не были розданы крестьянам. За время пастбы скота лыг получал пищу и шерсть на одежду, а если он пас табун лошадей, то получал во временное пользование по жеребенку в год. При стрижке овец вся шерсть поступала владельцу. Из нее феодал брал себе только на бурку, затем его жена отбирала лучшую белую шерсть на одну черкеску, а остальное делили между семьями владельца и крестьянина по числу членов их семей⁴⁸.

⁴⁵ Абазинско-русский словарь. М., 1967, с. 269.

⁴⁶ См.: Абаев В. И. Происхождение и культурное прошлое осетин по данным языка. — В кн.: Осетинский язык и фольклор, вып. I. М.—Л., 1949, с. 90.

⁴⁷ ЦГИА Гр.ССР, ф. 545, оп. 1, д. 86, л. 64, 127 об.

⁴⁸ ЦГИА Гр.ССР, ф. 545, оп. 1, д. 86, л. 126, 131 об., 133.

Круг обязанностей женщин-лыг был довольно широким. Они должны были доить коров, сбивать масло, стирать, помогать жене владельца в домашних делах, а если в доме господина не было унаутки, ее обязанности исполняла женщина-лыг.

Строгой регламентации труда лыгов в пользу феодала у абазин не было. По требованию владельца лыг выполнял любые работы в любое время.

Денежную ренту владельцы получали, отпуская своих крестьян на заработки. Тогда их освобождали от хозяйственных работ. Половина, а иногда и $\frac{2}{3}$ заработка лыга шли феодалу⁴⁹. Эта форма ренты в первой половине XIX в. была развита еще незначительно.

В отличие от унавы абазинский крепостной крестьянин мог иметь свое имущество, но оно не было его собственностью.

Как и унавы, лыги были наследственной семейной собственностью феодала, причем считались наиболее ценным имуществом. Крепостные крестьяне у абазин не имели собственной фамилии, а носили фамилию своего владельца. Вступать в брак с лицами другого сословия лыги не могли. Это разрешалось лишь при условии, что женившийся (вышедшая замуж) на лыг сам (сама) переходил в это сословие. Калым за девушку получала не ее семья, а владелец, он лишь отдавал из него часть (чаще $\frac{1}{3}$) отцу девушки⁵⁰.

Во взаимоотношениях крепостного и феодала у абазин еще и в середине XIX в. сохранялись отдельные патриархальные черты. Это, например, установление договорных отношений (дефтер) между владельцем и лыгом в присутствии свидетелей, причем один из них избирался покровителем крестьянина. Обе стороны принимали присягу свято соблюдать договор, и он входил в силу⁵¹. Владельцы, однако, часто нарушали дефтер, но видимость договорных отношений сохранялась долго.

Точно так же утрачивало прежнее значение право лыга уйти от своего владельца под покровительство какого-либо другого лица в случае возникавших между ними трений. Споры между крестьянином и феодалом должны были разбирать почетные старики — совет старейшин (ахIбачва рхIаса), который принимал решение: оставить ли лыга у прежнего владельца или обязать феодала продать его. Интересен и такой обычай, видимо, тоже древнего происхождения. Во-первых, требовалось согласие лыга на продажу и, во-вторых, ему предоставлялось право самому себе подыскивать покупателя. Адат не допускал продажи лыгов отдельно от семьи, но к середине XIX в. такие случаи становились все более частыми.

В 50-х годах XIX в. были составлены новые «Правила», подписанные Идрисом Лоовым, Якубом Цымповым, Хусейном Джегутановым и другими знатными абазинами, в которых регулировался порядок разбирательства тяжб между феодалом и его крестьянами. Недовольный лыг не имел более права уходить под покровительство жителя другого

⁴⁹ ЦГИА Гр.ССР, ф. 545, оп. 1, д. 86, л. 126, 131 об., 133, 135 об.; Кавказ, 1867, № 44.

⁵⁰ ЦГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 284, л. 243 об.

⁵¹ ЦГИА Гр.ССР, ф. 545, оп. 1, д. 86, л. 60, 60 об.

аула, а лишь своего. Его жалобы должен был разбирать суд — мехкеме. За укрывательство лыга, не заявившего о своем уходе от владельца членам мехкеме, устанавливался штраф (25 рублей)⁵². В случаях побегов лыгов разыскивали и возвращали прежним владельцам. Это свидетельствует об усилении процессов закрепощения крестьян у абазин.

Степень эксплуатации зависимого населения у абазин была большей, чем, например, у адыгских народов. Это подчеркивалось даже в официальных документах: «...У ногойцев, карачаевцев, абазинцев положение крестьян было несравненно тяжелее, и они находились в худших хозяйственных условиях, чем крестьяне черкесские», — к такому выводу пришел «Комитет по освобождению зависимых сословий в Кубанской области»⁵³. Лыги составляли основную массу эксплуатируемого населения и вслед за свободными крестьянами — анхаю — были основными производителями в общине абазин.

Унавы

Рабы у абазин назывались адыгским словом «унавы» (гІвнагІвы); унаут дословно — «домашний человек». В документах царских чиновников они именуются «безадатными холопами», «бесправными холопами». Унавы — самое низшее сословие абазинского общества. Оно образовалось из военнопленных, обращенных в рабов. Еще и в первой половине XIX в. пленение было основным источником рабства. Во время междоусобных войн и Кавказской войны представители соседних народов или русские, захваченные в плен, обращались в унавы. Например, унавы по имени Джемахо, принадлежавший баговцу Мамсыру Шикову, был русским пленным. А Мезаркан Шкарао и ее муж (бывшие Зафасовы) из аула Салмана Хаджимукова были захвачены в плен на р. Чундук и стали унавы жителя Дударуковского аула Дама Кишмахова⁵⁴.

Кроме пленения источниками рабства у абазин были кража малолетних детей и покупка рабов. Цены на унавы зависели главным образом от возраста раба. Дороже всего ценились унавы 15—45 лет; за такого раба нужно было уплатить от 200 до 300 рублей у тапантинцев и от 300 до 350 рублей у шкаровцев. После 45 лет цены на рабов сбавлялись по 5—10 рублей за год.

Одним из основных источников пополнения сословия унавы был его естественный прирост: рождение от рабынь. Женщины-унавы обычно были незамужними. Однако им не возбранялось иметь детей. Связь женщины-унавы с кем-либо подчас даже поощрялась. В посемейных списках абазинских аулов предреформенного времени часто упоминаются женщины-унавы, имевшие по нескольку детей. Лишь при условии, что женившийся на унавы переходил в это сословие, женщина-унавы, конечно, при согласии своего владельца, могла иметь мужа. Но это бывало чрезвычайно редко.

⁵² ЦГВИА, ф. 14 257, оп. 3, д. 435, л. 11, 12.

⁵³ ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 307, л. 11.

⁵⁴ ЦГВИА, ф. 14 257, оп. 3, д. 547, л. 205; ГАКК, ф. 454, оп. 7, д. 1472, л. 7.

Еще один источник пополнения сословия унавы — обращение лыгов в рабов. В «Своде сведений о зависимых сословиях в горском населении Кубанской области» перечисляются случаи обращения пшитлей (так называются в этом документе крепостные крестьяне у всех горцев Кубанской области; пшитль соответствует абазинскому лыг) в унавы: если пшитль в ссоре ударил своего владельца, если девушка-пшитль беременна, если жена пшитль нарушила супружескую верность и муж после развода требует обращения своей жены в унавы⁵⁵.

Среди унавы преобладали женщины (таблица 6).

Таблица 6

Численность унавы в абазинских аулах по сведениям 60-х годов XIX в.*

Аул	Река	Число жителей	Общее число унавы	Мужчины	Женщины
Лоова	Кубань	1162	55	14	41
Дударукова	Кубань	853	66	25	41
Лоова	Малый Зеленчук	953	48	16	32
Бибердова	Малый Зеленчук	634	39	10	29
Клычева	Малый Зеленчук	589	53	14	39
Егибокова	Малый Зеленчук	320	13	2	11
Шахгиреевский	Малый Зеленчук	300	3	—	3
Итого . .		4811	277	81	196

* ЦГИА Гр.ССР, ф. 545, оп. 1, д. 107, л. 40.

Численность рабов у абазин была невелика. Дело в том, что унавы не были основным эксплуатируемым сословием у абазин; труд их использовали главным образом в бытовой сфере, где выгоднее было иметь женщин-рабынь.

Уже название «унавы» в русских источниках — «безадатные», «бесправные холопы» — характеризует до некоторой степени их положение. Адат (обычное право) не брал под защиту личность унавы, его права. Унавы рассматривался в общине как имущество, вещь, собственность владельца. Его убийство считалось нанесением вреда имуществу хозяина. За обиды и увечья, нанесенные унавы, вознаграждение получал его владелец. Унавы были наследственной семейной собственностью, после смерти отца они доставались его детям: при разделах семей унавы делили, как и прочее имущество.

Никакого имущества унавы не имел, он жил постоянно при доме своего владельца и обязан был исполнять любые работы по его требованию. В «Своде сведений о зависимых сословиях...», правда, оговаривается, что подарки, полученные от посторонних лиц, унавы мог обращать в свою собственность, если это не скот. Полученный же в подарок скот унавы обязан был продать и пользоваться лишь деньгами.

⁵⁵ ЦГИА Гр.ССР, ф. 545, оп. 1, д. 86, л. 64, 60.

В том случае, когда владелец разрешал унавы оставить себе скот, он имел право лишь на ту часть скота, которая была ему подарена, а весь приплод переходил в собственность владельца унавы⁵⁶.

Унавы были лишены не только имущественных, но и личных прав. Замужество или женитьба раба зависели от воли господина. Только для мужчины владелец подыскивал жену, заплатив за нее калым. Мужчины-унавы обязаны были исполнять любые хозяйственные работы по требованию владельца — пасти скот, косить траву и прочее⁵⁷. Но применение рабского труда в сфере производства было крайне ограничено. Владелец чаще наделял унавы скотом, землей и обращал его в лыга.

Раб-унавы был объектом собственности, и как любую собственность его можно было отчуждать — продавать, покупать, дарить, обменивать. Долгое время у северокавказских народов раб, как и скот, выступал в качестве эквивалента денег. Так, в начале XIX в. абазинский старшина Кучук Кочев уступил карачаевцам Аджиевым участок земли за 1 лошадь и скот, имевших ценность 12 рабов⁵⁸, то есть и в данном случае цена земли была переведена на рабов. Цена крови часто уплачивалась рабами. За украденный скот тоже платили рабами. Выплачивая калым, часто наряду с деньгами и скотом отдавали и унавы. В приданое невесты также могли входить унавы.

Таким образом, наличие у абазин рабов-унавы свидетельствует о сохранении у них рабовладельческого уклада, существовавшего в течение длительного времени, вплоть до отмены рабства и крепостного права на Северном Кавказе. Этот уклад имел черты домашней «патриархальной системы, рассчитанной преимущественно на собственное потребление...»⁵⁹. Рабовладельческий уклад, продолжая сохраняться в абазинском обществе, постепенно перерождался в феодальный, о чем свидетельствует процесс превращения рабов-унавы в крепостных крестьян-лыгов.

Итак, сельская община абазин предреформенного периода была сословно-неравноправной. Права и обязанности каждого сословия строго определялись адатом (обычным правом).

Все члены абазинской соседской общины принадлежали к двум основным классам: классу эксплуататоров и классу эксплуатируемых. Господствующий класс составляли высшие сословия — аха и агмиста. К классу эксплуатируемых относились крестьяне разных категорий (анхаю — свободные крестьяне и азаты — вольноотпущенники); лыги — крепостные крестьяне и домашние рабы-унавы не считались членами общины.

Анализ сословно-классовой структуры абазин в предреформенный период приводит к выводу о сосуществовании в абазинском обществе нескольких социально-экономических укладов: феодального, который был ведущим в это время, рабовладельческого и остатков первобытно-общинного строя. Феодальные отношения у абазин, как и у других народов Северо-Западного Кавказа, возникли и развивались не на ос-

⁵⁶ ЦГИА Гр.ССР, ф. 545, оп. 1, д. 86, л. 116, 117.

⁵⁷ ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 307, л. 13.

⁵⁸ Кубанский сборник. Екатеринодар, 1910, т. 15, с. 330.

⁵⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 368.

нове рабовладельческого способа производства, а на основе разлагавшейся первобытнообщинной организации. Среди абазин феодальные отношения были развиты сильнее у талантинцев, чем у шкаровцев.

СОСЛОВНО-КЛАССОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОРЕФОРМЕННОЕ ВРЕМЯ

В 1868 г. на Северо-Западном Кавказе произошла отмена крепостного права⁶⁰. Сельская община формально стала всесословной. Отныне и бывшие унавы и лыги, выкупившиеся на свободу, считались полноправными членами общины. Но многие из них и после реформы вынуждены были отрабатывать свой выкуп у владельцев, то есть фактически оставались в прежней кабальной зависимости еще несколько лет. Размеры выкупа для лыгов и унавы были достаточно большими. Без выкупа на свободу отпускали лишь детей моложе 7 лет и пожилых: мужчин после 55 лет, женщин после 45 лет. Если ребенку лыга исполнилось 7 лет — выплачивали 20 рублей, 8 лет — 25 рублей, 9 лет — 30 рублей (за унавы — 40 рублей), 10 лет — 35 рублей (за унавы — 50 рублей) и т. д. За взрослого лыга (от 20 до 40 лет) полагалось выплатить 150 рублей, а за взрослого унавы (от 15 до 35 лет) — 200 рублей. Это был максимальный размер выкупа. Для лыга старше 40 лет (а унавы — 35 лет) выкупная плата убавлялась за каждый последующий год на 5—10 рублей⁶¹. Таким образом, получая свободу, унавы и лыги приобретали и нищету, пополняя класс неимущих. Как члены общины они имели право на землю, но им нечем было ее обрабатывать. Сдав свой надел в аренду, бывший лыг или унавы шел к своему прежнему владельцу, теперь уже на условиях наемного рабочего. Например, отец Тотлуста́на Косова (аул «Инджик-Чикун»), выкупившись, вновь пошел работать к своему хозяину по договору — за двух бычков в год он пас его стадо⁶².

Аха и агмиста пользовались «помощью» своих бывших подвластных в хозяйственных работах — при пахоте, во время сенокоса, стрижки овец и т. д. Каламбий в повести «На холме» описывает взаимоотношения между господином и его бывшим холопом: «Как бывший холоп Исмель не любит дворянского сословия и избегает всякого общения с ним. Но прежний его господин ... нашел в нем покровителя и благодетеля. Исмель ежегодно уделяет ему часть своего проса, а во время жертвоприношения посылает к нему и к его жене по хорошей овце... Сверх того, семейство обнищавшего джигита беспрестанно прибегает к помощи Исмелевой хозяйки и получает от нее все нужное для дневного пропитания — молоко, масло, сыр, яйца, мясо»⁶³.

⁶⁰ Подробно вопрос об отмене крепостного права на Северном Кавказе исследован в трудах В. П. Невской «Земельная реформа и отмена крепостного права в Черкессии» (ТКЧНИИ, вып. 3. Ставрополь, 1959) и Б. М. Джимова «Из истории крестьянской реформы и классовой борьбы в Адыгее в 60—70-х годах XIX века» (УЗ АНИИ, т. 13. Майкоп, 1971) и др.

⁶¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 307, л. 11—15.

⁶² Полевые материалы СКЭЭ МГУ, тетр. 3, с. 60.

⁶³ К а л а м б и й. На холме. — РВ, 1861, т. 36, с. 333.

Сословные перегородки продолжали сохраняться долго и проявлялись в различных областях жизни — в быту и в экономике, в общественных отношениях, хотя в годовом отчете за 1869 г. начальник одного из округов Кубанской области сообщал: «Влияние высшего сословия на народ изглажено, и народ относится к нему как к равноправному и только отдает наружное адатом установленное почтение или лишь один наружный этикет»⁶⁴. В действительности же было далеко не так.

Высшие сословия освобождали себя от разных натуральных повинностей, обязательных для всех общинников, продолжая считать остальных членов общины своими подвластными. Они не принимали участия в производительном труде, сначала пользуясь услугами своих бывших унавы и льгот, а затем нанимая работников. Лица высших сословий старались сохранить за собой все должности в общине. Старшин, их помощников, судей и других должностных лиц общины выбирали, как правило, из высших сословий.

Сословные перегородки особенно долго сохранялись при заключении браков. Сословия были замкнутыми общественными группами, и браки заключались только внутри сословия. Когда в 70-х годах азат Муса Шарданов, полюбив дочь князя Идриса Лоова, тайно с ее согласия увез ее, Идрис Лоов подал на него в суд. Во время судебного разбирательства Лоов заявил: «Фамилию Шарданова мы считаем неравною нам и потому не согласны на этот брак»⁶⁵. Таким образом, высшие сословия и в пореформенное время пытались сохранить за собой в общине привилегированное положение.

Царская администрация ориентировалась и опиралась прежде всего на высшие сословия. Многие представители высших сословий абазин, находясь на службе в царской армии, имели офицерские чины: князь Магомет-Гирей Лоов в 1861 г. был произведен в полковники, за свою службу имел 5 орденов; князь Шужей Жантемиров был штабс-капитаном; агмиста-ду Махмуд Джандубаев в 1852 г. стал штабс-капитаном; Пшемахо Сидов в 1863 г. получил чин поручика и т. д.⁶⁶. Царская Россия щедро раздавала огромные земельные пространства Северо-Западного Кавказа представителям местной феодальной знати.

Влияние высших сословий, поддерживаемых теперь и царской администрацией, сохранялось долго; и долго еще аха и агмиста удерживали в аулах руководящие позиции. Но уже в пореформенное время стало видно, как эти сословия постепенно уступали свои позиции зажиточному элементу. А богатство и знатность в пореформенное время у абазин, так же, впрочем, как и везде на Северном Кавказе, отнюдь не обязательно совпадали.

В пореформенной абазинской общине классовый антагонизм не только сохранялся, но и значительно обострился в связи с резким имущественным расслоением в абазинском обществе, особенно усилившимся после реформ.

⁶⁴ ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 506, л. 99.

⁶⁵ ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 327, л. 1—11.

⁶⁶ ЦГА СО АССР, ф. 262, оп. 1, д. 22, л. 119—125.

Имущественное расслоение в абазинской сельской общине

Сельские общины абазин (кыт, квей, джамаат) и в предреформенный период были далеко не равными в экономическом отношении: одни — зажиточнее и сильнее, другие — маломощнее и слабее. Так, абазины-тапантинцы были богаче абазин-шкаровцев. Лучшие природные условия, более развитые общественные отношения, более тесная связь с соседними народами и другие причины способствовали этому. А среди тапантинцев самыми большими и богатыми в 50-е годы XIX в. и позже были аулы князей Лоовых и Дударуковых⁶⁷.

Среди шкаровцев зажиточнее других жили башилбаевцы. «Скотоводство у них значительное, — отмечалось в «Обзрении горских племен» за 1851 г. — Из всех прочих племен башилбаевцы богаче других лошадьми и славятся ими между своими земляками; круглым счетом на каждую душу мужского пола приходится по два коня»⁶⁸.

Самыми бедными среди абазин были баговцы и шахгиреевцы. О бедности шахгиреевцев писал Ф. Торнау: «Каменистые шахгиреевские поля давали самую бедную жатву; скотом шахгиреевцы не могли обзавестись, потому что на плоскости его отбивали русские или захватывали в счет подати бесленевские князья Шолох, а в горах угоняли убыхи и мдовеевцы... В хатах господствовала нищета и вечное беспокойство...»⁶⁹. Тот же Ф. Торнау о баговцах сообщал: «Они беднее еще шахгиреевцев»⁷⁰.

Не было равенства и внутри сельской общины между отдельными семьями общинников. Более богатыми были семьи аха и агмиста. Богатство семьи в предреформенное время зависело от числа голов принадлежавшего ей скота, численности унавы—домашних рабов и семей крепостных крестьян-лыгов. В 40-х годах XIX в. князь Калагирей Лоов имел 5000 овец. Саралып-Ипа Лоов был владельцем 7000 овец и 200 голов крупного рогатого скота; агмиста-ду Иса Джегутанов имел 6000 овец, агмиста-ду Лиев владел 7000 овец и 100 головами крупного рогатого скота⁷¹ и т. д. Лучшие конские заводы имели также аха и агмиста. В 50-х годах XIX в. в табунах аха Лоова и Джантемирова, агмиста-ду Трамова и Абукова насчитывалось до 4500 лошадей⁷².

Княжеские семьи и семьи агмиста-ду имели большое число унавы и лыгов. Накануне 60-х годов полковник Магомет-Гирей Лоов владел 125 душами лыгов и унавы. У князей Саралыпа и Эдыка Лоовых было 74 унавы и лыгов, у агмиста-ду Мусы Джегутанова — 38 человек, башилбаевский старшина Джамбот Етлуков имел 46 душ зависимых крестьян⁷³ и т. д.

⁶⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19 051, ч. 2, л. 157 об.

⁶⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19 051, ч. 2, л. 158.

⁶⁹ Торнау Ф. Указ. соч., с. 445.

⁷⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18 511, л. 5 об.

⁷¹ ЦГВИА, ф. 13 454, оп. 2, д. 284, л. 216 и 216 об.

⁷² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19 051, ч. 2, л. 186.

⁷³ ЦГВИА, ф. 13 454, оп. 2, д. 604, л. 11, д. 284, л. 242—243; ф. 14 257, оп. 3, д. 505, л. 10—26, д. 486, л. 148 об.

Углубление процессов социальной стратификации приводило у абазин к появлению нескольких категорий внутри одного сословия. Например, сословие агмиста подразделялось на 3 категории — агмиста-ду, агмиста, агмиста-чкун.

С 60-х годов XIX в., и особенно после отмены крепостного права, расслоение внутри сельской общины усилилось. Усиление расслоения объясняется не только разрушением замкнутого полунатурального хозяйства, развитием товарно-денежных отношений, хотя именно они были главными, но и политической обстановкой того времени. Переселение в Турцию и насильственное выселение оставшихся абазин в предгорные районы не могли не сказаться на материальном благополучии абазинских общин. Произошло обнищание основной массы крестьян. В 1864 г. жители Кувинского аула были переселены в Кувинское ущелье из Псху. Они были очень бедны. «...Псхувцы по бедности имели несколько рогатого скота, большей частью рабочего, но при случившейся в том году эпидемии они лишились почти всего того скота... не имея рабочего скота, не могли заниматься никакими другими работами. Поэтому все их посева так незначительны, что более зажиточные хозяева из сделанных посевов едва ли соберут для обеспечения себя проса и кукурузы на 3 месяца; большая часть этого народа с прекращением им отпуска провианта будет нуждаться в дневном пропитании»⁷⁴, — сообщалось в «Донесении» царских чиновников. Но несмотря на такое бедственное положение кувинцев в 1866 г. их решено было вновь переселять, теперь на Большой Зеленчук. Сами жители не изъявляли желания переселяться, понимая, что новое переселение совершенно разорит их. Они даже просили расселить их по разным абазинским аулам, надеясь с помощью старожилов поправить свое хозяйственное положение. Но в 1867 г. кувинцы все-таки были переселены в Зеленчукский округ⁷⁵. Таким образом, царская администрация немало способствовала разорению абазинского населения и увеличению имущественной дифференциации среди абазин.

Деление населения по имущественному признаку на богатых, середняков и бедноту приобретало все большее значение в общине после реформы, хотя и принадлежность к определенному сословию продолжали учитывать. Однако чем дальше, тем более прочные позиции завоевывала богатая семья и в экономической и в общественной жизни пореформенного аула. Нарождался новый класс — кулачество, постепенно оттеснивший знатные фамилии при решении различных вопросов в общине на второй план.

К сожалению, установить точное число кулацких хозяйств в абазинских аулах не удалось. В Кумско-Абазинском ауле к началу XX в. существовало приблизительно 40 кулацких хозяйств, в Бибердовском ауле таких хозяйств было 30, в Лоовско-Кубанском ауле было 15 кулацких хозяйств.

По сведениям информаторов, в хозяйстве богача насчитывалось до 1000 овец, 200—300 голов крупного рогатого скота, 100 и более ло-

⁷⁴ ГАКК, ф. 774, оп. 2, д. 72, л. 62—62 об.

⁷⁵ Там же, л. 62.

шадей. В ауле Псыж (Дударуковский аул) зажиточная семья Джандубаевых имела 2000 овец, у Батгери Шебзухова из аула «Инджик-Чикун» было около 1000 лошадей. Хозяйство середняка Хамзета Цекова (аул «Инджик-Чикун») состояло из 150 овец, 2 быков, 2 лошадей, 10 коров, 8 буйволов и молодняка⁷⁶.

Но наряду с богатыми и середняцкими семьями были и такие, которые вовсе не имели скота. Об интенсивности процесса расслоения абазинского населения можно судить и по косвенным данным: в абазинской лексике появляется много терминов, характеризующих именно экономическое положение членов общины: байа — богач, рыцхIа — бедный, мчымъа — бедный, факъра — нищий, чрын — батрак, кутане — середняк и др.

Во многих абазинских пословицах отражены взаимоотношения богача и бедняка: «Глаза богача смотрят на пояс (из холста) бедняка», «Из хампала (вареная лепешка из кукурузной муки. — Е. Д.) бедняка богач берет свою долю», «Топор бедняка затупляет богач»⁷⁷.

Категория маломощных, неимущих хозяйств пополнялась главным образом за счет бывших зависимых сословий — унавы и лыг, перешедших после отмены крепостного права в сословие анхаю, и обнищавших анхаю.

В 70-е годы XIX в. в абазинских аулах по примеру казачьих станиц появилась категория иногородних жителей. В иногородние попадали крестьяне, в том числе и горцы, прибывшие в аулы после размежевания аульных наделов. Иногда иногородние селились отдельным хутором. Такие хутора в конце века известны вблизи Бибердовского, Дударуковского, Кувинского, Кумско-Лоовского, Шахгиреевского аулов. Число иногородних в абазинских поселениях различалось, но в целом было не столь велико, как в станицах. По сведениям 1894 г., наименьшее количество иногородних (1,2%) зафиксировано в Кумско-Лоовском ауле, наибольшее (26,7%) — в Дударуковском. В последующие годы численность иногородних во всех абазинских аулах, за исключением Кувинского, снизилась (таблица 7). Очевидно, часть их была принята в коренные жители и наделена землей наравне с другими общинниками. Иногородние, лишённые главного средства производства — земли, бедствовали и составляли резерв наемной рабочей силы в аулах горцев. Но и среди иногородних имелись зажиточные, занимавшиеся преимущественно скотоводством предпринимательского типа. Уже упоминалось, что в Дударуковском и Шахгиреевском аулах тонкорунное овцеводство находилось исключительно в руках иногородних. Деление населения на коренных и иногородних еще более обостряло социальные противоречия в пореформенной абазинской аульной общине.

Исследование структуры абазинской общины 30—90-х годов XIX в. показывает, что сельская община этого периода — явление сложное и постоянно развивающееся. Социальные и общественные группы, из которых она состояла, строились на различной основе. Любой член

⁷⁶ Полевые материалы СКЭЭ МГУ, тетр. 10 (из архива учителя М. Гапова); тетр. 2, с. 14, 37 и др.; тетр. 4, с. 16, 34; тетр. 1, с. 1; тетр. 7, с. 43.

⁷⁷ Абазинско-русский словарь, с. 112; Полевые материалы СКЭЭ; Табулов З. Абазинские пословицы. — ТКЧНИИ, вып. 2. Ставрополь, 1954, с. 307.

Коренные и иногородние жители в абазинских аулах в 1894 и 1915 гг.*

Аул	1894 г.					1915 г.				
	общее число жителей	в том числе				общее число жителей	в том числе			
		коренные	%	иногородние	%		коренные	%	иногородние	%
Бибердовский . . .	1142	1027	89,9	115	10,1	1559	1502	96,3	57	3,7
Дударуковский . .	1780	1305	73,3	475	26,7	2058	1882	91,5	176	8,6
Клычевский . . .	964	805	83,5	159	16,5	1611	1495	92,8	116	7,2
Кувинский	1511	1322	87,5	189	12,5	2042	1734	84,9	308	15,1
Кумско-Лоовский .	1557	1539	98,8	18	1,2	2120	2109	99,5	11	0,5
Лоовско-Зеленчук- ский	873	811	92,9	62	7,1	1336	1270	95,0	66	5,0
Лоовско-Кубанский	1366	1301	95,2	65	4,8	2091	1984	94,9	107	5,1
Шахгиреевский . .	893	775	86,8	118	13,2	1101	1067	96,9	34	3,1

* Кубанская справочная книжка 1894 г. Екатеринодар, 1894, с. 78—79; Кубанский календарь на 1915 г. Екатеринодар, 1915, с. 444, 464, 478, 484, 486, 492, 558. Проценты на 1894 г. уточнены, а на 1915 г. подсчитаны мной. — Е. Д.

сельской общины, будучи членом определенной семьи, семейно-родственной группы, был в то же время представителем определенного сословия, класса, имущественной группы. Каждый общинник выражал в общине интересы своего класса, своего сословия, своей имущественной группы.

СЕМЬЯ И ПАТРОНИМИЯ В СИСТЕМЕ ОБЩИНЫ

Когда мы говорим «соседская, территориальная» община, то подразумеваем, что в ней преобладали соседские, территориальные, то есть неродственные связи. Однако отрицать вовсе значение кровного родства в соседской общине нельзя. У народов Северного Кавказа значение кровного родства еще в XIX в. было настолько велико, что многие исследователи, обращая внимание прежде всего на этот тип связи, значительно архаизировали отношения народов Северного Кавказа и приходили к выводу о сохранении у них патриархально-родовых отношений⁷⁸.

В повседневной жизни северокавказских народов социальные группы, строившиеся на родственной основе (прежде всего семья — большая или малая и широкий круг родственных семей, происходящих от

⁷⁸ Ф. И. Леонтович, например, характеризовал общественный строй Кабарды начала XIX в. как «патриархально-родовой» (см.: Леонтович Ф. И. Алаты кавказских горцев, вып. 1. Одесса, 1883, с. 413). М. М. Ковалевский считал, что в Дагестане существовал «тухумный» строй. Он сравнивал дагестанский тухум с ирокезским родом (см.: Ковалевский М. Закон и обычай на Кавказе, т. II. М., 1890, с. 140); Н. И. Карлгоф указывал на сохранение у адыгов родовых форм и отношений (см.: Карлгоф Н. И. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря. — РВ, 1860, т. 28).

одного общего предка, именуемый в советской литературе патронимией), составляли основные структурные элементы общины. Постараемся выяснить их характер и реальные функции в общине абазин.

Семья

Соседская община состояла из совокупности семей. При этом жизнедеятельность любого члена общины протекала прежде всего в недрах семьи. Семья,— писал К. Маркс,— «представляет собой продукт общественной системы»⁷⁹, поэтому с развитием общества менялись ее формы.

В XIX в. у абазин существовали две формы семьи: малая индивидуальная, состоявшая из одного — трех поколений ближайших родственников, и большая семья, включавшая две и более брачные пары. Основной формой во второй половине XIX в. становится малая индивидуальная семья.

Наиболее архаичная большая семья, возникновение которой исследователи относят к эпохе первобытнообщинных отношений, у абазин-тапантинцев называлась «тгIачва-ду», у шкаровцев — «тахIчваду». Существовали и другие названия: унагIважв (буквально — старая семья; сравните с адыгским унэгъожъ — старая семья⁸⁰), чуанкI йацтачаз (буквально — евшие из одного котла). У абазин число больших семей (тгIачва-ду) во второй половине XIX в. было еще значительным. В ЦГВИА сохранились списки жителей некоторых абазинских аулов. В посемейном списке одного из аулов князей Лоовых, составленном в 1865 г., перечислено 91 семейство. Каждый регистрационный номер включает семью владельца из свободного сословия и принадлежащие ему семейства крепостных крестьян. Из 91 семейства лиц свободных сословий больших семей насчитывалось 29, приблизительно 30%. Это были семьи, состоявшие главным образом из родителей и их женатых сыновей — «отцовская» большая семья, либо семьи нескольких женатых братьев — «братская» большая семья.

Большие семьи в среднем состояли из 7—20 человек. Более многочисленных семей в данном списке не встречается. Например, семья Кочана Копсергенова состояла из отца и матери, их двух женатых сыновей с детьми, неженатых сыновей, трех незамужних дочерей, вдовы умершего сына с детьми — всего 17 человек. Семья Хожи Цекова состояла из 12 человек — трех женатых братьев, одного неженатого и их сестры. Это был обычный состав абазинской большой семьи во второй половине XIX в., хотя другие источники и полевые материалы дают сведения о существовании в этот период и более многочисленных семей. В семье башилбаевского князя Джамбота Етлукова в 50-х годах XIX в. насчитывалось 35 человек (8 брачных пар), в семье башилбаевца Идриса Ганифанова было 32 человека (6 брачных пар), семья Тлисовых из аула Апсуа состояла из 49 человек, семья Апсовых

⁷⁹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. IX. М.—Л., 1941, с. 37.

⁸⁰ См.: Меретуков М. А. Семейная община у адыгов. — УЗ АНИИ, вып. 11. Майкоп, 1970, с. 252.

из бывшего Лоовско-Кумского аула состояла из 60 человек, семья Баяловых из аула Псаучье-Дахе — из 52 человек и т. д.⁸¹

Но очевидно, к концу XIX в. таких семей оставалось уже немного. Уменьшение численного состава больших семей служит одним из показателей их постепенного распада. Однако процесс этот продолжался в течение длительного времени, и большая семья даже на последнем этапе своего существования устойчиво сохранялась в абазинской общине. Долгое бытование большесемейных общин вызывалось объективными социально-экономическими факторами: комплексным характером традиционного полунатурального хозяйства, низким уровнем развития производительных сил, рутинным состоянием техники и т. п.

В ряде исследований показано, что большая семья наиболее устойчива у тех народов, для которых характерна отгонная система скотоводческого хозяйства. Армянский этнограф Ю. И. Мкртумян пишет: «...В тех районах, где практиковалась отгонная система содержания скота, создавались реальные предпосылки для сохранения больших семей»⁸². Этот вывод подтверждают и наши источники.

Отношения внутри семьи (и малой, и большой) строились с соблюдением строгой иерархии: все члены семьи подчинялись ее главе (отцу или старшему брату), младшие — старшим, женщины — мужчинам. Глава большесемейной общины — отец (аба), а после его смерти старший сын (аща-ду) обладал большими правами и властью в семье. Он распределял работу между членами семьи, проверял ее исполнение, совершал закупки для семьи, заключал договоры и пр. В семье соблюдалось строгое половозрастное разделение труда. Домашней работой занимались только женщины, скотоводческое хозяйство и земледельческие работы осуществляли мужчины. Хамид Кужев из аула Старо-Кувинский рассказывал: «Нас у отца было пять сыновей. Жили в одном доме. Два моих брата только в поле работали, один — пас коров, а я 23 года пас овец»⁸³. Глава семьи представлял свою семью в семейно-родственном коллективе — тухуме и в общине — кыт; он участвовал в общесельских и тухумных сходах, имел право выбирать аульную администрацию, защищал интересы своей семьи. И часто не только экономическое положение семьи или ее многочисленность, но и личные качества главы семьи определяли отношение к ней аульчан и взаимоотношения между отдельными семьями.

Среди женщин в доме старшей всегда была свекровь — акважва (буквально — госпожа, сравните с адыгским гуаше — госпожа). После смерти матери старшей среди женщин становилась жена старшего брата (атаца-ду — старшая невестка).

Многочисленная большая семья жила в разных домах, но в одном дворе. 2—3 брачные пары занимали обычно один большой дом (атыдзы-ду)⁸⁴, где каждая пара имела свою комнату.

⁸¹ ЦГВИА, ф. 14 257, оп. 3, д. 506, л. 10—26, д. 486, л. 145, 148 об.; Полевые материалы СКЭЭ МГУ, тетр. 10, с. 17, тетр. 3, с. 55.

⁸² Мкртумян Ю. И. Скотоводство и быт населения в армянской деревне в XIX в. — СЭ, 1968, № 4, с. 27.

⁸³ Полевые материалы СКЭЭ МГУ, тетр. 9, с. 32.

⁸⁴ В настоящее время термином «атыдзы-ду» у абазин называется зимний дом.

Рис. 14. Пожилая абазинка в национальной одежде (конец XIX в.). Фотография Д. И. Ермакова

Большая семья была коллективным собственником всего семейного имущества. Крепостные крестьяне, скот, постройки, различные вещи — все это составляло собственность целой семьи, но право распоряжения ею было неодинаковым. Преимущественным и подчас бесконтрольным правом пользовался глава семьи; в его власти было продать или купить, подарить или отдать в долг что-либо из семейной собственности. Он мог лишить наследства своих детей. В 1867 г. жители Дударуковского аула жаловались начальнику Кубанской области на то, что дети штабс-капитана Асламбека Дударукова «занимаются распашкой земли и сенокошением на земле Дударуковского аула и проживают в самом ауле», хотя их отец имел 1000 десятин земли. Асламбек Дударуков, узнав об этом, сообщил, что «детей к себе не возьмет, так как они в свое время вышли у него из повиновения и «делали ему дерзости», за что он ли-

шил их наследства...»⁸⁵. В братских неразделенных семьях воля и власть старшего брата — главы семьи — не были столь неограниченными, как в отцовской большой семье власть отца, хотя старшинство, несомненно, имело определенное значение.

Интересен для исследования отношений внутри братской большой семьи документ (1840 г.), в котором отразились взаимоотношения братьев Эдыка и Саралыпа Лоовых, совладельцев общего имущества, доставшегося им после смерти отца. Это имущество состояло из крепостных крестьян-лыгов и рабов-унавы — всего 74 души, скота — 1500 баранов и 300 коз, хозяйственных и надворных построек и различных вещей⁸⁶. Саралып и Эдык Лоовы добровольно согласились быть совладельцами имущества «при всем народе Лоова, в присутствии почетных стариков и князей фамилии Лоовых с их эфендием». Судя по этому документу, братья жили в разных домах, но должны были «сидеть вместе, в одной кунацкой, как братья. Есть и пить вместе. Также жены их должны быть вместе, как родные сестры». Никто из братьев не имел права распоряжаться имуществом без совета другого, не мог отпустить на волю крестьянина без общего согласия; все товары, покупаемые для семейства, «должна разделить на две равные части же-

⁸⁵ ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 324, л. 1—2.

⁸⁶ ЦГВИА, ф. 13 454, оп. 2, д. 284, л. 242.

на старшего брата, а меньшего выберет, какую захочет, из двух частей». Все, что купил, нашел или приобрел каким-либо другим способом один брат и принес в дом, становилось собственностью другого. «Если кто из них найдет какую-либо вещь, он может подарить оное, пока он в дороге. Когда же прибудет домой, не смеет дарить без совета брата», — отмечалось в «Договоре»⁸⁷.

Таким образом, братья-наследники имели одинаковые права не только на ту часть имущества, которую они унаследовали от отца, но и на то движимое или недвижимое имущество, которое приобретал каждый из них. На деле распоряжение общим имуществом братьев было неравным. Старший брат, в силу своего старшинства, часто без совета и уведомления младшего брата совершал различные сделки. Так, Саралып без ведома

Эдыка отпустил на волю семейство крепостных крестьян за выкуп, а позже отпустил на волю Мусу Тудукова; купил у узденя Шолоха Трамва лошадей, отдав за 2 лошади 100 баранов⁸⁸, и т. д.

Уже в пункте 3-м «Договора» оговаривалось: «Все имеющееся у них из вещей должно храниться в доме старшего брата»⁸⁹. Такое условие ставило братьев в неравное положение по отношению к их общему имуществу. Подобное неравенство в братской неразделенной семье приводило к естественному стремлению младших выделиться и вести самостоятельное хозяйство; старшие же, напротив, старались сохранить семью нераздельной.

К сожалению, у нас нет столь же подробных сведений о взаимоотношениях внутри больших семей свободных крестьян — анхаю. Однако, несомненно, что и в семьях анхаю и азатов-вольноотпущенников существовала подобная же тенденция к выделу младших братьев из состава больших братских семей. И если в знатных фамилиях большая семья сохранялась особенно устойчиво, потому что одной из главных причин ее бытования было желание сохранить в целостности имущество всей семьи, то в бедных семьях разделу препятствовали, чтобы не расплыть рабочую силу. Это особенно нужно было в условиях

Рис. 15. Молодая абазинка в национальной одежде (конец XIX в.). Фотография Д. И. Ермакова

⁸⁷ ЦГВИА, ф. 13 454, оп. 2, д. 284, л. 252—252 об.

⁸⁸ ЦГВИА, ф. 13 454, оп. 2, д. 284, л. 244—244 об.

⁸⁹ Там же, л. 252—252 об.

комплексного хозяйства — отгонного скотоводства и пашенного земледелия.

Однако во второй половине XIX в. раздел больших семей становится обычным явлением; причем, как правило, братские неразделенные семьи оказывались менее устойчивыми и распадались быстрее. В. П. Невская, исследовавшая карачаевскую семейную общину, также отмечает, что «случаи раздела семей чаще всего происходили после смерти отца»⁹⁰.

При разделе таких семей имущество между братьями делилось поровну, а дом обычно доставался старшему брату. Такой же порядок существовал и у других народов Северного Кавказа. Например, при разделе семьи Батирбиевых (в 1897 г.) из Кувинского аула дом остался старшему брату — Тлоху, но он помогал братьям построить дома. Весь скот поделили поровну, но младшие братья из своей доли отдали старшему по нескольку овец в знак уважения⁹¹.

Раздел братской большой семьи сразу после смерти отца, либо спустя некоторое время — один из обычных путей дробления больших семей. Другой путь — отделение старшего сына при его женитьбе. Отец выделял ему скот, землю, помогал построить дом. Для разделившихся семей существовали особые термины, например: унагIвашIып (недавно выделившееся хозяйство), кIвыдазлара (жить отдельно). С увеличением частнособственнических тенденций процесс распада больших семей убыстрялся, и малая семья становится господствующей формой семьи. Одной из причин, способствовавших разделу больших семей, были подымные земельные переделы, введенные в 60—70-х годах XIX в.

Процесс распада больших семей способствовал увеличению различных производственных объединений по совместному труду. Число работников в семье уменьшалось, а традиционная хозяйственная деятельность, оставаясь прежней, требовала усилий многих людей. Поэтому на первых порах тесные связи между распавшимися семьями в области хозяйственной жизни сохранялись и принимали формы объединений по совместному выпасу скота, обработке земли и пр.

Однако связи между родственными семьями сохранялись не только в области организации трудовой деятельности; гораздо прочнее они оказались в других областях — бытовой и идеологической. Широкие родственно-семейные коллективы — патронимии, существовавшие и на последнем этапе первобытнообщинного строя и в классовом обществе, еще и во второй половине XIX в. бытовали в сельской общине абазин.

Патронимия

Патронимия — это группа родственных семей, ведущих происхождение от одного общего предка и связанных определенным кругом

⁹⁰ Невская В. П. Пережитки родовой общины и семейная община у карачаевцев в XIX в. — В сб.: Из истории Карачаево-Черкессии. ТКЧНИИ, вып. 6. Ставрополь, 1970, с. 208.

⁹¹ Полевые материалы СКЭЭ МГУ, 1970/71 г., тетр. 9, с. 33.

взаимоотношений⁹². Патронимическая организация у различных народов Северного Кавказа изучена неодинаково: у осетин, карачаевцев, абхазов⁹³ патронимия изучена лучше, а у ногайцев и абазин исследованием патронимических отношений почти не занимались. Л. И. Лавров по поводу абазин отмечал только, что у них сохранялось деление на патронимии и большие семьи⁹⁴.

Абазинская патронимия в XIX в. чаще всего обозначалась заимствованным иранским словом «тухум» (ткъвым), что значит «семья». Но у абазин существовали и свои названия для семейно-родственной группы. Наряду с термином «ткъвым» употребляли, правда гораздо реже, термины «ажвла», «жвла» (семья). Еще реже применяли термин «абанпара» (сравните с абхазским абипара — сыновство по отцу). При определении близкого родства корень «абанпара» входит составной частью в слово, обозначающее поколение. Например: гІванабанпара — второе поколение, хынабанпара — третье поколение, пщынабанпара — четвертое поколение, хвынабанпара — пятое поколение, цыбанпара — шестое поколение, бжынабанпара — седьмое поколение⁹⁵. Очевидно, термин «абанпара» — наиболее древнее абазинское обозначение семейно-родственной группы. Об этом свидетельствует и его близость к абхазскому «абипара». Но, повторяем, в XIX в. для обозначения семейно-родственного коллектива у абазин широко применяли иранское название «тухум».

До переселения горных абазин в предгорные районы, у них существовали две формы патронимии — рассеянная патронимия и патронимические общины. Эти формы выделил З. Н. Ванеев, изучая осетинскую патронимическую организацию — фыды-фырт (отца сын)⁹⁶. Рассеянная патронимия была характерна для горных абазин-шкаровцев. В русских донесениях часто упоминаются «хутора» в землях кизилбековцев и башилбаевцев, расположенные поблизости один от другого⁹⁷. Очевидно, каждый такой хутор представлял собой патронимическое небольшое поселение — квей. Полевые материалы подтверждают, что в прежнее время существовали аулы, населенные лишь родственными семьями-однофамильцами. В середине XIX в. недалеко от Кумско-Абазинского аула находилось поселение Чамбовых. Муса Тлисов из аула Апсуа сообщил, что когда-то все Тлисовы занимали один аул — аул Цишба⁹⁸, и т. д. В соседской общине, состоявшей из патро-

---

⁹² Некоторые исследователи считают термин «патронимия» неудачным, так как наряду с патронимией существовали и матронимии, то есть группы родственных семей, ведущих происхождение от общего предка по женской линии (см., напр.: Крюков М. В. О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации. — СЭ, 1967, № 6, с. 87—88). Однако термин «патронимия» прочно вошел в советскую этнографическую литературу.

⁹³ См.: Ванеев З. Н. Указ. соч.; Невская В. П. Пережитки родовой общины и семейная община у карачаевцев в XIX в., с. 174—225; Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы.

⁹⁴ См.: Лавров Л. И. Указ. соч., с. 7.

⁹⁵ Полевые материалы СКЭЭ МГУ, 1970/71 г., тетр. 10, с. 26.

⁹⁶ См.: Ванеев З. Н. Указ. соч., с. 46—47.

⁹⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6652, л. 4, 7.

⁹⁸ Полевые материалы СКЭЭ МГУ, тетр. 10, с. 13 об.; Зверева Ю. И. К истории поселения абазин-шкарауа (первая половина XIX века). — В кн.: История,

нимий, живших отдельными поселками-квей, относительная самостоятельность и обособленность семейно-родственных групп были очевидными.

Вследствие переселения абазин в предгорные районы и укрупнения аулов рассеянный тип патронимии исчез. Основной формой соседской общины стала патронимальная община, в которой семейно-родственная группа занимала в ауле отдельный квартал. Кровно-родственные связи в такой общине разрушались быстрее.

Был ли абазинский тухум самостоятельной производственно-экономической ячейкой общины наряду с семьей? Во второй половине XIX в. он уже утратил свою самостоятельность. Как правило, семья, а не семейно-родственная группа, считалась собственником основных средств производства, имущества; она же выступала и основной хозяйственной ячейкой. Можно говорить лишь о сохранявшихся патронимических связях, оказывавших влияние на структуру и разные стороны жизни сельской общины. Правда, между отдельными семьями, составляющими тухум, в какой-то степени сохранялось хозяйственное единство. До 60-х годов некоторые тухумы совместно пользовались отдельными видами земельных угодий. Семейно-родственная группа Кужевых из аула Дударуковского занимала отдельную балку, которая называлась «балка Кужевых». Все семьи Кужевых косили там сено, причем строгого распределения сенокосных участков не было: каждая семья косила столько, сколько ей было необходимо. Балкой «Дулак-Икор» недалеко от Кумско-Лоовского аула пользовался тухум Пшуновых; недалеко от станицы Бекешевской есть балка «Джанытбайкор», находившаяся во владении Джандубаевых⁹⁹, и т. д.

Следовательно, у абазин еще и в середине XIX в. родственные семьи совместно пользовались отдельными земельными угодьями (в данном случае сенокосными). В то же время основной землевладельческой единицей была уже отдельная семья (тгачва), а не тухум. Однако в сознании абазин сохранялись представления о кровно-родственных связях, пусть даже угасающих. Недаром после земельных преобразований 60—70-х годов XIX в. и введения переделов общинной земли сохранялось стремление однофамильцев иметь участки рядом, и если при жеребьевке это не всегда удавалось, то разрешали обмен участками¹⁰⁰.

С проникновением в абазинский аул капиталистических отношений и с разрушением полунатурального хозяйства экономические связи между отдельными семьями тухума все более ослабевали. Дольше всего они сохранялись в сфере организации производства.

Итак, абазинский тухум не был самостоятельной производственно-экономической ячейкой соседской общины. Особенно ярко тухумные связи проявлялись при расселении: осознание единства происхождения заставляло однофамильцев селиться рядом, в одном ауле, в одном квартале. Квартал, заселенный однофамильцами, назывался у

этнография и культура народов Северного Кавказа. Межвузовский сборник статей. Орджоникидзе, 1981, с. 113.

⁹⁹ Полевые материалы СКЭЭ МГУ, 1970/71 г., тетр. 4, с. 33, тетр. 10, с. 12, 13.

¹⁰⁰ Полевые материалы СКЭЭ МГУ, тетр. 4, с. 26, 51, 64 и др.

абазин хабль, или кІьядыгв. Внутри патронимического квартала все дворы соединялись между собой — в изгородях имелись особые лазы (гІайырта, или кІылсырта), и можно было свободно переходить из одного двора в другой, не выходя за пределы тухумного квартала. Точно такие же лазы существовали и в черкесских, и в абхазских селениях¹⁰¹. Расселение внутри аула родственными кварталами — наиболее устойчивая черта патронимических отношений.

В абазинском тухуме обычно был старший — ахІба. Это не было выборное лицо: старейший по возрасту член тухума считался его тамадой, а его жена была старшей среди женщин. Ее называли «нанажв». В компетенцию ахІба входило разрешение споров между отдельными семьями тухума или отдельными хаблями. Со старшим советовались по разным бытовым вопросам, например: где построить дом, когда устроить свадьбу. АхІба организовывал помощь бедным родственникам. Он был как бы хранителем тухумных традиций. И сейчас в абазинских аулах сохраняется обычай советоваться с самым старшим мужчиной или с самой старшей женщиной фамилии. Никакими особыми правами и дисциплинарной властью над членами тухума ахІба не обладал.

Наличие общефамильного знака собственности — тамги (дамыгъа) — также одна из черт патронимических связей и свидетельство тесных хозяйственных контактов в патронимии в прошлом. Во второй половине XIX в. фамилия, как правило, имела единую тамгу, но отдельные семьи договаривались между собой, как каждая из них будет клеймить свой скот (скажем, одна семья ставила клеймо на правую ляжку лошади и крупного рогатого скота, вторая семья — на левую и т. д.). Однако в то же время существовали уже и семейные тамги. Это обычно начальная буква имени родоначальника семьи. Некоторые абазинские фамилии, например, Хатковы, Айсановы, Молхозовы, Шановы имели разновидности своей фамильной тамги.

Тамга хранилась обыкновенно в семье старшего представителя семейно-родственной группы и считалась фамильной реликвией. Знак собственности ставили и на различные бытовые предметы — посуду, притолоку. Фамильную тамгу наносили и на надмогильные камни. Каждая семейно-родственная группа имела свой участок на кладбище, где хоронили членов только данного тухума. Во время похорон единство и тесная связь родственных семей проявлялись особенно ярко. На похороны непременно собирались все родственники, оказывая материальную и моральную поддержку семье, которую постигло горе. На несколько дней родственники, а позже и соседи освобождали членов этой семьи от домашних и хозяйственных забот.

Интересен обычай раздачи родственникам одежды умершего, долго сохранявшийся среди абазин; о нем упоминает Л. И. Лавров¹⁰². Этот обычай (чгІвычаштІыхра) — одно из проявлений патронимического единства.

Наиболее устойчивая черта патронимической организации — ее экзогамия. Однофамильцы ни в коем случае не могли вступать в брак.

¹⁰¹ См.: А д ж и н д ж а л И. Жилища абхазов. Сухуми, 1957, с. 13.

¹⁰² См.: Л а в р о в Л. И. Указ. соч., с. 7.

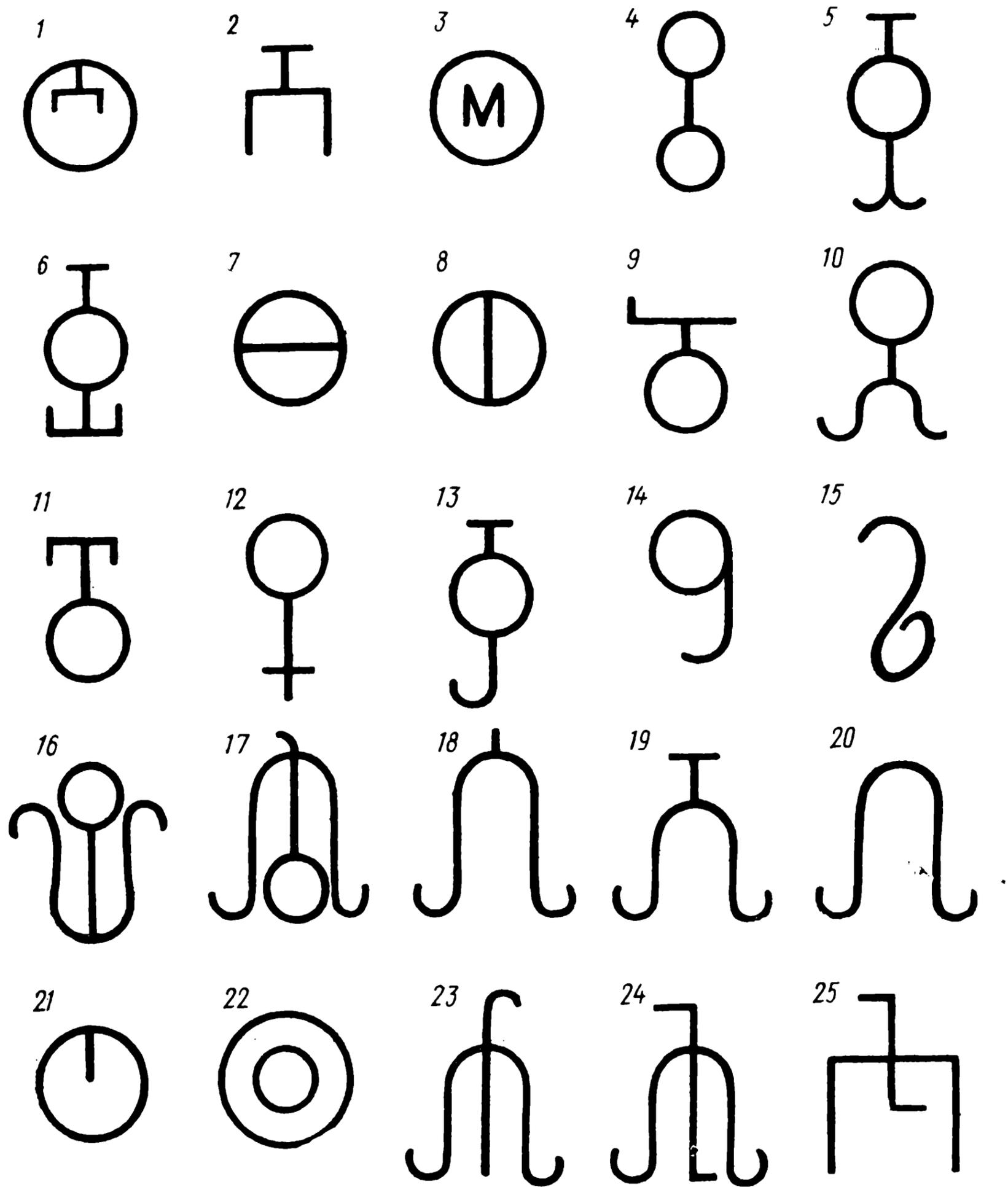
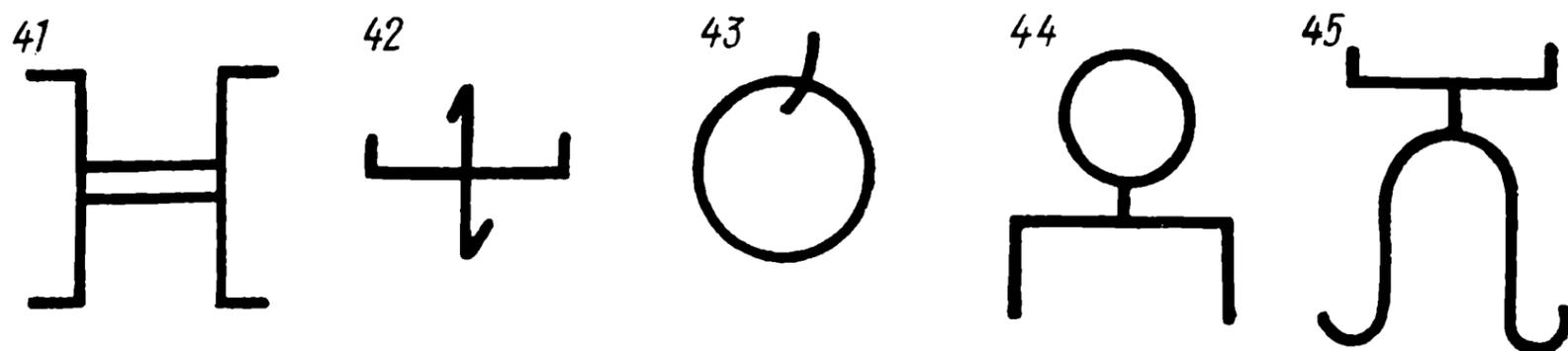
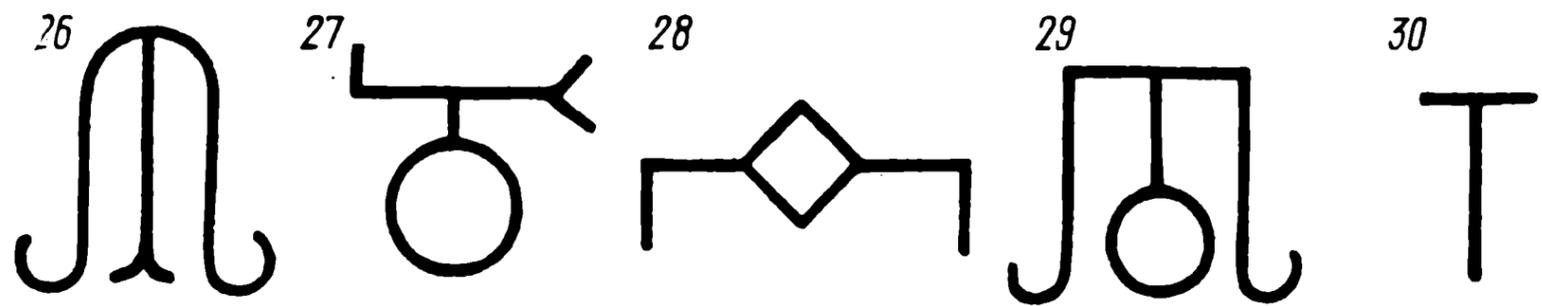

Рис. 16. Тамги некоторых абазинских фамилий: 1-3 — Айсановы, 4 — Лавовы, 5, 6 — Кужеваы, 7, 8 — Какупшевы, 9 — Кмузовы, 10 — Урчуковы, 11 — Гошевы, 12 — Хатковы, 13 — Кячевы, 14 — Киковы, 15 — Батирбаевы, 16 — Физиковы, 17 — Дахуновы, 18 — Нина, 19 — Чачевы, 20 — Чоговы, 21 — Лиевы, 22 — Джандаровы, 23, 24, 42 — Агирбовы, 25 — Кочиевы,

Семейно-родственная группа у абазин имела единые запреты. Так, в абазинском тухуме был единый запретный день — мышражв. В этот день нельзя было выполнять никаких работ. Происхождение запретных дней, как установила Л. Х. Акаба по абхазским материалам¹⁰³, в большинстве случаев связано с культом молнии. Например,

¹⁰³ См.: Акаба Л. Х. О некоторых религиозных пережитках у абхазов. — В сб.: Современное абхазское село. Тбилиси, 1967, с. 34.

26, 43 — Баловы, 27 — Темировы, 28, 41 — Джео (Джово), 29 — Егибоковы, 30 — Даговы, 31 — Косовы, 32, 33 — Биджевы, 34 — Хатковы, Апачевы, 35 — Шебзуховы, 36 — Тлисовы, 37 — Ионовы, 38 — Ерижевы, 39 — Хутовы, 40 — Джаманкуловы, 44 — Заурумовы, 45 — Озовы, 46 — камень, с высеченными на нем тамгами (аул «Красный Восток»)

в тухуме Кунижевых (аул Псыж) запретным днем для всех семей был вторник. По тухумным преданиям, именно в этот день во время грозы погибли двое детей одной из семей Кунижевых. Некоторые тухумы имели по несколько запретных дней.

Бытовое единство патронимии выражалось в трудовой и материальной взаимопомощи, которая была важнейшей обязанностью всех членов семейно-родственной группы. Трудовая помощь оказывалась

Рис. 17. Свадьба в Дударуковском ауле. 40-е годы XIX в. Акварельный рисунок из «Кавказского альбома». ГИМ

бедным семьям тухума или тем, где было мало мужчин, во время пахоты, сева, уборки урожая, при пастьбе скота. Материальную помощь получали в разных случаях жизни. Если у кого-нибудь из членов тухума не хватало на калым, то двое старших собирали недостающую часть со всех членов семейно-родственной группы. Закария Айсанов из аула Кубина сообщил, что заплатил за жену калым в 12 коров, которых ему помогли приобрести его родственники. В уплате «цены крови», когда существовала кровная месть, участвовали все однофамильцы; мстить за убитого должен был весь тухум.

Наряду с безвозмездной помощью широко практиковался обычай взаимопомощи. Он называется у абазин «ацацхърыгIара», или «чIхIахв» (буквально «делать в долг», сравните с адыгским «щIыхафы»). Обычай приглашать на помощь был широко распространен при самых разных видах работы, и не прийти считалось оскорблением. В XIX в. на чIхIахв приглашали не обязательно родственников. К этому времени чIхIахв превратился преимущественно в соседскую взаимопомощь. Однако сохранявшиеся обычаи свидетельствуют о том, что некогда чIхIахв был одним из видов родственной взаимопомощи. Известно, что при постройке дома на особенно трудоемкие работы созывали на помощь родственников и соседей. Когда обмазывали крышу (эту работу выполняли женщины), по окончании работ самая старшая

женщина по обычаю оставалась на крыше и не уходила оттуда до тех пор, пока ее ближайшие родственники не вносили за нее «выкуя» (деньги, продукты, мелкие вещи), который распределяли между всеми участниками чІхІахв. Аналогичный обычай соблюдался во время совместного изготовления самана¹⁰⁴.

Необходимо подчеркнуть, что во второй половине XIX в. соседские отношения приобретали в общине все большее значение. В различных семейных торжествах — свадьбе, праздниках, связанных с рождением и воспитанием ребенка, и других, — принимали участие уже не только родственники, но и соседи. Нарушалась замкнутость родственных коллективов абазин. Усиление соседских отношений нашло отражение и в абазинском фольклоре. Абазинские пословицы: «Лучше по одному родственнику иметь в каждом ауле, чем аул, полный родными» или «Твой сосед и твое сердце (оба одинаковы)»¹⁰⁵ — косвенное свидетельство этого процесса.

Таким образом, патронимические отношения в сельской общине абазин в XIX в. еще сохранялись. Но патронимия как определенная форма общественной организации к этому времени утратила свою самостоятельность, сохраняя лишь отдельные черты хозяйственной, общественной и идеологической общности. Условно патронимию абазин второй половины XIX в. можно назвать бытовой формой социальной организации.

Итак, территориальную сельскую общину абазин скрепляли не только соседские связи, но и отношения между родственными группами. Степень сохранности кровно-родственных связей находится в прямой зависимости от уровня развития общества. В абазинской сельской общине вместе с интенсивным процессом угасания кровно-родственных связей происходила замена их связями другого типа — соседскими. Этот процесс вызывали не только социально-экономические, но и политические условия развития общества: переселение большей части абазинского народа в Турцию, выселение абазин из горных районов в предгорные, расселение абазинских семей по разным аулам, укрупнение сельских общин.

¹⁰⁴ Полевые материалы СКЭЭ МГУ 1970/71 г., тетр. 10, с. 44, 46.

¹⁰⁵ Табулов Т. Указ. соч., с. 312, 313.

ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ АБАЗИНСКОЙ ОБЩИНЫ

Соседская община абазин, выступая в первой половине XIX в. замкнутой, автономной единицей общественно-политической системы абазинского народа, имела традиционные органы управления, которые, однако, находились в это время под значительным влиянием класса феодалов.

Во второй половине XIX в. в системе внутреннего управления аульной общины, как и в других областях ее жизни, произошли существенные изменения. После окончательного включения абазин в систему Российского государства община испытывала постоянное воздействие государственной власти. Оставаясь основной территориально-административной единицей, соседская община сохранила многие свои традиционные институты, но качественно изменившись. Теперь действия общинных органов управления регулировали свыше представители царской администрации. Фактически в пореформенный период соседская община потеряла свою самостоятельность и самоуправление.

С введением в 1868 г. в действие «Положения об устройстве аульных обществ, состоящих в ведении Военно-народных управлений Кубанской области»¹, нормы аульной жизни были строго регламентированы. В основу этого документа легли порядки, ранее существовавшие в общине, однако в новых условиях значение и функции отдельных общинных институтов заметно изменились.

ОБЩИНСКИЙ СХОД (кыт-айззара)

Высшим органом власти абазинской общины пореформенного периода, как и в предреформенные годы, считался общий сход общинников — кыт-айззара. До введения в действие «Положения об устройстве аульных обществ...» это было собрание всех взрослых мужчин аула, а после его введения — собрание глав домохозяйств.

Обычно сход собирали по мере надобности на открытом месте, чаще всего около мечети. Глашатай — крикун (гIвоу) оповещал жи-

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, д. 649.

телей о дне и времени собрания. Явка на него считалась обязательной. Во второй половине XIX в. на общинников, не явившихся на кыт-айззару без уважительной причины, накладывали штраф от 3 рублей и выше (в Кувинском ауле, например, он доходил до 10 рублей)².

Вопросы, обсуждавшиеся на общем сходе, касались самых разных сторон жизни аула. Одной из главных функций кыт-айззары до и после 1868 г. был прием новых членов в общину и удаление из аула неблагонадежных. Вопросы о перемещении аула с одного места на другое, о переселении кого-либо из жителей также подлежали обсуждению на общем собрании. Община могла воспротивиться переселению своих жителей в другой аул. Вот несколько примеров. В 1866 г. житель Хогондуковского аула Махмут Мекеров жаловался на общество Джантемировского аула, которое не допускало переселение к нему его вольноотпущенника Умара Огурлиева, несмотря на желание Умара переселиться. В 1868 г. жители Кумско-Абазинского аула на общем сходе составили приговор, по которому изъявляли согласие на переселение к ним 19 дворов из аула Хогондуковского³.

Особое значение после размежевания земель и введения земельных переделов приобрела землераспределительная функция общего схода. Здесь избирали доверенных от каждого квартала; они занимались распределением общинной земли сначала между кварталами, а потом между семьями внутри кварталов. В их компетенции находилось также урегулирование земельных споров.

Контролируя действия жителей аула, община противилась заключению сделок с чужими людьми, сдаче земельных наделов жителям других аулов, если на это не было согласия общего схода. В 1863 г. общий сход Дударуковского аула запретил своему крестьянину Джубатыру Куджеву совместные работы с казаком Морозовым. Когда Джубатыр Гайштуков, житель того же аула, без ведома кыт-айззары занял у казака Помазанова 20 мер пшеницы для посева с условием после уборки отдать ему половину урожая, Дударуковская община наложила арест на урожай этого крестьянина⁴.

На аульном сходе избирали должностных лиц общины: старшину (после введения царской администрацией этой должности в ауле), его помощника, судей и др. Однако мнение схода при выборе старшины часто было фикцией, так как решающее слово оставалось за представителем царской администрации.

Общинные дела решали только мужчины. Женщины, устраненные от участия в общественных делах, не только не имели права голоса на общинном сходе, но и не присутствовали на кыт-айззаре, даже если разбиралось дело, касающееся какой-нибудь жительницы аула⁵.

Все главы семей-домохозяйств имели право голоса на общем сходе, но, как и прежде, особым уважением пользовались старейшие жители, к мнению которых особенно прислушивались. Впрочем, еще в дореформенный период общинный сход не был сходом равных. Высшие

² ГАКК, ф. 774, оп. 2, д. 72, л. 39 об.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 2, д. 116, л. 30 об., 77 об.

⁴ ГАКК, ф. 774, оп. 2, д. 267, л. 20, 34 об.

⁵ Полевые материалы СКЭЭ МГУ, тетр. 7, 9, 10.

сословия имели больший вес в общине, и часто именно они задавали тон на сходе и под их давлением принималось то или иное решение. Тем более во второй половине XIX в., когда резко усилилась имущественная дифференциация, когда членами общины стали представители бывших зависимых сословий унавы и лыги, ни о каком равенстве общинников на сходе не могло быть и речи. Принадлежность к господствующему, феодальному классу определяла положение общинников, однако к концу XIX в. при решении общеаульных дел повысилось значение зажиточного элемента из рядовых общинников. Информаторы подчеркивают, что на общих собраниях богатые «верховодили», в то время как бедняки лишь присутствовали.

Постепенно с разложением феодальной системы, которую подрывали элементы развивавшегося капиталистического способа производства, именно экономическая мощь семьи, посылавшей своего представителя на сход, приобретала все больший вес. Процветавшая в пореформенной общине система штрафов за неявку на сход — следствие положения, когда, по существу, сохранялась лишь видимость демократического решения вопросов, а на деле богатые семьи вершили всеми делами в ауле. Больше того, нередко решения, принимаемые сходом, были простой формальностью, так как предreshались заранее представителями царской администрации и должностными лицами аула.

Таким образом, в пореформенный период общинный сход все более трансформировался и становился выразителем интересов не всей общины, а лишь определенного круга общинников — знатных и зажиточных. И хотя кыт-айззара продолжал функционировать, его значение как общинного органа самоуправления в жизни пореформенной абазинской общины понизилось.

СТАРШИНА И ДРУГИЕ ДОЛЖНОСТНЫЕ ЛИЦА ОБЩИНЫ

В дореформенной общине абазин во главе ее, как правило, стоял князь — аха, самый старший представитель княжеской фамилии. Должность старшины-князя была наследственной.

После введения в 1868 г. «Положения об устройстве аульных обществ...» должность старшины стала выборной. Теперь старшина был не только главой общины, но и представителем государственной власти в ауле. Он уже не так, как прежде, зависел от воли общего схода общинников и потому часто превышал свои полномочия.

Старшину избирали на общем сходе на один год, а с 1896 г. — на 3 года. Но если старшина не справлялся со своими обязанностями или если общество аула было недоволено им, царская администрация могла снять его досрочно, и вместо него избирали другого. Например, в 1897 г. в Лоовско-Зеленчукском ауле старшина Крым-Гирей Лиев был отстранен от должности за злоупотребления, а вместо него был назначен Магомет Лиев; в Лоовско-Кумском ауле вместо старшины Магомет-Али Шереметова был назначен Магомет Лафишев⁶.

⁶ ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 853, л. 2, 75.

В первые годы после территориально-административных реформ должность аульного старшины занимали, как правило, представители знатных и влиятельных фамилий, чаще бывшие владельцы аулов, ставшие теперь старшинами и утвержденные в этой должности царской администрацией. Вот список старшин и их помощников в абазинских аулах в 1866 г.:

Кумско-Лоовский аул	— старшина — князь, полковник Магомет-Гирей Лоов; его помощник — Магомет Лоов;
Лоовско-Зеленчукский аул	— старшина—князь, прапорщик Касаса Лоов; его помощник — Саралып Лоов;
Дударуковский аул	— старшина — князь Дударуко Дударуков; его помощник — агмиста-ду Джамбот Шереметов;
Шахгиреевский аул	— старшина — князь Ахмет Цекишев; его помощник — князь Саламбий Цекишев и т. д. ⁷ .

Таким образом, старшинами в аулах первоначально оставались те же князья, стоявшие во главе общин до 1868 г., и существо их руководства общиной оставалось прежним.

Царизм и царские чиновники всегда стояли на страже интересов старшин-князей. В 1867 г. старшина Дударуковского аула Дударуко Дударуков, поссорившись с вольноотпущенником этого же аула Ахмедом Хаупшевым, ранил его из пистолета. Когда пострадавший обратился в суд, судьи признали его виновным «в неуважении к аульному своему начальству, дерзком выражении и брани, отнесенным противу народного обычая к владетельному лицу или аха и, кроме этого, в неуважении к офицеру русской службы (Дударуко Дударуков был прапорщиком царской армии. —Е. Д.)»⁸. Старшина Дударуко Дударуков, явно превысивший свои служебные полномочия, прибегнувший даже к огнестрельному оружию, не получил никакого порицания за свои действия.

Но постепенно состав аульных старшин менялся. Если первоначально старшинами избирали преимущественно представителей княжеских фамилий (Лоовы, Дударуковы, Бибердовы, Заурумовы и т. д.), то позже на эти должности попадали наиболее богатые, влиятельные и преданные царизму люди. Тенденция выбора старшины из высших сословий сохранялась, но это уже не обязательно были аха. Достаточно посмотреть, например, список старшин абазинских аулов 1896 г.:

Лоовско-Кумский аул	— агмиста Магомет-Али Шереметов,
Лоовско-Зеленчукский аул	— агмиста-ду Крым-Гирей Лиев,

⁷ ГАКК, ф. 774, оп. 2, д. 306, л. 101—102.

⁸ ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 433, л. 3—5.

Дударуковский аул
Клычевский аул
Бибердовский аул
Лоовско-Кубанский аул

— аха Амербий Дударуков,
— агмиста Хаджи Бекир Кмузов,
— агмиста Закерия Табулов,
— агмиста-ду Шахим Лиев, а позже
Магомет Лафишев⁹ и т. д.

Царская администрация не только контролировала избрание должностных лиц, не только утверждала избранных на сходе старшин, но и подчас сама назначала старшин в аулы. Так, в 1866 г. управлять шкардовским Кувинским аулом был назначен князь, корнет Дударуков, а позже — князь Саралып Лоов¹⁰.

В компетенцию старшины входило следить за общественным порядком в ауле, за своевременным сбором налогов, созывать общий сход и пр. Он же мог единолично разбирать мелкие судебные дела (драки, мелкое воровство, ссоры, потравы и т. д.) и назначать наказания — штраф или принудительные общественные работы. Крупные сложные дела старшина не мог решать один, а лишь в присутствии членов аульного суда или кого-либо из старейших жителей аула.

В помощь старшине на общем сходе избирали помощника, обычно одного, но в некоторых аулах их было два. Аул Клычева делился на 2 части — часть жителей жила на земле князей Клычевых, а другая часть — на общественной земле. В связи с этим в ауле избрали помощников (в 1866 г.) Ибрагима Аджиева и Эрежеба Морчанукова. В Кувинском ауле в том же году избрали помощниками старшины Нарча Джелкоганова и Калимета Куджева¹¹. Чаще старшина имел одного помощника. Первоначально это был представитель княжеской фамилии или агмиста-ду (как и старшина), а позже — представитель наиболее богатой и влиятельной семьи. В отсутствие старшины помощник исполнял его функции.

Старшина назначал 2—3 муртазаков, которые исполняли полицейские функции в ауле и подчинялись непосредственно старшине.

На общем сходе выбирали гвоу — крикуна, глашатая, который оповещал жителей общины о сходе. Обычно глашатай был из бедных. Еще сход избирал 2—3 доверенных лиц. В некоторых аулах (например, в Бибердовском) это была «Земельная комиссия», которая следила за порядком посева и своевременным началом уборки урожая¹².

Должностные лица общины получали жалованье от аульного общества и пользовались некоторыми льготами: они были освобождены от натуральных повинностей, которые исполняли за них члены общины. Кроме того, жители аула обычно вспахивали старшине, а часто и его помощнику землю и выполняли другие работы в их хозяйстве¹³.

⁹ ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 853, л. 2, 75.

¹⁰ ГАКК, ф. 774, оп. 2, д. 72, л. 38 об.

¹¹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, д. 306, л. 101—102, д. 72, л. 38 об.

¹² Полевые материалы СКЭЭ МГУ, тетр. 7, с. 43, тетр. 3, с. 46, 51, 67.

¹³ Там же, тетр. 7, с. 9, 11, 43 и др.; тетр. 3, с. 53, 57, 68 и др.

Совет старейшин был у абазин одним из наиболее древних традиционных общинных институтов. Принцип старейшинства существовал уже в родовой общине. Институт старейшин способствовал формированию общинно-родовой знати. Об этом свидетельствует, например, название княжеского сословия у абазин (ахІы). Слово «ахІы» (голова, предводитель) входит составной частью в наименования, обозначающие старшинство (ахІба — старший, ахІбара — старшинство, кІватанахІх — старший, руководитель пахоты и пр.). Недаром Н. Г. Петрусевиц, характеризуя сословный строй у абазин, относительно наименований «аха» (ахІы) писал: «Простые люди, нуждаясь в ком-нибудь, называют его «аха» (князь, господин), крестьяне про своих владельцев говорят «аха», подчиненные говорят «аха» про своих начальников или аульных представителей»¹⁴. Таким образом, первоначально термин «аха» (ахІы) обозначал старшего по возрасту, положению, а позже закрепился за господствующим, княжеским сословием и превратился в сословное наименование.

В пореформенный период, после введения в действие «Положения об устройстве аульных обществ...», в котором институт совета старейшин не был закреплен законодательно, этот самобытный общественный институт продолжал существовать в патронимии — тухуме, квартале — хабле, или кыте. Существовали и общинные советы старейшин — ахІбачва рхІаса. Патронимические советы старейшин и квартальные решали вопросы, касающиеся определенной патронимии, квартала. Общинный совет старейшин являлся одним из главных органов самоуправления в дореформенной общине.

Совет старейшин был выборным органом. В одних общинах его избирали на общем сходе, в других — старейшие жители общины выбирали из своей среды несколько наиболее уважаемых и достойных людей. Число старейшин в совете также различалось: в одних аулах, по сведениям информаторов, совет состоял из 3—4 старейшин, в других аулах — из 10—12 человек¹⁵.

Деятельность совета старейшин, его функции были весьма многообразны, особенно в дореформенный период: это и хозяйственные, и бытовые, и организационные дела общины. До введения в действие судов совет старейшин исполнял и судебные функции. В пореформенное время после 1868 г. деятельность совета старейшин была сильно стеснена, но и в этот период он противодействовал произволу старшины и должностных лиц, так же как в свое время ограничивал власть князя-феодала в общине.

Постепенно деятельность совета старейшин свелась к решению внутриобщинных бытовых вопросов (семейные ссоры, тяжбы, разделы между отдельными семьями), но длительное сохранение этого традиционного общинного института говорит о его жизненной необходимости в системе управления соседской общины. Даже и сейчас в неко-

¹⁴ ЦГА СО АССР, ф. 262, д. 71, л. 105.

¹⁵ Полевые материалы СКЭЭ МГУ.

торых абазинских аулах на общественных началах существуют советы старейшин, которые являются компетентным самобытным органом местного самоуправления. Например, в ауле «Инджик-Чикун» в совет старейшин входит 5 наиболее уважаемых стариков аула, а его председателем (тамадой) вот уже много лет выбирают Тотлуста Косова¹⁶. В компетенцию совета старейшин входят не только бытовые вопросы, касающиеся семейных дел, но и производственные — организация помощи колхозу в страдную пору (во время сенокоса, уборки урожая и пр.).

СУДЕБНЫЕ ОРГАНЫ ОБЩИНЫ

До проведения царским правительством судебно-административных реформ (в 60-х годах XIX в.) в соседской общине абазин одновременно существовала система разных судов: посреднический (третейский), медиаторский, княжеский, адатный (постоянный — мехкеме) и шариатский. Кроме того, судебными функциями обладал совет старейшин.

Как видим, в сельской общине абазин продолжали действовать традиционные судебные органы (совет старейшин, суд посредников), хотя уже в этот период они утратили многие свои функции.

Сосуществование в сельской общине судов разных типов опять-таки отражает сложные процессы развития общины, ее приспособление к новым условиям пореформенного периода. Старое еще не ушло, а новое не завоевало прочных позиций, что и создавало причудливое переплетение нового и старого в одной социальной единице — соседской общине, отражая, по существу, этапы ее сложного развития. В. И. Ленин по поводу соотношения нового и традиционного писал: «Когда новое только что родилось, старое всегда остается, в течение некоторого времени, сильнее его, это всегда бывает так и в природе и в общественной жизни»¹⁷.

Известно, что у большинства народов Северного Кавказа в XIX в. существовало своеобразное сочетание норм обычного права (адата) и норм мусульманского права (шариата). Адат нельзя рассматривать как консервативный пережиток далекого прошлого, хотя в адате XIX в., несомненно, сохранялись отдельные правовые нормы доклассового общества. Обычное право северокавказских народов, в том числе и абазин, совершенствовалось вместе с развитием общества, приспособлялось к новым требованиям.

Адат XIX в. носил классовый характер; он выражал интересы прежде всего господствующего класса. В обычном праве абазин ярко выражен классовый характер отдельных норм: неодинаковые размеры калыма для представителей разных групп населения общины (для аха — от 1500 до 1800 рублей, для агмиста — от 800 до 1000 рублей)¹⁸, неодинаковый выкуп за кровную месть и т. д.

¹⁶ Полевые материалы СКЭЭ МГУ, тетр. 3, с. 67—68.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 20.

¹⁸ ЦГА СО АССР, ф. 262, д. 51, л. 161—162.

Нормы обычного права у абазин, как и у многих народов Северного Кавказа, передавались изустно (до Октябрьской революции абазины не имели своей письменности) и, так как они не были твердо зафиксированы, безусловно, подвергались изменениям, часто в пользу господствующего класса.

Обычное право северокавказских народов представляет ценный юридический и историко-этнографический источник. Но его запись у народов Западного Кавказа была начата лишь в 40-х годах XIX в. Сбором материалов по обычному праву занимались далеко не всегда люди сведущие и заинтересованные. В настоящее время имеются довольно полные и обстоятельные записи обычного права лишь некоторых народов. Обычное право абазин не изучалось и не записывалось. Впрочем, нормы адата разных народов Северо-Западного Кавказа имели много общего.

Нормы шариата стали проникать в кавказское право с распространением ислама. Ислам суннитского толка на Западном Кавказе начал распространяться сравнительно поздно — с XVI—XVII вв. (от крымских татар). Среди абазин тапантинцы раньше шкаровцев восприняли новую мусульманскую веру, о горных же абазинах-шкаровцах многие исследователи конца XVIII — начала XIX в. сообщали как о нерадивых магометанах¹⁹. Некоторые из шкаровцев (баракаевцы, тамовцы, шахгиреевцы) еще в первой половине XIX в. употребляли в пищу свинину и разводили стада свиней²⁰.

Правда, в дальнейшем, в период Кавказской войны, особенно с 40—50-х годов XIX в., ислам сильно укрепил свои позиции на Западном Кавказе, что было связано с политикой Турции, с миссионерством турецких, крымских, восточнокавказских мулл. Ярыми сторонниками и проповедниками мусульманства стали представители господствующего класса — феодалы (аха и агмиста), но и основная масса населения подвергалась исламизации, иногда насильственной.

Позднее распространение ислама объясняет относительно слабое развитие мусульманского права в соседских общинах абазин преоформленного периода. Чтобы понять причины преобладания адата над шариатом в праве горцев XIX в., следует учесть, что нормы шариата предусматривали очень строгие наказания за правонарушения. Кроме того, подавляющая часть населения не знала арабского языка, а это усложняло использование шариата в повседневной жизни. Обычное право для господствующего класса абазинских общин было гораздо выгоднее: оно не только давало возможность влиять на народ так, как угодно было феодалам, но и служило для них источником доходов. Этому способствовали и система штрафов в пользу аха или агмиста-ду, установленная адатом, и повинности, отбываемые по адату общинниками в пользу своего феодала, и пр. Многие причины оп-

---

¹⁹ Л. И. Лавров в очерке «Абазины» дает подробный перечень работ, в которых отмечалось сильное сохранение доисламских верований у абазин. — См.: Лавров Л. И. Абазины. (Историко-этнографический очерк). — КЭС, т. 1. М., 1955, с. 35—36.

²⁰ См.: Лавров Л. И. Указ. соч., с. 35.

ределяли преобладание адата над шариатом в праве народов Северо-Западного Кавказа еще и в первой половине XIX в.

В XIX в. решение дел по адату и шариату было строго разграничено. По шариатскому суду разбирали только дела бракоразводные, наследственные, калымные, о личных и имущественных правах супругов, о законности рождения. Прочие гражданские и уголовные дела решали исключительно по адату.

Шариатские дела решал эфенди (иногда в присутствии совета старейшин). Адатные дела рассматривали посреднический и адатный (мехкеме) суды, совет старейшин, княжеский суд.

Суд посредников (третейский суд) в течение долгого времени сохранялся у народов Северного Кавказа. Абазины широко прибегали к нему и в дореформенное время и после реформы. С помощью медиаторского суда разрешались не только внутриобщинные тяжбы, но и конфликты между жителями разных общин (прекращение кровной мести и вражды, поземельные споры и пр.). А. М. Ладыженский, специально изучавший обычное право горцев Северного Кавказа, полагает, что суд посредников возник как первоначальный орган для урегулирования именно межобщинных конфликтов, а затем превратился во внутриобщинный судебный орган²¹.

В состав суда посредников у абазин (аныргIалыгIвчва — примирители) выбирали обычно несколько уважаемых стариков, поровну от каждой конфликтующей стороны. Чем сложнее было дело, тем представительнее выбирали посредников, и число их было большим. Посредники и улаживали конфликты.

Иногда посредников назначал общий сход. В 1867 г. в Дударуковском ауле возник конфликт между Уричевыми и Хаупшевыми. Магомет-Гирей Уричев хотел жениться на девушке Татыш из фамилии Хаупшевых. Но ее отец отказался выдать за него замуж свою дочь. Старшина аула князь Дударуков был на стороне Уричева и настаивал, чтобы Ибрагим Хаупшев согласился. Тогда в дело вмешалась община. На общем сходе избрали 3 уважаемых стариков, которые должны были выяснить отношение самой девушки к предполагаемому жениху. Девушка через посредников отказала Уричеву, и аульное общество обязало Уричева отступить²².

Часто в дореформенной общине абазины прибегали и к суду старейшин. Этот суд разбирал дела не только между свободными общинниками, но и конфликты между владельцами и их крепостными-лыгами. Совет старейшин, выслушав обе стороны, решал: оставить ли лыга у прежнего владельца или обязать владельца продать его новому хозяину²³. Отпуск на волю лыгов и унавы совершался также в присутствии почетных стариков общины.

В 40-х годах XIX в. у народов Северо-Западного Кавказа появились постоянные адатные суды — мехкеме. Они были выборными.

---

²¹ См.: Ладыженский А. М. Адаты горцев Северного Кавказа. Докт. дисс. М., 1946, с. 86.

²² ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 433, л. 3—5.

²³ ЦГВИА, ф. 14 257, оп. 3, д. 435, л. 12.

Первыми такой суд ввели у себя абадзехи в 1841 г.²⁴ Мехкеме существовал и у абазин. В 50-х годах мехкеме у абазин, в частности, принял в свое ведение разрешение споров между владельцами и их лыгами и унавы. А в 1858 г. были составлены «Правила», регулирующие порядок разрешения споров между владельцем и его крестьянами, согласно которым «холопья, уходящие от своих владельцев по разным причинам, непременно должны сначала являться к членам мехкеме и объявлять им подробно причины, побудившие оставить своих владельцев»²⁵.

В состав мехкеме входили, как правило, представители высших сословий. По данным того же 1858 г., членами мехкеме абазин были аха Шужей Джантемиров и Идрис Лоов, агмиста Якуб Цымпов, Хаджи Кодзоков, Хусейн Джегутанов, Ильяс Апсов²⁶.

В абазинских раннефеодальных соседских общинах все большее значение стал приобретать княжеский суд. Феодал — глава общины — присвоил себе право вершить суд на территории подвластной ему общины. В XIX в. конфликтующие стороны все чаще обращались к князю. Аха судил по адату, и нужно сказать, что он дорожил этим правом — вершить суд, так как оно усиливало его влияние в общине.

При рассмотрении судебных дел основной формой доказательства (виновности или невиновности) служило соприсяжничество. Заподозренный в преступлении приносил «очистительную присягу», в которой не признавал себя виновным, соприсяжникам — несколькими своим сородичам, специально избранным для этой цели родственниками обвиняемого. Соприсяжники, в свою очередь, приносили очистительную присягу суду, в которой подтверждали невиновность своего родственника. Если же заподозренный или его родственники-соприсяжники отказывались от очистительной присяги, это служило основанием для обвинения заподозренного.

Такая система доказательства виновности имеет древнее происхождение и восходит к тому времени, когда кровно-родственные связи имели исключительное значение и солгать своим родственникам было просто немислимым преступлением. Родственно-патронимическая группа несла полную ответственность за поведение и нравственность своих членов.

В древней Руси тоже существовал институт, подобный северокавказскому соприсяжничеству. В суд приходили послухи, подтверждавшие присягу обвиняемого²⁷.

Таким образом, в предреформенный период судебные органы в абазинской соседской общине представляли собой сложную систему разных судов.

В пореформенное время судебные органы общины подверглись изменениям, но их разнотипность сохранялась. В 1865 г. царская администрация законодательным порядком создала в Кубанской области

²⁴ См.: Ладыженский А. М. Указ. соч., с. 565.

²⁵ ЦГВИА, ф. 14 257, оп. 3, д. 435, л. 11 об.

²⁶ ЦГВИА, ф. 14 257, оп. 3, д. 435, л. 12 об.

²⁷ См.: Ладыженский А. М. Указ. соч., с. 571.

горские словесные суды. В состав суда входили: председатель (обычно это был начальник округа или его помощник; их назначала царская администрация), депутаты (судьи) и кадий (один или два). Депутатов и кадия избирали жители аулов: сначала жители аулов выбирали из своей среды избирателей (по 2 от каждых 50 домов), а затем эти избиратели выбирали депутатов-судей и их кандидатов. В горских словесных судах дела рассматривали и по шариату (кадий) и по адату (депутаты). В Кубанской области горские словесные суды были высшей судебной инстанцией. Апеллировать можно было лишь к начальнику Кубанской области.

Горские словесные суды имели постоянное место пребывания. В Баталпашинском отделе до 1888 г. функционировали горский словесный суд специально для карачаевцев (его несколько раз закрывали, а потом вновь открывали) и горский словесный суд в Бибердовском ауле. Но иногда, особенно летом, судьи выезжали в аулы и на месте разбирали тяжёлые дела. Такой порядок (выезд на места) позволял рассмотреть множество дел, не отрывая крестьян от хозяйственных занятий в страдную пору. Так, в 1867 г. Баталпашинский второй суд выезжал в Кумско-Абазинский, Лоовско-Кубанский и другие аулы. В этом году он разобрал 137 дел. Интересен их перечень. Суд рассмотрел: 50 дел по воровству, 25 дел по разделу имущества, 13 дел по неуплатам калыма, 7 дел по долгам, 6 дел по увозу девушек и неправильному заключению браков, 36 дел по другим разным предметам.

Большая часть судебных дел была связана с воровством и разделом имущества, причем из 50 дел по воровству 48 касалось похищения скота²⁸.

В горском словесном суде было всего лишь 2 депутата от всех аулов Баталпашинского отдела, кроме карачаевцев, которые имели свой особый суд. А когда карачаевский суд был закрыт, то в горском словесном суде разбирали дела 34 аулов Баталпашинского отдела. Поступавшие дела иногда подолгу лежали без разбирательства.

В 1912 г. горские словесные суды были специально обследованы Н. М. Агишевым и Н. Д. Бушеном. Они отмечали, что «горские суды не пользуются популярностью среди самого горского населения и нередко сами тяжущиеся всеми силами стараются избежать разбирательства их дела в горском суде»²⁹. Очевидно, и раньше этого времени, во второй половине XIX в., горские словесные суды не пользовались популярностью среди коренного населения Северо-Западного Кавказа, которое предпочитало решать дела на месте, в своей общине.

В 1868 г. были открыты аульные суды, рассматривавшие мелкие дела, иск которых не превышал 30 рублей. В аульный суд судей (как правило, 3 судьи) избирали на общем сходе сначала ежегодно, а потом через каждые 3 года. Компетенции аульного суда подлежали различные дела: нарушение общественного порядка (ссоры, драки, неисполнение постановления суда и др.), внутриобщинные поземельные споры, воровство и т. д. Аульный суд созывался старшиной.

²⁸ ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 306, л. 9—10.

²⁹ Агишев Н. М. и Бушен Н. Д. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. СПб., 1912, с. 29.

В пореформенное время бытовали некоторые традиционные общинные органы судебного разбирательства. Так, сохранялись практика прибегать к суду посредников и традиционная система доказательств — очистительная присяга, которую применяли и в горском словесном суде. Однако она постепенно устаревала. С угасанием кровно-родственных связей в сельской общине снижалось значение института со-присяжничества. Все чаще наблюдались случаи лжесвидетельства. Недаром в перечне штрафов за различные проступки самый высокий штраф полагался за лжесвидетельство³⁰.

Таким образом, вторая половина XIX в. — время отмирания многих традиционных общинных институтов.

Коллектив общины строго преследовал нарушителей спокойствия в общине. Меры наказания предусматривали: изгнание из общины (на время или навсегда), денежный штраф в пользу общества, имущественное вознаграждение потерпевшему, общественные работы. Аульные суды в качестве наказания могли назначать общественные работы от одного дня до одного месяца, штраф до 30 рублей, арест до 14 дней³¹.

Во второй половине XIX в. в абазинской общине особенно усилилась система штрафов. По сведениям 1863 г., за самовольное занятие земли семья должна была заплатить штраф 25 рублей, за самовольную отлучку из аула, за оскорбление старшины, за потраву хлеба — 10 рублей, за лжесвидетельство — 30 рублей, за уклонение от общественных работ — 3 рубля и т. д.³². Телесные наказания абазины, как и другие горцы Кавказа, не применяли.

Особое значение имело общественное воздействие, публичное преследование виновного. Строго наказывалось воровство внутри общины. Чтобы найти вора, часто прибегали к магическим действиям, например к обряду гадания на фасоли (къвыдрыпара). Гадалка, обычно это была женщина, брала нечетное число фасолин, выбрасывала их на стол и по тому, как они располагались, предсказывала дальнейшие события. По другому способу определения вора замачивали ячмень, и, как только он начинал разбухать, точно так же, по представлениям абазин, начинал «пухнуть» и вор.

Если вор украл что-либо у своих родственников, они сами решали, как с ним быть. Все оказывалось просто, когда вор признавался в содеянном и возвращал украденное (обычно в двойном размере). Однако в том случае, если вор не признавался, а в его доме находили, например, мясо и шкуру украденного им животного (теленка, овцы), то шкуру надевали на вора и прогоняли по аулу³³. При подобных наказаниях особое значение придавали корове черной масти. Позором считалось, когда провинившегося (вора или изменившую мужу жену)

³⁰ ЦГВИА, ф. 14 257, оп. 3, д. 156, л. 136.

³¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 649, л. 17—27.

³² ЦГВИА, ф. 14 257, оп. 3, д. 156, л. 139—140.

³³ Полевые материалы СКЭЭ МГУ, тетр. 5, с. 39, 40, тетр. 7, тетр. 3, 7, 8 и др.

сажали на черную корову или привязывали к ней и трижды обводили вокруг аула при всем народе, и тогда каждый должен был плюнуть в него. Если же общинник попадался на воровстве в третий, четвертый раз, то его по приговору общего схода могли посадить в яму и забить камнями. Кроме того, общинники часто прибегали к бойкотированию провинившегося и его семьи: не приходили на чІхІахв, если он и его родные приглашали, на семейные торжества, на похороны и т. д.

Все эти меры общественного воздействия «морально убивали» провинившегося, по выражению одного из информаторов. Общинники преследовали одну цель — поддержание установленного веками порядка в общине, закрепленного нормами обычного права.

После реформы адат продолжал сохранять свое значение, хотя в этот период его постепенно начали вытеснять нормы шариата и законодательство России, что было в интересах основной массы населения. По российским законам судили за измену, разбой и кражу государственного имущества, неповиновение властям.

Таким образом, в пореформенное время в сельской общине абазин продолжали сохраняться некоторые традиционные общинные органы самоуправления: общий сход — кыт-айззара, совет старейшин — ахІбачва рхІаса, суд посредников независимо от судебно-административных органов государственной власти и совместно с ними. Сохранение и функционирование старых общинных институтов в новых условиях — свидетельство их живучести и гибкости; они видоизменялись, но продолжали существовать. Однако в конце XIX в. эти традиционные органы общины постепенно приходили в упадок, изживали себя. Причины этих процессов связаны с разрушением соседской общины вследствие развития капиталистического уклада на Северо-Западном Кавказе.

Общественно-политический строй народов Северного Кавказа до окончательного включения их в состав Российского государства представлял собой такую феодальную систему, при которой соседская общинная организация выступала низшей, автономной общественно-политической и социально-экономической единицей.

Общественно-экономический строй северокавказских народов в XIX в. характеризовался многоукладностью форм, отражавших многовековые своеобразные процессы их историко-экономического развития.

Сословно-классовая структура общины накануне буржуазных реформ, наличие общинного землевладения и разных форм присвоения общинных земель (собственность, владение, пользование), юридическая незавершенность оформления феодальной собственности на землю, сохранение экономической независимости свободными крестьянами (анхаю у абазин) и слабые процессы их закрепощения отражают незавершенность процессов оформления феодальных отношений. Феодальный уклад сочетался с остатками рабовладельческого и первобытнообщинного укладов.

Общинная организация абазин имела в дореформенный период сложную структуру. Ее специфика заключалась в том, что она объединяла разные по социальному и имущественному положению и интересам семьи общинников, представителей эксплуататорских и эксплуатируемых сословий (свободных крестьян и феодалов), то есть антагонистические классы. Эта сложность внутреннего состава общины, его неоднородность, объясняет особую противоречивость происшедших в ней процессов. Именно внутри общинной организации происходило зарождение, становление и дальнейшее формирование классов нового феодального общества, но, с другой стороны, община тормозила процессы классовобразования. Таким образом, устойчивое сохранение соседской общинной организации можно рассматривать как один из факторов замедленности социально-экономического и общественно-политического развития северокавказских горцев, о которой пишут кавказоведы. Причем чем прочнее была община, тем более затяжной характер принимали процессы становления феодальной собственности на землю.

Существование независимых, отдельных, разобщенных друг от друга общин не способствовало прогрессу, политическому и этническому объединению северокавказских народов, а, напротив, консервировало существующие отношения, приводило к их застойности.

В. И. Ленин в работе «К характеристике экономического романтизма» писал: «...Община, как организация производства, никогда не существовала без других форм противоречий и антагонизма, свойственных старым способам производства»¹. В соседской общинной организации абазин сохранялось много черт, унаследованных от исторически предшествующей ей формы общинной организации (общинное

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 214.

землевладение, большая роль кровно-родственных связей, позднеродовых учреждений, в частности, совета старейшин, народного собрания и т. д.). Сохранение остаточных элементов давало повод многим исследователям архаизировать общественный строй северокавказских народов, в том числе и у абазин. Вместе с тем складывание форм феодальной зависимости, феодальных отношений, феодального иммунитета при общинном строе изучалось порой явно невнимательно, поскольку и сама соседская общинная организация сельского населения Северного Кавказа рассматривалась часто как пережиток первобытности.

Характеризуя причины столь долгого сохранения соседской общины у абазин, как и у других народов Северного Кавказа, следует учитывать всю совокупность экономических, общественных и политических факторов. Эти факторы различны в дореформенный и пореформенный периоды. Если до 60-х годов XIX в. среди основных причин, вызывавших необходимость объединения отдельных семей-домохозяйств в общины, можно назвать особенности традиционного хозяйства (сочетание отгонного скотоводства с пашенным земледелием), низкий уровень развития производительных сил, зависимость производителей от природных условий, господство почти натурального хозяйства, ограниченный обмен, необходимость защиты своей территории в условиях тревожного времени раннефеодальных междоусобиц, военно-политическую обстановку того времени, то в пореформенное время не только сохранявшийся традиционный хозяйственный уклад, но и главным образом действия царской администрации способствовали искусственному сохранению общинной организации. Царизм приспособил исконную для северокавказских народов форму социальной организации — соседскую общину — для своих целей. Искусственное укрепление общинных порядков облегчало царской администрации проведение налоговой политики и управление коренным населением Кавказа.

Соседская община объединяла большие и малые семьи — самостоятельные производственные и хозяйственные ячейки. К этому времени община почти утратила коллективные производственные функции, основной формой организации производства стали различные производственные объединения семей — товарищества по совместному труду. В исследуемый период они были весьма разнообразными по своему составу и целям. В пореформенный период объединения вокруг кулака, который использовал их для эксплуатации беднейшего населения и расширения своего хозяйства, постепенно вытесняли все прочие формы.

На примере абазинской общины хорошо прослеживается, как отдельные общинные институты, традиции, обычаи в самых разных областях ее жизни в пореформенный период трансформировались, приспособлялись к новым условиям своего существования, наполнялись новым качественным содержанием, продолжая сохранять свои прежние формы. Эти «превращенные» формы (традиционное общинное самоуправление — общинный сход, совет старейшин, суд посредников и др.) хотя и существовали во второй половине XIX в., однако их реальные функции, положение и роль в соседской общине значительно

изменились. В пореформенный период абазинская община, потеряв, по существу, самостоятельность и самоуправляемость, сохранила многие прежние свои институты. Но постепенно со снижением их функций в жизни общины они отмирали.

Втягивание народов Северного Кавказа в систему российского капитализма нарушало вековую экономическую замкнутость и изолированность соседских общин, разрушало натуральный характер их экономики. Земельные преобразования 60—70-х годов XIX в., отмена крепостного права, административные преобразования, проведенные царским правительством, способствовали успешному развитию капиталистического уклада, который постепенно вытеснял все остальные — феодальный, остатки рабовладельческого и первобытнообщинного. Однако абазины, как и другие народы Северного Кавказа, не прошли капиталистической стадии развития; этот процесс был прерван Великой Октябрьской социалистической революцией.

В пореформенный период в итоге политики царской администрации, которая раздавала в собственность огромные земельные пространства господствующему классу народов Северного Кавказа, здесь было создано крупное сословно-частное землевладение. Сохранение царизмом общинного землевладения, с одной стороны, тормозило развитие товарного земледелия, утверждение полной экономической самостоятельности кулачества, но, с другой стороны, не могло предотвратить этих процессов.

Соседская община сельского населения Северного Кавказа хотя и продолжала сохраняться во второй половине XIX в., включившись в государственную систему России, но это был последний этап ее существования. Она разрушалась под воздействием объективных факторов социально-экономической действительности той поры. Ее существование задерживало развитие более прогрессивного капиталистического способа производства. В этом смысле пореформенная община выступала как консервативный элемент общественной организации северокавказских народов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКАК	— Акты Кавказской археографической комиссии
ВИ	— Вопросы истории
ВМУ	— Вестник Московского университета
ГАКК	— Государственный архив Краснодарского края
ЗКОРГО	— Записки Кавказского отдела Русского географического общества
ЗКОСХ	— Записки Кавказского общества сельского хозяйства
ЗСКГНИИ	— Записки Северо-Кавказского горского научно-исследовательского института
ИОЛИКО	— Известия общества любителей изучения Кубанской области
ИСКНЦВШ	— Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы
КЭС	— Кавказский этнографический сборник
РВ	— Русский вестник
СКЭЭ МГУ	— Северо-Кавказская этнографическая экспедиция Московского государственного университета
ССКГ	— Сборник сведений о кавказских горцах
СЭ	— Советская этнография
ТВ	— Терские ведомости
ТИЭ	— Труды Института этнографии
ТКБГПИ	— Труды Кабардино-Балкарского государственного педагогического института
ТКЧНИИ	— Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института истории, языка и литературы: вып. 2 и 4 (серия филологическая), вып. 3, 4, 6, 7 (серия историческая)
УЗ АНИИ	— Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института экономики, языка, литературы и истории: вып. 4. История и этнография; вып. 8. Этнография; вып. 11. История, этнография, археология; вып. 13. История. Этнография
УЗ СОГПИ	— Ученые записки Северо-Осетинского государственного педагогического института
ЦГА КБАССР	— Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской АССР
ЦГА СОАССР	— Центральный государственный архив Северо-Осетинской АССР
ЦГВИА	— Центральный государственный военно-исторический архив СССР
ЦГИА Гр. ССР	— Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР
ЭО	— Этнографическое обозрение

**Название архивных фондов,
использованных в монографии**

ЦГВИА

ф. ВУА
ф. 14 257

ф. 13 454

ф. 38, оп. 7

ф. 1300

ф. 400

ф. 414

- Военно-ученый архив
- Штаб командующего войсками Кубанской области
- Штаб войск Кавказской линии и в Черномории расположенных
- Кавказские дела
- Штаб Кавказского военного округа
- Главный штаб
- Статистические, экономические, этнографические и военно-топографические сведения о территории бывшей Российской империи

ГАКК

ф. 454

ф. 774

- Канцелярия начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска
- Канцелярия помощника начальника Кубанской области по управлению горцами

ЦГИА Гр. ССР

ф. 416

ф. 545

ЦГА СОАССР

ф. 262

- Кавказская археографическая комиссия
- Кавказское военно-народное управление
- Комиссии для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей

ЦГА КБАССР

ф. 16

- Управление начальника Центра Кавказской линии

ГЛОССАРИЙ

Аба	отец, глава большой семьи
абанпара	семейно-родственная группа, патронимия, поколение
агмиста (агІмыста)	одно из сословий — дворяне
агмиста-ду (агІмыста-ду)	одно из высших сословий — крупные дворяне
агмиста-чкун (агІмыста-чкІвын)	мелкие дворяне
агуп	пастушеское объединение для овец
адгыл-ра	объединение нескольких семей для совместных земледельческих работ, супряга
аджагафа	затейник на народных праздниках
ажвла (жвла)	широкая семейно-родственная группа
ажвча (ажвхча)	пастух, пасущий коров
азат (азатыжв)	вольнотпущенник
акважва (акІважва)	свекровь, старшая среди женщин в большой семье
акыт-алагь	нижняя часть аула
амшІ-кІватан	тяжелый деревянный плуг
анхаю (анхагІвгва)	сословие свободных крестьян-общинников
аныргІалыгІвчва	суд посредников, примирители
арахвхча	пастух, пасущий крупный рогатый скот
атаца-ду	старшая невестка
атыдзы-ду	дом, где проживала большая семья
аха (ахІы)	высшее сословие, князь
ахвысхча (хІвысхча)	пастух, пасущий телят
ахІба (рахІба)	старший семейно-родственной группы
ахІбачва рхІаса	совет старейшин общины
ахІбара	старшинство
ахцара (хцІара)	метка для мелкого рогатого скота
ацацхърыгІара	обычай взаимопомощи
ацчвагІвара	то же, что адгыл-ра (см.)
ачагъвара мгьял	обрядовый пахотный хлеб, выпекаемый во время праздника нып гІат-агара (см.)
ачвхча	пастух, пасущий быков
аща-ду (аща ахІба)	старший брат
байа	богатый, кулак
баста	крутая каша из проса — повседневная пища, часто заменявшая хлеб
бжынабанпара	наименование седьмого поколения
гвадзхын	время уборки урожая

гварта	табун, стадо, отара
гвIадахы (гвIадахьы)	верхняя часть аула
гIайырта	особый лаз в изгороди внутри патронимического квартала
гIванабанпара	наименование второго поколения
гIвоу	глашатай
гьалас	центральный столб на току
дамыгъа	тамга — знак собственности
дефтер (дафтар)	договор
дзинуара (дзыуара)	магически-религиозный обряд вызывания дождя во время засухи
джьамагIат	община, группа людей
дуа	охранный талисман
жьи	кузнец
жьира	кузница
кIватанахIх	руководитель пахоты, обычно самый старший по возрасту пахарь
кIвыдазлара	семья, выделившаяся из состава большой семьи
кIылсырта (хъысырта)	то же, что гIайырта (см.)
квей	родственное поселение хуторского типа, позже соседская община
квта	средняя часть аула
кврыс	сноп
кIвымжвы	мужская верхняя одежда из домашнего сукна, черкеска
кIьядыгв (кядук)	часть аула, аульной общины
кыт-айззара	общинный сход
кыт	аул, соседская община
кытхъа	часть аула, расположенная выше по течению реки или ближе к горам
къваш	временный стан для пастухов и скота, кош
къвыдрыпара	обряд гадания на фасоли
лакырды (лакъырдыгIвы)	то же, что аджагафа (см.)
лу	ручная мельница
лыг	одно из зависимых сословий
льагIважв	руководитель в скотоводческом объединении нескольких семей
маршани	высшее сословие у абазин-шкаровцев, соответствует аха
машв	ток
мхыхча (шIахъахча)	общественный объездчик полей
нанажв	старшая среди женщин патронимии
нартыхв	кукуруза, дословно «хлеб нартов»
нып	флаг
нып гIатагара	общинный аграрный праздник, устраиваемый по окончании пахоты

пкъага
пшынабанпара
паштыхІ (паштах)

псыхІва
тахІчваду
тгІачва
тгІачва-ду

тухум (ткъвым)
тшага
тшадкІылра
тшыгІвра гІацІагахран
тшыхча (тшыхчагІв)
тыдзы
тынхва
тып
уапІа
уартак (ортак)

уасахча ахІба

уатар
унавы (гІвнагІвы, гІвнаъунт)
унагІважв
унагІвашІып
фáсы
хІабля
хІампала
хІахъв пкъага

хвынабанпара
худзь (хІвыдз)

хщрып
хъхІвхІвага

хъамы
хърыгІвра
хынабанпара
цыбынпара
чгІвычаштІыхра

чвагъван
чІхІахв
чуанкІ йацтачаз
чухІа
шаджь
шырдза къанщы
шырдза квайгІва
шырдза шкІвокІва
щха мартан

молотильная доска
наименование четвертого поколения
распорядитель праздника
низина
большая семья у абазин-шкаровцев
семья
большая семья у тапантинцев
то же, что абанпара (см.)
мотыга
то же, что адгыл-ра (см.)
время уборки урожая
табунщик
дом
наследство
временное сооружение, шалаш
бурка
отдача скота на выпас
старший чабан в пастушеском объединении
зимняя стоянка для скота
низшее зависимое сословие, рабы
то же, что тгІачва-ду (см.)
то же, что кІвыдазлара (см.)
мелкое красное просо
часть аула, общины
лепешка из кукурузной муки
каменный каток для обмолота зерна
наименование пятого поколения
отдача скота на выпас другому лицу на короткий срок
серп
примитивная волокуша из веток терновника или орешника
шуба
деревянная просорушка
наименование третьего поколения
наименование шестого поколения
обычай раздачи родственникам одежды умершего
время пахоты
то же, что ацацхърыгІара (см.)
то же, что тгІачва-ду (см.)
сукно домашнего изготовления
скирда
красное просо
черное просо
белое просо
сапетка, улей

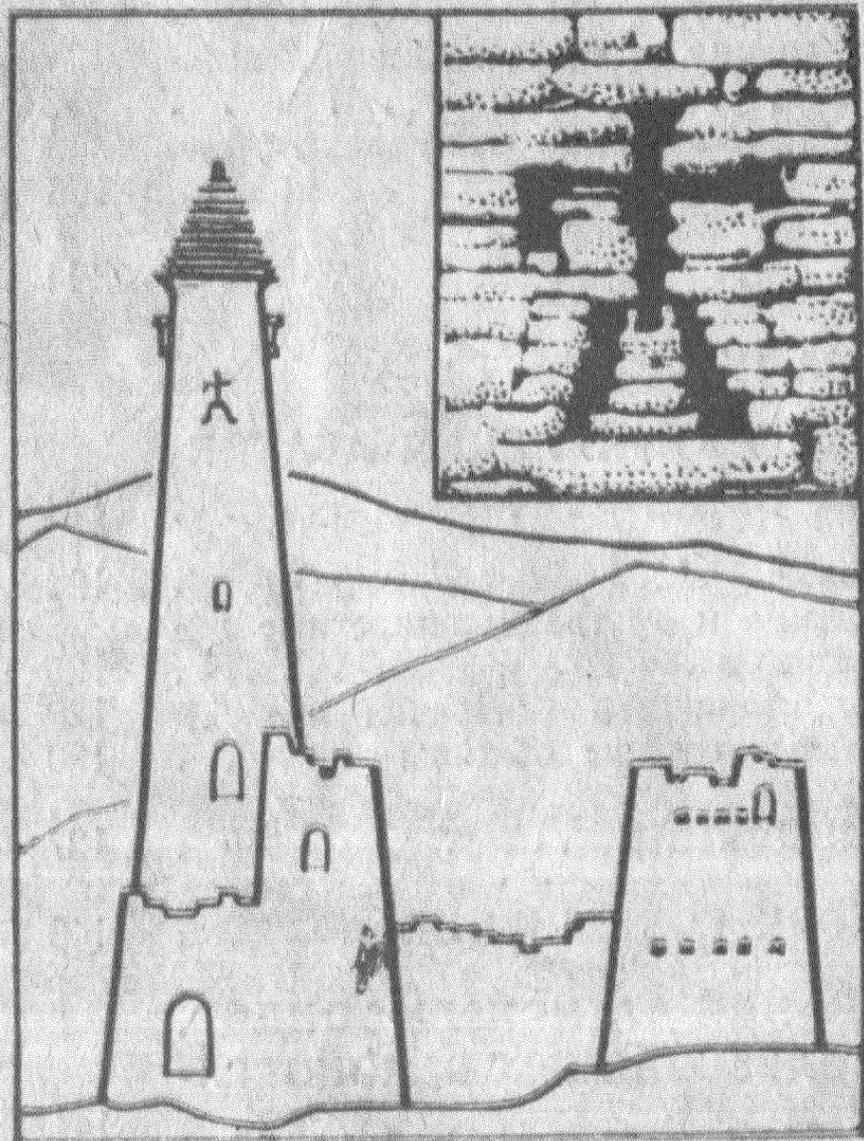
ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I	
ОБЩИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕ- НИЯ ОБ АБАЗИНСКОМ НАРОДЕ И ЕГО РАССЕЛЕНИЕ В XIX в. .	16
ГЛАВА II	
ХОЗЯЙСТВО И ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕ- НИЙ В СОСЕДСКОЙ ОБЩИНЕ АБАЗИН	35
Хозяйственные занятия общинников	35
Земельные отношения в предрефор- менный период	60
Земельные отношения в пореформен- ный период (после 60-х годов XIX в.)	70
Система организации труда в общине	77
ГЛАВА III	
СТРУКТУРА СОСЕДСКОЙ ОБЩИ- НЫ АБАЗИН	87
Размеры и состав общины	87
Сословно-классовое деление и иму- щественная дифференциация общин- ников	93
Сословно-классовые отношения в по- реформенное время	106
Семья и патронимия в системе об- щины	111
ГЛАВА IV	
ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ АБАЗИН- СКОЙ ОБЩИНЫ	124
Общинный сход (кыт-айззара)	124
Старшина и другие должностные ли- ца общины	126
Совет старейшин (ахIбачва рхIаса)	129
Судебные органы общины	130
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	137
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	140
НАЗВАНИЕ АРХИВНЫХ ФОНДОВ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В МОНОГРА- ФИИ	141
ГЛОССАРИЙ	142

Вниманию читателей!

На стр. 144 со слова «психIва» до слова «хъамы» перевод терминов в правой колонке дан строкой выше

Цена 1 р. 10 к.

ИЗДАТЕЛЬ
МОСКОВС
УНИВЕРСИ